

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата
Кристи

Труп в библиотеке

Все было прекрасно, когда Долли Бантри проснулась у себя дома в тихой деревушке Сент-Мэри-Мид. Прекрасно – до тех пор, пока в комнате, где располагалась семейная библиотека, не было обнаружено тело молодой девушки. По словам врача, она была задушена вчера вечером, до полуночи. При этом никто в доме не знал эту привлекательную блондинку. Так кто же она и кто мог убить ее? Подозрение сразу пало на мужа Долли, полковника в отставке, имеющего репутацию волокиты. Тот клянется, что в жизни не видел эту девушку. Но как же она тогда оказалась в его библиотеке? Тогда Долли зовет на помощь свою давнюю подругу мисс Марпл, чтобы та нашла настоящего убийцу – или открыла страшную правду о муже. . .

www.agathachristie.com

Agatha Christie®

Агата Кристи

Труп в библиотеке

Москва
2016

Agatha Christie®
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THE BODY IN THE LIBRARY

Copyright © 1942 Agatha Christie Limited
All rights reserved

AGATHA CHRISTIE, MISS MARPLE and the Agatha Christie Signature
are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or
elsewhere. All rights reserved.

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Кристи, Агата.

К82 Труп в библиотеке / Агата Кристи ; [пер. с англ.
Ю. Р. Соколова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
288 с. — (Агата Кристи. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-88533-6

Все было прекрасно, когда Долли Бантри проснулась у себя дома в тихой деревушке Сент-Мэри-Мид. Прекрасно — до тех пор, пока в комнате, где располагалась семейная библиотека, не было обнаружено тело молодой девушки. По словам врача, она была задушена вчера вечером, до полуночи. При этом никто в доме не знал эту привлекательную блондинку. Так кто же она и кто мог убить ее? Подозрение сразу пало на мужа Долли, полковника в отставке, имеющего репутацию волокиты. Тот клянется, что в жизни не видел эту девушку. Но как же она тогда оказалась в его библиотеке? Тогда Долли зовет на помощь свою давнюю подругу мисс Марпл, чтобы та нашла настоящего убийцу — или открыла страшную правду о муже...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Соколов Ю. Р., перевод на русский язык,
2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88533-6

Предисловие

В каждом литературном жанре существуют собственные клише. Возьмем, к примеру, «отважного и злого баронета» из мелодрамы и «труп, найденный в библиотеке» из детективной истории. Несколько лет я обдумывала возможность написания приличной «вариации на прекрасно известную тему». И поставила для себя некие условия. Во-первых, библиотека, о которой идет речь, должна быть в высшей степени ортодоксальной и обыкновенной. Труп, напротив, должен оказаться в высшей степени невероятным и сенсационным. Такой представлялась мне ситуация, которая, однако, в течение многих лет оставалась без изменений — пребывая в виде нескольких строчек, набросанных в записной книжке. А потом, как-то летом, остановившись на несколько дней в модном отеле у моря, я заметила в столовой за соседним столиком любопытное семейство: пожилого инвалида в кресле-каталке, а с ним целую группу молодежи. К счастью, они уехали на следующий день, так что

мое воображение смогло приступить к работе, не будучи отягощенным какой-то конкретной информацией. Когда люди спрашивают о том, использую ли я в своих книгах списанные с натуры портреты реальных людей, я отвечаю, что просто не способна писать о тех, кого знала, с кем говорила, да даже о ком слышала! По неведомой мне причине они не могут обрести место в моих книгах. Однако я могу воспользоваться неким манекеном, наделяя его качествами, рожденными собственным воображением.

Так пожилой калека сделался осью, вокруг которой развернулась история. Полковник Бантри вместе со своей миссис, старые друзья моей мисс Марпл, предоставили мне нужную библиотеку. Добавляем в этот кулинарный рецепт следующие ингредиенты: тренера-теннисиста, молодую танцовщицу, киношника, девочку-скаута, хозяйку дансинга и так далее — и подаем блюдо *a la* мисс Марпл!

Агата Кристи

Глава 1

I

Миссис Бантри снился сон. Ее душистый горошек взял первую премию на цветочной выставке. Облаченный в сутану и стихарь викарий раздавал призы в церкви. Мимо прошла его жена в купальном костюме, однако благодаря благословенной особенности снов факт этот не возбудил в прихожанах того неодобрения, которое вызвал бы в реальной жизни. Так что миссис Бантри была в немалой степени удовлетворена сном.

Она обыкновенно любила эти ранние утренние сновидения, прерывавшиеся появлением утреннего же чая. В недрах ее сознания пребывало ощущение обычных, соответствующих времени дня шумов. Донесшийся с лестницы треск колец шторы, поехавшей в сторону под руками служанки, стук мусорного совка и шорох щетки в руках второй служанки в коридоре. Вдалеке с тяжелым лязгом отъехал в сторону засов парадной двери.

Начинался новый день. И ей предстояло извлечь как можно больше удовольствия из цветочной выставки, ибо сновидение уже неспешно превращалось в реальность.

Снизу, из гостиной, до ее слуха донесся стук больших деревянных ставен. Она одновременно слышала и как бы не слышала его. Домашние шумы будут продолжаться еще с полчаса — осторожные, негромкие, очень знакомые и потому не тревожные. Завершат их быстрая и осторожная походка в коридоре, шелест ситцевого платья, легкое дребезжание чайной посуды на поставленном снаружи на столик блюде, после чего с легким стуком войдет Мэри, чтобы раздвинуть шторы. Во сне миссис Бантри нахмурились. Сон пронзало нечто тревожное, нечто несвоевременное. Шаги в коридоре... шаги эти оказались слишком быстрыми и слышались чересчур рано. Уши ее подсознательно ждали звона фарфора, однако звона не было. Вместо него слышался стук. Автоматически, из глубины сна, миссис Бантри отозвалась: «Войдите».

Дверь открылась... сейчас простучат колечки раздвигаемых штор...

Но привычного треска не было. Из тусклого зеленого света донесся полный истерики задуманный голос Мэри.

— Ой, мэм, ой, мэм, *там, в библиотеке, труп!*

И, разразившись истерическими рыданиями, служанка вылетела из комнаты.

II

Миссис Бантри села в постели. Либо ее сон принял очень странный оборот, или же Мэри и в самом деле ворвалась в комнату и объявила невысказанное — что в библиотеке обнаружился труп.

— Быть не может, — сказала себе миссис Бантри. — Должно быть, мне приснилось.

Однако, уже произнося про себя эти слова, она постепенно ощутила уверенность в том, что видит отнюдь не сон. И что Мэри, ее в высшей степени владеющая собой Мэри, действительно произнесла эти невысказанные слова. Поразмыслив с минутой, миссис Бантри приложила по-супружески настоятельный локоть к боку своего спящего мужа.

— Артур, Артур, проснись. — Полковник Бантри хрюкнул спросонья, что-то пробормотал и перевернулся на бок. — Проснись, Артур. Ты слышал, что она сказала?

— Весьма возможно, — неразборчиво пробормотал полковник. — Я полностью согласен с тобой, Долли.

И снова провалился в сон.

Миссис Бантри потормошила его.

— Ты должен послушать меня. Только что сюда вошла Мэри и сказала, что в нашей библиотеке обнаружился труп.

— Э... что?

— *Труп в нашей библиотеке.*

— Кто это сказал?

— Мэри.

Полковник Бантри собрался с мыслями и приступил к овладению ситуацией.

— Ерунда, моя дорогая! Тебе это приснилось.

— Нет, не приснилось. Сначала я тоже так подумала. Но это не так. Она на самом деле вошла и сказала эти слова.

— Мэри вошла к нам в спальню и сказала, что в библиотеке находится труп?

— Да.

— Но этого быть не может, — возразил полковник.

— Да-да, я тоже так считаю, — полным сомнения голосом произнесла миссис Бантри и, собравшись с мыслями, продолжила: — Но почему тогда Мэри так сказала?

— Она не могла так сказать.

— Но ведь сказала же.

— Тебе это померещилось.

— Вовсе нет.

Полковник Бантри теперь уже полностью проснулся и был готов разрешить ситуацию как

она есть. Посему он ласковым тоном проговорил:

— Тебе это приснилось, Долли. Это все тот детектив, который ты читаешь, «Загадка сломанной спички». Ну, ты помнишь. Лорд Эджбастон обнаруживает в своей библиотеке труп прекрасной блондинки на коврике перед камином... Если верить книгам, трупы всегда находят в библиотеках. В жизни я ни о чем подобном не слышал.

— Возможно, сейчас услышишь, — проговорила миссис Бантри. — В любом случае, Артур, ты должен встать и пойти посмотреть.

— Ты серьезно? Долли, это, *конечно же*, был сон. Часто так случается: он кончается, а ты видишь его ярко-ярко. И полностью уверен в том, что он реален.

— Мне снился совершенно другой сон — о цветочной выставке и жене викария, которая шеголяла в церкви в купальном костюме, вот так. — Миссис Бантри выскочила из постели и раздвинула шторы. В комнату хлынул свет ясного осеннего дня. — Мне это *не* приснилось, — твердым тоном проговорила она. — Артур, немедленно поднимайся и сходи вниз: посмотришь, как там дела.

— Ты хочешь, чтобы я сходил вниз и спросил, нет ли трупа в библиотеке? Люди сочтут меня дураком.

— Тебе необязательно что-то спрашивать, — ответила миссис Бантри. — Если в библиотеке действительно есть труп и если Мэри сошла с ума и начала видеть то, чего нет, кто-нибудь сразу тебе скажет. Тебе не придется произнести ни слова.

Недовольно бурча, полковник облачился в халат и покинул комнату. Пройдя по коридору, спустился по лестнице. У ее подножия обнаружилась стайка служанок; некоторые плакали. Дворецкий со значительным видом шагнул вперед.

— Рад, что вы пришли, сэр. Я распорядился, чтобы до вашего прихода ничего не трогали. Прикажете позвонить в полицию, сэр?

— О чем позвонить в полицию?

Дворецкий бросил через плечо укоризненный взгляд на рослую молодую женщину, безутешно рыдавшую на плече у кухарки.

— Насколько я понимаю, сэр, Мэри уже проинформировала вас. Она мне так сказала.

Мэри выдохнула, прервав рыдания:

— Я была настолько расстроена, что даже не знаю, что сказала! Все снова накатило на меня, ноги мои подогнулись, и нутро вывернуло наружу! Надо же... увидеть такое... Ох-ох-ох!

И она снова припала к плечу миссис Эклс, отозвавшейся с некоторым интересом: «Ну-ну, моя дорогая».

— Мэри вполне понятным образом расстроена,

сэр, прискорбное открытие выпало на ее долю, — пояснил дворецкий. — Она, как обычно, зашла в библиотеку, чтобы раздвинуть шторы, и... и едва не споткнулась о труп.

— Вы хотите сказать, — потребовал ответа полковник Бантри, — что в библиотеке — *моей* библиотеке — находится мертвое тело?

Дворецкий кашлянул.

— Должно быть, сэр, вы хотите увидеть его собственными глазами?

III

— Алло, алло, алло. Участок полиции слушает. Да, кто говорит? — Констебль полиции Палк одной рукой застегивал рубашку, а другой держал телефонную трубку. — Да-да, Госсингтон-холл. Да? О, доброе утро, сэр.

Тон констебля полиции Палка претерпел некоторое изменение, сделавшись менее недовольным и официальным, в разговоре с щедрым покровителем полицейского спорта и главным магистратом всего округа.

— Да, сэр? Чем могу служить вам? Простите, сэр, не совсем понял вас. *Труп*, вы сказали? Да? Да, если угодно, сэр. Слушаю, сэр. Незнакомой вам молодой женщины, так вы сказали? Конечно, сэр. Да, вы можете во всем положиться на меня.

Констебль полиции Палк опустил трубку на место, выпустил из груди давно копившийся в ней свист и начал набирать номер своего начальника. Из кухни, распространявшей дивный запах жарящегося бекона, выглянула миссис Палк.

— Что случилось?

— Ничего более странного ты не слышала, — ответил ее муж. — В Госсингтон-холле обнаружен труп молодой женщины. В библиотеке полковника.

— Убитой?

— По его словам, задушенной.

— И кто она такая?

— Полковник заявил, что не имеет об этом ни малейшего представления.

— Тогда что она делала в его библиотеке?

Заставив жену замолчать укоризненным взором, констебль полиции Палк официальным тоном проговорил в трубку:

— Инспектор Слэк? Говорит констебль полиции Палк. Мне только что сообщили о трупе молодой женщины, обнаруженном в семь часов пятнадцать минут...

IV

Телефон зазвонил, когда мисс Марпл еще одевалась. Звук этот несколько взволновал ее: было еще слишком рано для телефонных звонков.

В педантичной жизни этой старой девы царил такой безукоризненный порядок, что непредвиденный звонок немедленно становился причиной неожиданных предположений.

— Боже мой, — проговорила мисс Марпл, в смятении разглядывая трезвонивший аппарат. — Интересно, кто бы это мог быть?

Время с девяти до девяти тридцати утра считалось в деревне приемлемым для звонков друзьям. В эту половину часа составлялись планы на сегодняшний день, рассылались приглашения и так далее. Известно было, однако, что мясник способен позвонить еще до девяти, в случае каких-либо неприятностей в торговле мясом. Днем звонили в любое время, однако вечером, после половины десятого, звонить было не принято.

Конечно, племянник мисс Марпл, писатель и в таком качестве персона не без странностей, мог позвонить совершенно в любое время... даже за десять минут до полуночи, как случилось однажды. Однако, какими бы чудачествами ни занимал себя Раймонд Уэст, ранней пташкой его называть было невозможно. Так что ни он, ни одна из подруг мисс Марпл до восьми утра позвонить не могли. Точнее, до без четверти восемь. Слишком рано и для телеграммы, поскольку почтовое отделение открывалось ровно в восемь часов.

— Должно быть, ошиблись номером, — решила мисс Марпл. Придя к подобному заключению, она приблизилась к надрывавшемуся аппарату и разом успокоила его, сняв трубку и проговорив: — Да?

— Это вы, Джейн?

Мисс Марпл весьма удивилась.

— Да, это я. А вы, как видно, встаете очень рано, Долли.

Телефонный аппарат донес до ее слуха задыхающийся от волнения голос миссис Бантри:

— Случилось ужаснейшее событие.

— О боже!

— Мы обнаружили труп у себя в библиотеке.

На какое-то мгновение мисс Марпл решила, что подруга ее сошла с ума.

— Что... *что* вы обнаружили?

— Понимаю. В это невозможно поверить, правда? То есть я думала, что подобные события случаются только в книгах. Сегодня утром мне пришлось целый час уговаривать Артура, чтобы тот спустился вниз и посмотрел.

Мисс Марпл попыталась собраться с мыслями. В полной растерянности она проговорила:

— Но чей труп вы нашли?

— Какой-то блондинки.

— Что-что?

— Блондинки. Как в книжках... светловолосой красотки. Никто из нас ее до сегодняшнего дня ни разу в жизни не видел. Она сейчас лежит в библиотеке. И поэтому вам нужно немедленно явиться к нам.

— Вы хотите, чтобы я приехала к вам?

— Да, и я посылаю за вами автомобиль.

Мисс Марпл с сомнением в голосе произнесла:

— Ну, конечно, дорогая, раз вы считаете, что я способна утешить вас...

— Ох, не утешение мне нужно. Но вы хорошо разбираетесь в трупах.

— Что вы, мои мелкие успехи имели в основном теоретический характер.

— Но вы же специалистка в области убийств. Девушку эту убили — задушили то есть. И мне кажется, что если в вашем доме кого-то убили, то из этого факта надлежит извлечь максимум удовольствия... надеюсь, вы правильно понимаете меня. И поэтому я хочу, чтобы вы приехали ко мне, помогли найти убийцу, распутать тайну и все такое. Действительно, захватывающая перспектива, правда?

— Ну, конечно, моя дорогая, если только я смогу чем-то *помочь* вам.

— Великолепно! С Артуром мне сейчас тяжело. Похоже, он думает, что мне не следует

извлекать максимум удовольствия из ситуации. Конечно, я понимаю, что все это очень прискорбно и так далее, однако девушка эта мне незнакома. И когда вы увидите ее, то поймете, что я имею в виду, называя ее совершенно *нереальной*.

V

Несколько запыхавшаяся мисс Марпл высадилась из автомобиля Бантри, дверцу которого открыл перед ней шофер. Вышедший на крыльцо полковник Бантри несколько удивился ее появлению.

— Мисс Марпл? Очень рад видеть вас.

— Меня пригласила по телефону ваша жена, — объяснила она.

— Превосходно, великолепно. Сейчас ей нужна собеседница, иначе она не выдержит. Пока что она строит бодрую мину, однако вы понимаете, каково ей на самом деле.

Появившаяся в этот самый момент миссис Бантри воскликнула:

— Возвращайся к своему завтраку, Артур. Твой бекон остынет.

— А я уж решил было, что приехал инспектор, — пояснил полковник.

— Он вот-вот будет здесь, — объявила миссис Бантри. — Вот почему необходимо, чтобы ты закончил с завтраком. Совершенно необходимо.

— Как и тебе. Лучше пойдем, и ты съешь что-нибудь, Долли.

— Буду через минуту, — пообещала мужу миссис Бантри. — Ступай, Артур.

И полковник, как заблудшая курица, поплелся назад в столовую.

— *Итак!* — победоносным тоном произнесла миссис Бантри. — Идемте.

И она повела гостью по длинному коридору в восточную часть дома. Возле двери в библиотеку караулил констебль Палк, властным движением остановивший миссис Бантри.

— Боюсь, что пускать внутрь никого не дозволено, мадам. По приказу инспектора.

— Ерунда, Палк, — возразила миссис Бантри. — Вы прекрасно знаете мисс Марпл.

Констебль не стал отрицать факт знакомства с последней.

— Она должна осмотреть труп, это очень важно, — проговорила миссис Бантри. — Не говорите глупостей, Палк. В конце концов, это моя библиотека, не так ли?

И констебль Палк капитулировал, поскольку всю жизнь уступал лицам благородного звания. Впрочем, он решил, что инспектор не узнает об этом.

— Только ничего не трогайте и не переставляйте, — предостерег констебль обеих леди.

— Ну, конечно, — нетерпеливым тоном проговорила миссис Бантри. — Нам *это* известно. И, если хотите, можете тоже войти и проследить за нами.

Палк охотно воспользовался сим разрешением, тем более что и сам намеревался так поступить. Миссис Бантри триумфально проводила свою подругу через библиотеку к большому старомодному камину и сказала, подчеркивая трагизм ситуации:

— Вот!

И тут мисс Марпл поняла, что имела в виду ее приятельница, сказав, что мертвая девушка была нереальна. Библиотека имела вид типичный для этого дома. В просторном, запущенном и неопрятном помещении стояли большие продавленные кресла, на широком столе рядком помещались книги, трубки и деловые бумаги. Стены украшала парочка неплохих семейных портретов, несколько скверных викторианских акварелей и способных показаться забавными охотничьих сценок. В углу стояла высокая ваза с цветами. В сумрачной комнате царил атмосфера непринужденная и приятная, свидетельствующая о долгом пребывании здесь хозяев и их связи с традицией.

Однако на старом каминном ковре из медвежьей шкуры лежало нечто неожиданно новое, мелодраматичное и дисгармонирующее со всей обстановкой. Роскошная девичья фигурка.

Неестественно светлые волосы окружали лицо причудливыми завитками и колечками. Легкое тело прикрывало белое атласное с блестками вечернее платье с открытой спиной; на лице остался густой слой косметики, пудра гротескным образом подчеркивала посиневшую и распухшую кожу, тушь с ресниц осыпалась на перекошенные щеки, алая помада на губах казалась открытой раной. Ногти на пальцах были покрыты густой алой эмалью, как и на пальцах ног в дешевых серебристых сандалиях. Дешевая, безвкусная, напыщенная фигурка, абсолютно неуместная в солидном и старомодном уюте библиотеки полковника Бантри.

— Теперь вы понимаете, что я хотела сказать? — негромко проговорила миссис Бантри. — Ей просто *не место* здесь.

Находившаяся рядом с нею пожилая леди кивнула, не отводя задумчивого взгляда от скрючившейся фигурки. И наконец так же негромко заметила:

— Она совсем молода.

— Да-да, конечно, — произнесла миссис Бантри с энтузиазмом свидетельницы открытия.

За окном под колесами автомобиля захрустел гравий. Констебль Палк многозначительным тоном объявил:

— Это инспектор.

Миссис Бантри, поддерживая его врожденную уверенность в том, что благородные люди никогда не позволят себе оступиться, немедленно направилась к двери. Мисс Марпл последовала за нею.

— Все будет в порядке, Палк, — проговорила миссис Бантри.

Констебль немедленно ощутил огромное облегчение.

VI

Торопливо залив глотком кофе последние крохи тоста и мармелада, полковник Бантри торопливо вышел в холл и, к собственному облегчению, узрел в открытой двери лично полковника Мелчетта, главного констебля¹ графства, выходящего из автомобиля под присмотром инспектора Слэка. Мелчетт был другом полковника Бантри; на Слэка же он никогда особенного внимания не обращал. Просто потому, что не придавал особого значения этому энергичному, вопреки собственной фамилии², человеку, сопровождавшему свою бурную дея-

---

¹ Главный констебль — начальник полиции города или графства в Англии (за исключением Лондона).

² Слэк (*англ. slack*) — вялый, медленный, ленивый.

тельность доброй долей неуважения к чувствам всех людей, которых он не считал достойными внимания.

— Доброе утро, Бантри, — поздоровался главный констебль. — Вот решил, что лучше посмотреть самому. Ситуация кажется мне невероятной.

— Да-да. — Хозяин дома попытался выразить свои чувства. — Она *немыслима, невозможна!*

— А кто эта женщина, не знаете?

— Не имею ни малейшего представления. В жизни ее не видел.

— А дворецкий ничего не знает? — спросил инспектор Слэк.

— Лорриммер ошеломлен в той же мере, как и я сам.

— Ну да, — отозвался инспектор Слэк. — Сомневаюсь.

— В столовой подан завтрак, Мелчетт... не хотите ли? — предложил полковник Бантри.

— Нет-нет, лучше приступим к делу. Хэйдок вот-вот подъедет... А вот и он.

Подъехал еще один автомобиль, и из него выbralся рослый и широкоплечий доктор Хэйдок, исполнявший обязанности полицейского хирурга. Из второй полицейской машины высадились два детектива в штатском, в руках одного из них был фотоаппарат.

— Ага, все собрались? — констатировал главный констебль. — Хорошо. Начинаем. Тело в библиотеке, как сказал Слэк.

Полковник Бантри простонал.

— Это невероятно! Знаете, когда сегодня утром жена разбудила меня, сказав, что служанка только что зашла к нам в спальню и сказала, что в библиотеке обнаружился труп, я не мог поверить своим ушам.

— Ну да, в подобное трудно поверить. Надеюсь, что ваша хозяйка не приняла ситуацию слишком близко к сердцу.

— Она ведет себя воистину превосходно, даже чудесно. Кстати, пригласила к нам старую мисс Марпл из деревни.

— Мисс Марпл? — Главный констебль напрыгся. — Зачем она пригласила ее?

— О, женщине всегда нужна другая женщина... разве не так?

Полковник Мелчетт чуть усмехнулся.

— Если вы спросите меня, я отвечу: ваша жена намеревается затеять собственное любительское расследование. Мисс Марпл у нас сыщик местного масштаба. Как-то раз натянула нам нос, правда, Слэк?

— Ну, там дело было другое, — отозвался инспектор.

— В чем другое?

— Так сказать, местного значения, сэр. Конечно, старая леди в курсе всего, что происходит в деревне. Но эта вот задачка явно окажется ей не по силам.

— Мы и сами пока не знаем никаких обстоятельств, Слэк, — сухо отметил Мелчетт.

— О, подождите немного, сэр. Я без особого труда разберусь с этим.

VII

Сидя в столовой, миссис Бантри и мисс Марпл в свой черед были заняты завтраком. Обслужив гостью, миссис Бантри нетерпеливо спросила:

— Ваше мнение, Джейн?

Мисс Марпл посмотрела на приятельницу с легким беспокойством.

— Вам ситуация ничего не *напоминает*? — с надеждой произнесла хозяйка дома.

Ибо мисс Марпл заслужила свою репутацию благодаря умению связывать тривиальные деревенские события с проблемами более серьезными — причем так, чтобы первые проливали свет на последние.

— Нет, — с задумчивой интонацией произнесла мисс Марпл. — Не могу сказать что-то в данный момент. Разве что чуть припомнилась млад-

шая, Эди, нашей миссис Четти, но это, наверное, потому, что бедная девочка все время грызла ногти, и передние зубы ее заметно выступали. А более ничего. И, конечно, — продолжила мисс Марпл свою параллель, — Эди тоже любила эту, на мой взгляд, дешевую мишуру.

— Вы про ее наряд? — переспросила миссис Бантри.

— Да, дешевый и низкосортный атлас.

— Это я знаю. Купленный в одной из этих отвратительных мелких лавчонок, в которых любой товар стоит гинею. Постойте, — с надеждой продолжила хозяйка дома, — а что случилось с этой самой Эди?

— Она перешла на новое место, и, как мне кажется, все у нее благополучно, — ответила мисс Марпл.

Миссис Бантри ощутила легкое разочарование. Деревенская параллель не сулила особой перспективы.

— Чего я вообще не могу понять, — проговорила женщина, — так это что могла эта девица делать в нашей библиотеке. Палк сказал мне, что окно взломали. Она могла залезть внутрь вместе с грабителем, после чего они поссорились. Но ведь это такая бессмыслица, не правда ли?

— Одевалась она точно не для участия в краже со взломом, — задумчиво проговорила мисс Марпл.

— Да, судя по одежде, шла на танцы или на какую-нибудь вечеринку. Однако ни у нас, ни поблизости ничего подобного не устраивалось.

— Н-не устраивалось, — полным сомнения тоном подтвердила мисс Марпл.

Миссис Бантри перешла в нападение:

— Вы о чем-то думаете, Джейн.

— Ну, мне просто пришло в голову...

— Что?

— Бэзил Блейк.

Миссис Бантри порывисто вскричала:

— О нет! — И в качестве объяснения добавила: — Я знаю его мать.

Обе женщины переглянулись. Мисс Марпл вздохнула и покачала головой:

— Вполне понимаю ваши чувства.

— Лучшую женщину, чем Селина Блейк, невозможно представить. Ее травяные бордюры просто великолепны; они заставляют меня зеленеть от зависти. И она с невозможной щедростью раздает черенки своих растений.

Не обращая внимания на высказанные в адрес миссис Блейк комплименты, мисс Марпл ответила:

— Тем не менее, как вам прекрасно известно, *разговоров* было много.

— Ох, ну знаю я, знаю. И, конечно, Артур синет, когда слышит упоминание о нем. Бэзил и в са-

мом деле был очень груб с Артуром, и с тех пор тот не желает слышать доброго слова о нем. Бэзил следует этому современному новомодному стилю разговора — насмешничает над людьми, одобряющими свою школу, империю и все такое. И потом, не стоит забывать о том, как он *одевается!* Люди говорят, — продолжила миссис Бантри, — что, если живешь не в городе, можно носить что угодно. Другой такой чуши я не слышала. Как раз в деревне все замечают всё... — Помедлив, она с ноткой тоски добавила: — А каким очаровательным младенцем был он в своей ванночке!

— На прошлой неделе в воскресной газете был очаровательный детский снимок убийцы из Чевиота, — заметила мисс Марпл.

— Ох, Джейн, неужели вы думаете, что *он*...

— Нет-нет, моя дорогая, мне это и в голову не приходило. Это действительно был бы прыжок непосредственно к выводам. Я просто пыталась объяснить присутствие здесь этой молодой женщины. Сент-Мэри-Мид для нее совсем неподходящее место. И тут мне показалось, что единственным объяснением этого может стать Бэзил Блейк. Он устраивает вечеринки. К нему приезжают люди из Лондона и всяких там студий. Помните июль прошлого года? Все эти крики и пение, жуткий шум... кажется, все перепились, и на следующее утро обнаружилась невероятная

груда битого стекла. Так мне сказала старая миссис Берри... и еще молодая женщина, уснувшая в ванне практически нагишом!

Миссис Бантри снисходительно произнесла:

— Молодежь... что с нее взять.

— Похоже на то. А потом — как я полагаю, вы уже слышали об этом — несколько недель спустя он заявился сюда с молодой женщиной. С платиновой блондинкой.

— Неужели вы думаете, что это именно она? — воскликнула миссис Бантри.

— Это следовало допустить. Конечно, я никогда не встречалась с нею лично, видела только, как она садилась в машину и выходила из нее, ну и один раз в саду около дома, загоравшей в каких-то там шортах и лифчике. Я никогда не видела ее лица. Потом, все эти современные девицы при своей косметике, прическах и маникюре настолько похожи...

— Да, вполне возможно. А это идея, Джейн.

Глава 2

I

Эту же самую идею в тот же самый момент обсуждали полковники Мелчетт и Бантри. Осмотрев труп и приставив к рутинным делам своих под-

чиненных, главный констебль вместе с хозяином дома удалился в кабинет, расположенный в другом крыле дома. Мелчетт, раздражительный с вида человек, имел привычку теревить свои короткие рыжие усы. Что он и проделывал в данный момент, время от времени смущенно поглядывая на своего собеседника. Наконец полковник выпалил:

— Вот что, Бантри, снимите тяжесть с моей души. Вы действительно никогда в жизни не встречали эту девицу?

Полученный им ответ носил взрывной характер, однако главный констебль прервал его:

— Да-да, старина, но попробуйте посмотреть на ситуацию со стороны: ее могут счесть неловкой для вас. Женатый человек, живущий в ладу с женой и все такое... Но чисто между нами, если вы были каким-то образом знакомы с этой особой, лучше скажите об этом *прямо сейчас*. Факт этот вам неприятен, и вы испытываете естественное желание замять его; думать иначе в такой ситуации невозможно. Но так не пойдет. Ведь речь идет об убийстве. Факты все равно вылезут наружу. Выкладывайте, что знаете... я вовсе не хочу сказать, что именно *вы* удавили эту девицу, подобный поступок не в вашей природе. *Я* это знаю! Но все-таки она пробралась в этот дом. Предположим, она влезла в дом и стала ждать вас в библиотеке, и тут какой-то преследовавший ее

громила разделался с нею. Вполне вероятная ситуация, сами понимаете. Я доходчиво объяснил?

— Я ни разу в жизни не видел эту девушку! Я не из таких людей!

— Тогда всё в порядке. Вины на вас нет. Вы — человек светский. Но это если верить на слово. Вопрос состоит в том, что она делала здесь? Девушка явно не из этих мест... незачем сомневаться в этом.

— Кошмарная ситуация, — никак не мог успокоиться хозяин дома.

— Вопрос, старина, состоит в том, что эта особа делала в вашей библиотеке?

— Откуда мне знать? Я ее не приглашал.

— Конечно. Но тем не менее она *оказалась* здесь, похоже, рассчитывая на встречу с вами... А вы никаких странных писем или записок не получали?

— Нет, не получал.

— Кстати, а что вы делали вчера вечером? — деликатно осведомился полковник Мелчетт.

— Был на собрании нашей Ассоциации партии консерваторов. В девять вечера, в Мач-Бенхэм.

— И когда вы вернулись домой?

— Я уехал из Мач-Бенхэма сразу после десяти часов. По дороге возникли некоторые неприятности, пришлось менять колесо. Я вернулся без четверти двенадцать.

— И вы не заходили в библиотеку?

— Нет.

— Жаль.

— Я устал и потому сразу отправился в постель.

— Кто-нибудь открывал вам дверь?

— Нет, я всегда беру с собой ключ. Лорример отправляется спать в одиннадцать, если только я не оставляю другого распоряжения.

— А кто запирает библиотеку?

— Лорример. В это время года — обычно около половины восьмого.

— А мог он попозже снова зайти в эту комнату?

— В мое отсутствие? Нет! Он оставил поднос с виски и бокалами внизу.

— Понятно. А как насчет жены?

— Когда я вернулся домой, она была уже в постели и крепко спала. Она могла провести вчерашний вечер в библиотеке или гостиной... я не расспрашивал ее.

— Ну, ладно, скоро мы выясним все подробности. Конечно, вполне возможно, что в этой истории замешан кто-то из слуг, правда?

Полковник Бантри покачал головой:

— Я в это не верю. Все они — уважаемые люди. И много лет работают у нас.

— Да, пока нет никаких намеков на то, что они могут оказаться замешанными в убийст-

ве, — согласился Мелчетт. — Скорее всего, эта девица приехала из города с каким-нибудь молодым парнем. Хотя зачем им понадобилось вливаться в ваш дом...

Бантри перебил его:

— Лондон... вот это больше похоже на правду. Здесь у нас таких обычаев не водится.

— Хорошо, ну так что же?

— Ей-богу! — вспыхнул полковник Бантри. — Это Бэзил Блейк!

— Кто это?

— Молодой человек, имеющий какое-то отношение к кинопромышленности. Отвратительный молодой грубиян. Моя жена всегда защищает его, потому что училась в школе вместе с его матерью, однако среди всех этих прочих бесполезных и беспутных юных нахалов он более прочих напрашивается на пинок в задницу. Он поселился в том самом известном доме на Лэншэм-роуд, отвратительном образчике современной архитектуры. Устраивает там шумные крикливые вечеринки, приглашает к себе девиц на уикенд...

— Девиц?

— Да, на прошлой неделе здесь была одна из этих платиновых блондинок. — Полковник сам удивился собственным словам, даже челюсть отвисла.

— Платиновая блондинка, а? — задумчиво произнес полицейский.

— Да. Как я говорил, Мелчетт, не надо думать...

Главный констебль отрывисто произнес:

— Вполне возможно. Это объясняет появление девушки подобного вида в Сент-Мэри-Мид. Думаю, что придется переговорить с этим молодым человеком... как вы его назвали... Брэд Блейк?

— Блейк. Бэзил Блейк.

— Как, по-вашему, он сейчас дома?

— Посмотрим, какой сейчас день... Суббота? Обыкновенно он приезжает сюда где-нибудь утром в субботу.

— Попробуем повидаться с ним, — без особой радости проговорил Мелчетт.

II

Коттедж Бэзила Блейка, представлявший собою комплекс всех современных удобств, окруженный жуткой оболочкой из фахверка и подделки под тюдоровский стиль, был известен почтовым властям и Уильяму Букеру, архитектору, под именем Четсуорт; Бэзил и компания называли его Раритетом; а всей деревне Сент-Мэри-Мид сооружение это было известно как «Новый

дом мистера Букера». Собственно говоря, дом этот находился чуть более чем в четверти мили от самой деревни, на территории нового участка, купленного под застройку предприимчивым мистером Букером, как раз за «Синим вепрем», и выходил фасадом на особенно не испорченную сельскую аллею. Госсингтон-холл находился примерно в миле дальше по той же дороге. Известие о том, что «новый дом мистера Букера» купила кинозвезда, вызвало в Сент-Мэри-Мид живой интерес. Первое появление легендарного персонажа ожидалось в деревне с особым вниманием, и можно смело сказать, что с точки зрения внешности Бэзил Блейк отвечал всем возможным требованиям. Однако понемногу стали выясняться реальные факты. Бэзил Блейк оказался не только что *не* кинозвездой киноактером, но персоной весьма низкого ранга, занимавшей примерно пятнадцатую позицию в списке лиц, ответственных за декорации на студии «Лемвилл», головном предприятии компании «Бритиш нью эра филмз». Деревенские девицы утратили всяческий интерес, а правящий класс придирчивых старых дев осудил образ жизни Бэзила Блейка. Один лишь владелец «Синего вепря» продолжал испытывать некоторый энтузиазм в отношении Бэзила и его друзей — доходы заведения заметно уве-

личились после появления этого молодого человека на месте событий.

Полицейский автомобиль затормозил возле сельских ворот, не гармонировавших с произведением фантазии мистера Букера, и полковник Мелчетт, с неудовольствием посмотрев на излишне обильный фахверк Четсуорта, подошел к парадной двери и атаковал ее несколькими отрывистыми ударами молотка. Дверь отворилась много раньше, чем он ожидал. В ней появился молодой человек с прямыми, пожалуй, слишком длинными черными волосами, в оранжевых вельветовых брюках и небесного цвета рубашке, и отрезал:

— Ну, чего вам нужно?

— Вы — мистер Бэзил Блейк?

— Конечно.

— Мне хотелось бы кое о чем переговорить с вами, если вы не против, мистер Блейк.

— Кто вы?

— Полковник Мелчетт, главный констебль графства.

Мистер Блейк надменным тоном ответил:

— Ну надо же, как интересно.

Последовав за ним в дом, полковник Мелчетт в точности понял предполагаемую реакцию полковника Бантри. Можно сказать, что даже носок его ботинка зачесался. Сдержав свои чувства, он проговорил по возможности приятным тоном:

— Рано встаете, мистер Блейк.

— Напротив. Пока я еще не ложился.

— В самом деле?

— Надо думать, вы явились ко мне не затем, чтобы выяснить, когда я ложусь и встаю... Не стоит попусту тратить свое время и деньги графства. О чем вы хотите говорить со мной?

Полковник Мелчетт кашлянул.

— Насколько я понимаю, мистер Блейк, в конце прошлой недели у вас гостила светловолосая молодая леди.

Бэзил уставился на него, запрокинул голову назад и разразился хохотом.

— Это у вас старые деревенские кошки побывали? Обеспокоенные моей нравственностью? К чертям! Моя нравственность полиции не касается. И *вам* это известно.

— Как вы изволили сказать, — сухим тоном промолвил Мелчетт, — ваша нравственность меня не интересует. Я явился к вам, потому что в деревне обнаружено тело убитой молодой светловолосой женщины несколько экзотической наружности.

Блейк пристально посмотрел на своего гостя.

— И где же?

— В библиотеке Госсингтон-холла.

— В Госсингтоне? У старого Бантри? Ни хрена себе... У старика Бантри! Грязный старикашка!

Полковник Мелчетт густо побагровел и проговорил в лицо откровенно блаженствовавшего перед ним молодого человека:

— Будьте любезны придержать свой язык, сэр. Я приехал к вам затем, чтобы узнать, не прольете ли вы свет на эту ситуацию.

— И вы явились ко мне, чтобы спросить, не был ли я в этой деревне блондинку? Так, что ли? С какой, собственно, стати... о боже, кто там еще?

Снаружи, взвизгнув тормозами, остановилась машина. Из нее вывалилась молодая женщина, одетая в просторную черно-белую пижаму. Платиновая блондинка — накрашенные алые губы, подведенные черной тушью ресницы. Подойдя к двери, она распахнула ее настежь и сердитым голосом воскликнула:

— Почему ты не бежишь встречать меня?

Бэзил Блейк поднялся с места:

— А, это ты... А почему я должен встречать тебя? Я же велел тебе уматывать, так зачем же ты вернулась?

— А с чего мне выполнять твои указания? Я наслаждалась жизнью.

— Да, наслаждалась... с грязным хамом Розенбергом. Ты сама знаешь, *что это* за человек.

— Ты ревнуешь, и только.

— Не льсти себе. Меня тошнит от вида девицы, которая позволяет себе напиваться, а кроме

того, разрешает лапать себя какому-то мерзкому центральноевропейцу.

— Это ложь. Ты и сам основательно набрался и к тому же занялся черноволосой испанкой.

— Если я приглашаю тебя на вечеринку, то рассчитываю на то, что ты умеешь правильно себя вести.

— А я не позволяю никому учить меня, вот и все. Ты сам сказал, что мы идем на вечеринку, а потом едем сюда. И я не собираюсь оставлять вечеринку, пока не созрею для этого.

— Именно поэтому я и выгнал тебя. Я был готов ехать сюда — и приехал. Но не намереваюсь ждать какую-то там дуру у двери.

— Какой ты милый и ласковый.

— Но ты, похоже, увязалась за мной, так?

— Я должна была сказать все, что о тебе думаю.

— Если ты считаешь, что можешь руководить мною, моя милая, то глубоко ошибаешься.

— А если ты считаешь, что можешь приказать мне убираться, то лучше подумай еще раз.

Они гневно смотрели друг на друга. В это самое мгновение полковник Мелчетт воспользовался возможностью и громко прокашлялся. Бэзил Блейк резко повернулся к нему:

— Привет, я совсем забыл о вас. Не пора ли отчаливать, а? Кстати, знакомьтесь, Дина Ли.

Полковник Тупс из местной полиции. А теперь, полковник, поскольку вы имели возможность убедиться в том, что моя блондинка жива и находится в превосходном состоянии, быть может, вы займетесь выяснением подробностей шалостей старика Бантри? Доброго вам утра.

— Молодой человек, советую вам научиться говорить вежливо, иначе язык доведет вас до неприятностей, — побагровев от гнева, ответил полковник Мелчетт и широкими шагами направился к двери.

Глава 3

I

Вернувшись в свой кабинет в Мач-Бенхэм, полковник Мелчетт затребовал отчеты подчиненных и принялся изучать их.

— Итак, сэр, все кажется достаточно ясным, — заключил инспектор Слэк. — Миссис Бантри после обеда проводила время в библиотеке и отправилась спать незадолго до десяти вечера. Оставив комнату, она выключила свет, и больше никто туда не входил. Слуги легли в пол-одиннадцатого, а Лорример, выставив вѣски, лег без четверти одиннадцать. Никто не слышал ничего из ряда вон выходящего,

за исключением третьей служанки, которая, наоборот, слышала слишком много! Стоны, створаживающий кровь вопль, зловещие шаги и еще бог знает что. Правда, вторая служанка, с которой эта особа делит комнату, утверждает, что ее соседка всю ночь проспала без задних ног.

— А как насчет взломанного окна?

— Любительская работа... Симмонс говорит, что, если вскрывали обыкновенной стамеской — как и бывает обычно, — особого шума ждать не следует. В доме была стамеска, однако ее никто не может найти... впрочем, так оказывается всегда, когда речь заходит об инструментах.

— Как, по-вашему, кому-то из слуг что-то может быть известно?

Инспектор Слэк, пожалуй, против желания, ответил:

— Нет, сэр, едва ли. Все они расстроены и шокированы. У меня были некоторые подозрения в отношении Лорримера — он как будто что-то скрывал, если вы понимаете, что я имею в виду, — однако для них нет никаких серьезных оснований.

Мелчетт кивнул: он не придавал значения сдержанности Лорримера. Энергичный инспектор Слэк часто вызывал подобную реакцию у допрашиваемых им людей.

Дверь открылась, и в ней появился доктор Хэйдок.

— Вот подумал, что надо заглянуть к вам и сообщить примерную схему событий.

— Да-да, рад видеть вас. Ну и как?

— Ничего особенного. В целом то, чего следовало ожидать. Смерть последовала от удушения атласными бретельками ее же собственного платья, охватывавшими шею и пересекавшими за спиной. Легко и просто в исполнении. И не потребовало особой силы — то есть девушку, по всей видимости, застали врасплох. Следов сопротивления не обнаружено.

— Примерное время смерти?

— Скажем так: между десятью вечера и полночью.

— А поточнее сказать нельзя?

Хэйдок покачал головой и чуть улыбнулся.

— Не хочу рисковать своей профессиональной репутацией. Не раньше десяти и не позже двенадцати.

— А к чему склоняется ваше собственное мнение?

— Как знать... В камине горел огонь — в комнате было тепло, — а это замедляет трупное окончание.

— А что еще вы можете сказать о ней?

— Не очень много. Молодая — лет семнадцать или восемнадцать, я бы сказал. В некоторых отношениях еще незрелая, но вполне раз-

витая физически. Здоровый организм. И кстати, девственница.

Кивнув напоследок, доктор вышел из кабинета.

— А вы вполне уверены в том, что она никогда не бывала в Госсингтоне? — спросил у инспектора Мелчетт.

— Слуги в этом убеждены. Даже негодуют. Говорят, что вспомнили бы эту девушку, если б она хоть раз появилась около дома.

— Думаю, что они не ошибаются, — заметил главный констебль. — Подобную ей особу здесь можно заметить за версту. К примеру, ту молодку, которую я видел у Блейка.

— Жаль, что убили не ее, — проговорил Слэк. — Тогда у нас оказалась бы какая-то зацепка.

— На мой взгляд, девица эта приехала из Лондона, — задумчивым тоном проговорил полковник. — Не думаю, что найдутся какие-то местные следы. А в таком случае, полагаю, нам придется обратиться в Скотленд-Ярд. Дело для них, а не для нас.

— Но кто-то должен был привезти ее в нашу деревню, — проговорил Слэк и нерешительным тоном добавил: — Мне все-таки кажется, что полковник и миссис Бантри *должны* что-то знать. Конечно, я понимаю, что это ваши друзья, сэр...

Мелчетт ответил ему холодным взглядом и проговорил сухим тоном:

— Можете быть уверены в том, что я учитываю все возможности. Все до единой. Кстати, должно быть, вы просмотрели весь список пропавших без вести в графстве?

Кивнув, Слэк протянул начальнику машинописный лист:

— Вот они, здесь. Миссис Саундерс, о пропаже которой сообщили неделю назад... темные волосы, голубые глаза, тридцать шесть лет. Это не она. Потом все, кроме ее мужа, знают, что она убежала из дома вместе с коммерсантом из Лидса. Миссис Барнард, шестидесяти пяти лет от роду. Памела Ривз, шестнадцать лет, не явившаяся вчера домой ночевать, отправилась на слет скаутов, темно-каштановые волосы двумя хвостиками, пять футов пять...

Мелчетт с раздражением заметил:

— Не надо зачитывать идиотские подробности, Слэк. Это была не школьница. С моей точки зрения...

Телефонный звонок заставил его умолкнуть.

— Алло. Да, да. Полицейский участок Мач-Бенхэм слушает. Что? Одну минуту. — Не выпуская трубку, он стал торопливо записывать и проговорил уже с новой интонацией: — Руби Кин, восемнадцать лет, занятие — професси-

ональная танцовщица, рост пять футов четыре дюйма, стройная платиновая блондинка, голубые глаза, вздернутый нос, одета предположительно в блестящее вечернее платье, серебряные сандалии на ногах. Правильно? Что? Да, я бы сказал, что в этом нет ни малейшего сомнения. Я немедленно пришлю Слэка.

Повесив трубку, он с растущим волнением посмотрел на своего подчиненного.

— Думаю, след найден. Звонили из соседнего графства, из гленширской полиции. Из отеля «Маджестик» в Дэнмуте пропала девушка.

— Дэнмут, — проговорил инспектор Слэк. — Похоже на то.

Большой и модный приморский курорт Дэнмут располагался не так уж далеко от Сент-Мэри-Мид.

— До него от нас примерно восемнадцать миль, — заметил главный констебль. — Девушка исполняла в «Маджестике» обязанности платной танцовщицы... что-то в этом роде. Не вышла в свою смену вчера вечером, и начальство сразу же завелось. Когда ее не оказалось на месте и утром, заволновалась уже другая девица, или кто-то еще. Ситуация несколько непонятна. Слэк, вам лучше немедленно съездить в Дэнмут. Доложитесь там суперинтенданту Харперу и в дальнейшем сотрудничайте с ним.

II

Бурная деятельность всегда радовала Слэка. Мчаться в автомобиле, грубо затыкать рот людям, стремившимся кое-что рассказать ему, оборвать едва завязавшийся разговор под предлогом срочной необходимости — все это было дуновением жизни, с точки зрения инспектора. И посему через невероятно короткое время он объявился в Дэнмуте, доложил в полицейском участке, недолго побеседовал с рассеянным и явно испуганным управляющим отеля и, оставив его с сомнительным утешением в виде следующего тезиса: «Надо убедиться в том, что это та самая девушка, прежде чем поднимать шум», отбыл назад в Мач-Бенхэм в обществе ближайшей родственницы Руби Кин. Перед тем как покинуть Дэнмут, он сделал короткий звонок в Мач-Бенхэм, и поэтому главный констебль был готов к его прибытию, хотя и не к столь краткому представлению.

— Это Джози, сэр.

Полковник Мелчетт бросил на подчиненного холодный взгляд, подумав, что Слэк явно потерял где-то по дороге здравый смысл. Молодая женщина, только что выбравшаяся из автомобиля, пришла на помощь Слэку.

— Это мое профессиональное имя, — пояснила она, коротко блеснув крупными и симпатич-

ными белыми зубами. — Мы с партнером называем себя Раймонд и Джози, и потому весь отель знает меня как Джози. А настоящее мое имя — Джозефина Тернер.

Приспособившись к ситуации, полковник Мелчетт предложил мисс Тернер присесть, попутно окинув ее быстрым взором профессионала. На взгляд этой привлекательной женщине было скорее около тридцати, чем двадцати; однако внешность ее больше зависела от ухода, чем от природы. Мисс Тернер показалась ему разумной и спокойной, наделенной изрядной порцией здравого смысла. Она была не из тех женщин, которых можно назвать эффектными, однако вызвала тем не менее изрядную долю симпатии. Косметика на ее лице была наложена весьма сдержанно; одета она была в темный, шитый у портного костюм. Женщина казалась встревоженной и расстроенной, однако, по мнению полковника, вовсе не была убита горем. Сев, она проговорила:

— Все это кажется мне слишком ужасным, чтобы оказаться правдой. Вы считаете, что это и в самом деле Руби?

— Именно это, увы, мы хотим узнать от вас. Боюсь, что процедура может показаться вам достаточно неприятной.

— Она действительно очень страшная? — напряженным голосом спросила мисс Тернер.

— Ну, во всяком случае, я опасаясь, что опоздание станет для вас шоком.

— Вы хотите, чтобы я немедленно проделала это?

— На мой взгляд, так было бы лучше всего, мисс Тернер. Понимаете ли, нет особого смысла задавать вам вопросы, пока мы не уверимся в том, что это и есть Руби. Так что лучше сразу покончить с делом, как, по-вашему?

— Хорошо.

Они подъехали к моргу. Совершив короткий визит внутрь, Джози вышла оттуда, позеленев.

— Это действительно Руби, — проговорила она дрогнувшим голосом. — Бедная девочка! Боже, мне как-то не по себе... А не найдется ли у вас, — она обвела комнату тоскливым взглядом, — капельки джина?

Капельки джина в участке не оказалось, зато имелся бренди. Сделав несколько глотков, мисс Тернер обрела прежнее самообладание и выдала:

— Увидеть такое все-таки нелегко, не правда ли? Бедная Руби! Бедная малышка! Какие же свиньи эти мужчины!

— Вы считаете, что это сделал мужчина?

Джози казалась несколько озадаченной.

— Разве может быть иначе? Ну, так думать вполне естественно...

— Вы можете представить себе конкретную личность?

Она энергично затрясла головой:

— Нет, только не я. Не имею ни малейшего представления. Конечно, Руби не стала бы говорить мне, если...

— Что если?

Джози помедлила.

— Ну, если бы она завела роман с кем-нибудь.

Мелчетт строго посмотрел на нее. До тех пор пока они не возвратились в его кабинет, он не проронил ни звука, но, зайдя внутрь, сказал:

— А теперь, мисс Тернер, я хочу услышать от вас всю информацию, которой вы владеете.

— Да, конечно. С чего начать?

— Мне хотелось бы услышать от вас полное имя и адрес этой девушки, степень вашего родства... и вообще все, что вам известно о ней.

По тому, как Джозефина Тернер кивнула, Мелчетт укрепился во мнении, что особенно горя она не ощущала. Джози была огорчена и расстроена, не более того. Она заговорила без внутреннего сопротивления:

— Звали ее Руби Кин... то есть это было ее профессиональное имя. А по-настоящему ее звали Розы Легг. Ее мать была кузиной моей матери. А я знала ее всю жизнь, но не слишком близко, если хотите знать. У меня уйма всяких кузенов;

некоторые имеют свое дело, другие выступают на сцене. Руби более или менее была обучена танцу. В прошлом году у нее было несколько приличных ангажементов в пантомиме и все такое. Ничего действительно классного, просто хорошие провинциальные труппы. С тех пор она работала в качестве танцевальной партнерши в «Пале-де-Данс», в Бриквелле, Южный Лондон. Это почтенное и респектабельное место, и там хорошо приглядывают за девушками, однако хороших денег не платят.

Она умолкла, полковник Мелчетт кивнул.

— И вот появляюсь я. Я проработала в дэнмутском «Маджестике» партнершей в танцах и бридже в течение трех лет. Работа хорошая, неплохо оплачиваемая и приятная. Ты смотришь на прибывающих постояльцев, оцениваешь их... конечно, некоторые хотят оставаться в одиночестве, но другие желают какого-то внимания. Ты стараешься, подбираешь подходящих людей для партии в бридж и все такое, сводишь молодых людей в танце... Дело требует такта и опыта.

Мелчетт снова кивнул. Он подумал, что эта особа должна быть хороша на своей работе. Она была наделена приятным дружелюбием, а еще проницательностью, лишенной доли умствования.

— Помимо этого, — продолжила Джози, — каждый вечер мы с Раймондом исполняем пару

демонстрационных танцев. Раймонд Старр у нас тренер по теннису и танцам. Однако этим летом я поскользнулась на камнях во время купания и неудачно вывихнула лодыжку...

Мелчетт уже заметил, что она чуть прихрамывает при ходьбе.

— Естественно, мне пришлось на какое-то время отказаться от танцев, и это было для меня весьма неудобно. Я не хотела, чтобы отель нанял кого-то другого на мое место. Всегда существует опасность, — на мгновение в ее добрых голубых глазах проглянула жесткость: эта женщина боролась за свое существование, — что временный работник может подсидеть тебя. Поэтому я подумала о Руби и предложила управляющему нанять ее. Я оставлю при себе обязанности хозяйки и бридж, а Руби возьмет на себя танцы. То есть дело останется в семье, если вы понимаете мою мысль.

Мелчетт сказал, что понимает.

— Словом, мы пришли к соглашению, я телеграфировала Руби, и она приехала сюда. Получила свой шанс в деле куда более высокого класса, чем то, чем она занималась прежде.

— Понятно, — проговорил полковник. — И как, она добилась успеха?

— О да, — беспечно ответила Джози. — Она пришлась к месту. Танцевала не так хорошо, как

я, однако Раймонд умен и сумел подать ее; потом, она была симпатичной, знаете, из таких худеньких и беленьких девчушек... Перегибала малость с макияжем, и я всегда ругала ее за это. Но вы же знаете, каково приходится с этими девчонками. Ей было всего восемнадцать, в этом возрасте они всегда перегибают через край. А для первоклассного заведения, такого как «Маджестик», это не годится. Я всегда твердила ей об этом и заставляла не налегать на косметику.

— А публика ее любила? — спросил Мелчетт.

— О да. Только имейте в виду, что Руби не была остра на язык. Была несколько туповата и лучше ладила с пожилыми, чем с молодыми.

— А был ли у нее личный друг?

В обращенных к полковнику глазах девушки блеснуло полное понимание.

— Не было — в том смысле, как это интересует вас. Или, во всяком случае, я ничего не знала об этом. Все-таки, понимаете ли, она могла и не сказать мне.

На мгновение Мелчетт удивился: Джози не производила впечатления строгой моралистки. Но спросил он о другом:

— Расскажите мне о своей последней встрече с вашей кузиной.

— Это было вчера ночью. Они с Раймондом исполняли два обязательных танца: один в пол-

одиннадцатого, другой в полночь. Они исполнили первый. Потом я заметила, что Руби танцует с одним из остановившихся в отеле молодых людей. Я играла в бридж с какой-то расположившейся в ложе компанией. Ложу и бальный зал разделяет стеклянная перегородка. Тогда я и видела ее в последний раз. Сразу после полуночи ко мне явился жутко возмущенный Раймонд; он спросил, где Руби; она не явилась в зал, а уже подоспело время начинать. Могу сказать, что я действительно рассердилась. Когда глупые девицы выкидывают такие фокусы, дирекция свирепеет и выставляет их на улицу! Мы с ним поднялись в ее комнату, однако Руби не было и у себя. Но я заметила, что она переоделась. Платье, в котором она танцевала, — розовое, воздушное, с пышной юбкой — лежало на кресле. Обычно она его не снимала, кроме тех случаев, когда вечером исполнялся особый танец, то есть по средам. Я не имела ни малейшего представления о том, куда она могла запропасться. Мы попросили, чтобы оркестр сыграл еще один фокстрот, но Руби все не было, и поэтому я сказала Раймонду, что исполню с ним этот танец. Мы выбрали такой, что был полегче для моей лодыжки, и сократили его, однако нагрузка все равно оказалась непосильной для моей ноги, и сегодня с утра она опухла. Но Руби

так и не показалась. Мы прождали ее до двух часов ночи. Я была в ярости на нее...

Голос ее чуть дрогнул, Мелчетт уловил в нем нотку неподдельного гнева и на какое-то мгновение удивился. Факты явно не оправдывали столь резкую реакцию. Ощувив, что нечто остается преднамеренно невысказанным, он проговорил:

— А сегодня утром, обнаружив, что Руби Кин не ночевала в своей постели и не вернулась домой, вы обратились в полицию?

Из короткого телефонного разговора со Слэком, находившимся в Дэнмуте, полковник знал, что дело обстояло не так. Однако он хотел услышать, что скажет сама Джозефина Тернер.

Та без малейших колебаний ответила:

— Нет, я этого не сделала.

— Почему же, мисс Тернер?

Она посмотрела ему в глаза.

— На моем месте и *вы* не сделали бы этого!

— Вы так считаете?

— Мне приходится думать о своей работе. В чем не нуждается ни один отель, так это в скандале, особенно в таком, который способен заинтересовать полицию. Да я и не думала, что с Руби может случиться несчастье. Такая мысль мне и на минуту в голову не приходила! Я решила, что ее одурачил какой-нибудь молодой человек. Я не сомневалась в том, что она вот-вот

объявится, и намеревалась устроить ей в таком случае основательную головомойку! Восемнадцатилетние девицы — такие дуры...

Мелчетт изобразил, что просматривает собственные заметки.

— Ах да, насколько я понимаю, в полицию обратился мистер Джефферсон. Один из постояльцев отеля?

Джозефина Тернер ответила коротким «да».

— А что заставило этого мистера Джефферсона поступить подобным образом?

Джози погладила обшлаг своего жакета. В манере ее внезапно почувствовалась напряженность. Полковнику вновь показалось, что она о чем-то умалчивает.

Ответила женщина даже как-то мрачно:

— Он инвалид. И быстро расстраивается. По причине своей инвалидности то есть.

Мелчетт не стал более развивать тему и спросил:

— А кто этот молодой человек, с которым вы видели танцующей вашу кузину?

— Его фамилия Бартлетт. Он у нас уже около десяти дней.

— Они успели подружиться?

— Не слишком, мне кажется. Во всяком случае, я об этом не знала. — В голосе ее вновь прозвучала любопытная сердитая нотка.

— И что он сказал?

— Он сказал, что после их танца Руби отправилась наверх попудрить нос.

— И тут она переоделась?

— Наверное, так.

— И, кроме этого, вы больше ничего не знаете? Потом она...

— Исчезла, — проговорила Джози. — Совершенно верно.

— А мисс Кин кого-нибудь знала в Сент-Мэри-Мид? Или по соседству?

— Не знаю. Может, и знала. Понимаете ли, в Дэнмут и в «Маджестик» съезжаются молодые люди со всей округи. И я никак не могу сказать, откуда они, если только случайно не услышу это от них.

— А ваша кузина не упоминала при вас Госсингтон?

— Госсингтон? — искренне изумилась Джози.

— Точнее, Госсингтон-холл.

Танцовщица покачала головой:

— Никогда не слышала.

Ее голос был полон уверенности, но в нем угадывалось и любопытство.

— Госсингтон-холл, — пояснил полковник Мелчетт, — дом, в котором было обнаружено ее тело.

— Госсингтон-холл? — Она недоуменно смотрела на него. — Удивительно!

«Что именно удивительно?» — подумал про себя Мелчетт, но вслух произнес:

— Вы знакомы с полковником или миссис Бантри?

Джози вновь тряхнула головой.

— А с мистером Бэзилем Блейком?

Она чуть нахмурилась.

— Кажется, его имя я слышала... Да, можно не сомневаться, однако не помню никаких подробностей.

Прилежный инспектор Слэк молча передал своему начальнику над столом вырванный из блокнота листок, на котором карандашом было написано:

*Полк. Бантри на прошлой неделе обедал
в «Маджестике».*

Подняв голову, Мелчетт посмотрел в глаза инспектору и покраснел. Слэк был трудолюбивым и ревностным служакой, и главный констебль изрядно недолюбливал его, однако не мог оставить вызов без ответа. Инспектор безмолвно обвинял его в предпочтении собственного класса, в укрывании «одноклассника».

Он повернулся к Джози:

— Мисс Тернер, мне бы хотелось — если вы не против, — чтобы вы сопроводили меня до Госсингтон-холла.

И с холодным возмущением, почти не обращая внимания на произнесенное Джози согласие, Мелчетт посмотрел в глаза Слэку.

Глава 4

I

В Сент-Мэри-Мид давно не вкушали столь восхитительного и волнующего утра. Мисс Уэзерби — долгоносая, вечно кислая старая дева — первой принялась распространять пьянящую информацию. Она зашла к приятельнице и соседке, мисс Хартнелл.

— Прости за столь ранний визит, моя дорогая, однако я подумала, что ты, наверное, не в курсе самых свежих *новостей*.

— Каких таких новостей? — басом осведомилась мисс Хартнелл, непреклонно и неустанно посещавшая бедных, невзирая на все их старания уклониться от ее забот.

— В библиотеке полковника Бантри сегодня утром обнаружили мертвое *женское* тело.

— В *библиотеке* полковника Бантри?

— Да. Какой ужас!

— *Бедная* миссис Бантри... — Мисс Хартнелл попыталась скрыть свое глубокое и искреннее удовлетворение.

— Да-да. Уж и не знаю, что она испытала.

Мисс Хартнелл с осуждением в голосе произнесла:

— Она слишком много думала о своем саде и оставила без внимания мужа. А за мужчиной нужно приглядывать все время. Да, все время, — жестким тоном повторила она.

— Понятно. Понятно. Но подумай: какой ужас...

— Интересно, что скажет обо всем этом Джейн Марпл... Как ты думаешь, она уже что-то узнала? Она здорово разбирается в подобных вещах.

— Джейн Марпл отправилась в Госсингтон.

— Что? Еще утром?

— Спозаранку. Еще до завтрака.

— Вот это да! Не хочу сказать ничего плохого, но, на мой взгляд, это уж *слишком*. Все мы знаем, что Джейн любит совать свой нос в подобные дела, но, с моей точки зрения, это непорядочно!

— Ох, но за ней послала сама миссис Бантри.

— Миссис Бантри *послала* за ней?

— За ней приехала машина. Максвелл был за рулем.

— Боже мой. Как это удивительно.

Они помолчали минуту-другую, переваривая новость.

— Чье тело? — потребовала ответа мисс Хартнелл.

— Помнишь эту ужасную женщину, которая приезжает с Бэзилем Блейком?

— Эту жуткую, крашенную перекисью блондинку? — Мисс Хартнелл чуть отстала от времени и не знала, что теперь используется другая краска. — Которая нагишом расхаживает по саду?

— Да, моя дорогая. Вот ее и нашли на коврике перед камином — *задушенной!*

— И ты говоришь, что это произошло в *Госсингтоне*?

Мисс Уэзерби с глубокой многозначительностью кивнула.

— Значит, *и* полковник Бантри...

Мисс Уэзерби снова кивнула.

— Ох!

Наступившая в разговоре пауза позволила обеим леди насладиться новым дополнением к деревенскому скандалу.

— Какая же злая женщина! — с праведным гневом протрубила мисс Хартнелл.

— Но брошенная... совсем-совсем!

— А полковник Бантри такой приличный и спокойный мужчина...

Мисс Уэзерби ехидно промолвила:

— Тихие-то часто оказываются хуже всех. Так всегда говорит Джейн Марпл.

II

Миссис Прайс Ридли узнала волнующую новость одной из последних. Эта богатая и властная вдова проживала в просторном особняке по соседству с домом священника. Информацию принесла ей молодая служанка Клара.

— Ты сказала, *женщина*, Клара? *И ее нашли в доме полковника Бантри, на ковре возле камина?*

— Да, мэм. И еще говорят, мэм, что на ней не было вообще ничего, даже нитки!

— Довольно, Клара. В подробности входить необязательно.

— Да, мэм, а еще говорят, мэм, что сперва подумали, что это та самая молодая леди, которая приезжает к мистеру Блейку в новый дом мистера Букера. А теперь говорят, что это совершенно другая юная леди. А посыльный торговца рыбой, он говорит, что никогда не поверит такому о полковнике Бантри, который по воскресеньям собирает пожертвования и все такое.

— Мир полон зла, Клара, — проговорила миссис Прайс Ридли. — И пусть это станет тебе предупреждением.

— Да, мэм. Моя мать... она никогда не позволила бы мне служить в доме, в котором есть джентльмен.

— *Довольно*, Клара, — проговорила миссис Прайс Ридли.

III

От дома миссис Прайс Ридли до дома священника было всего несколько шагов. Удача позволила миссис Прайс Ридли застать священника в кабинете. Викарий, спокойный человек средних лет, всегда узнавал любые новости последним.

— Какое ужасное событие, — проговорила миссис Прайс Ридли с легкой одышкой, поскольку несколько запыхалась по пути. — И я поняла, что должна заручиться вашим советом, вашей рекомендацией, дорогой викарий.

Мистер Клемент, несколько встревожившись, спросил:

— Разве что-то случилось?

— Вот уж действительно, *случилось!* — драматическим тоном ответила миссис Прайс Ридли. — Самый ужасный скандал! Такого никто не ждал. В библиотеке полковника Бантри, на ковре перед камином, нашли совершенно голую мертвую женщину!

Викарий уставился на нее и проговорил:

— А вы точно уверены в том, что хорошо себя чувствуете?

— Неудивительно, что вы тоже не можете в это поверить! *Я* тоже не сразу поверила. Но каков ханжа! Столько лет...

— Прошу вас, расскажите мне все, что вам известно.

И миссис Прайс Ридли приступила к развернутому повествованию. Когда она закончила свою речь, преподобный мистер Клемент кротко заметил:

— Однако ничто не указывает на то, что сам полковник Бантри замешан в эту историю...

— Ах, дорогой викарий, вы ничего не понимаете в мирских делах! Но я вам кое-что расскажу. В прошлый четверг — а может, и позапрошлый, неважно — я ехала в Лондон дешевым дневным поездом. Полковник Бантри находился в том же самом купе. И выглядел, я сразу заметила это, весьма задумчивым. Кроме того, почти всю дорогу он прятался за номером «Таймс». Ну, как если бы не хотел *разговаривать*.

Викарий кивнул, выражая полное понимание и всю возможную симпатию.

— На вокзале Паддингтон я сказала ему «до свиданья». Полковник предложил остановить для меня такси, однако я намеревалась доехать автобусом до Оксфорд-стрит... а сам-то уселся в такси, и я отчетливо услышала, как он называл водителю адрес — и как по-вашему, куда он собирался?

Мистер Клемент изобразил интерес.

— В Сент-Джонс-Вуд¹! — торжественным тоном протрубила миссис Прайс Ридли.

Викарий не обнаружил никаких признаков интереса.

— Это, по моему мнению, *доказывает* его вину, — подытожила миссис Прайс Ридли.

IV

Тем временем в Госсингтоне миссис Бантри и мисс Марпл переместились в гостиную.

— Понимаете ли, — проговорила хозяйка, — я так рада, что тело вынесли... Насколько же неприятно, когда в доме труп.

Мисс Марпл кивнула.

— Понимаю, моя дорогая. Ваши чувства вполне понятны.

— Нет, — возразила миссис Бантри. — Вы не сможете этого понять, пока сами не окажетесь в подобной ситуации. Помню, труп однажды обнаружился у ваших соседей, но это совсем не одно и то же. Могу только надеяться, — продолжала она, — что Артур не проникнется неприязнью к библиотеке. Мы проводим в ней много времени... Что вы делаете, Джейн?

---

¹ Лондонский район, населенный артистической публикой.

Дело было в том, что мисс Марпл, посмотрев на часы, поднялась на ноги.

— Ну, я подумала, что пора и откланяться, если я ничем более не могу помочь вам.

— Не торопитесь, — остановила подругу миссис Бантри. — Конечно, все эти полисмены с их фотографиями и отпечатками пальцев уже ушли, но мне кажется, что может произойти что-то еще. Вы ведь не хотите что-нибудь пропустить?

Зазвонил телефон, и хозяйка дома вышла, чтобы взять трубку. Возвратилась она сияя.

— Я же сказала вам, что все ничего не закончилось. Звонил полковник Мелчетт. Он везет сюда кузину бедной девушки.

— Интересно, зачем? — проговорила мисс Марпл.

— О, наверное, затем, чтобы та увидела, где все произошло, и все такое.

— Наверное, не только для этого, — проговорила мисс Марпл.

— Что вы имеете в виду, Джейн?

— Ну, я могу предположить, что он решил свести ее с полковником Бантри.

— Чтобы проверить, узнает ли она его? — резким тоном спросила миссис Бантри. — Ну да, конечно, они просто не имеют права не подозревать Артура.

— К сожалению, да.

— Как будто Артур мог иметь какое-то отношение к этому делу!

Мисс Марпл промолчала.

— Только не надо рассказывать мне о каком-нибудь жутком старикашке, который жил со своей служанкой, — сердито сказала миссис Бантри. — Артур не такой.

— Нет, конечно же, совсем не такой...

— *В самом деле*, Джейн. Конечно, иногда он любит глупо пялиться на хорошеньких девиц, которые играют в теннис. По-доброму так, потечески. В этом нет ничего плохого. А разве нельзя? В конце концов, — несколько туманным образом завершила сентенцию миссис Бантри, — у меня есть мой сад.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Вам не о чем беспокоиться, Долли.

— Не о чем, да я и не намереваюсь беспокоиться. Но все же не могу не волноваться. Как и сам Артур. Да, он взволнован. По дому снуют полисмены. Он убежал на ферму. Вид всяких там свиней с поросятами всегда утешает его... О, а вот и они.

К дверям подъехала машина главного констебля. Полковник Мелчетт вошел в дом в сопровождении хорошо одетой молодой женщины.

— Это мисс Тернер, миссис Бантри. Кузина... э... погибшей.

— Здравствуйте, — произнесла хозяйка дома, шагнув вперед и протянув руку. — Должно быть, вам очень не по себе.

— О да, вы правы, — ответила Джозефина. — Все вокруг кажется *нереальным*... я как будто попала в дурной сон.

Миссис Бантри представила мисс Марпл.

— А где ваш благоверный? — непринужденным тоном спросил Мелчетт.

— Отправился на какую-то из ферм. Скоро вернется.

— Ах, вот как. — Мелчетт явно не был доволен ответом.

Миссис Бантри обратилась к Джози:

— Вам, наверное, хотелось бы посмотреть на место преступления? Или вы предпочли бы не делать этого?

После короткой паузы та ответила:

— Пожалуй, лучше посмотреть.

Миссис Бантри повела ее в библиотеку, мисс Марпл и Мелчетт последовали за ними.

— Она лежала здесь, — драматическим тоном проговорила хозяйка дома, указывая на ковер у камина.

— Ох! — Джози поежилась; на лице ее появилось недоуменное выражение. Наморщив лоб, она произнесла: — Я ничего не понимаю! Просто *не могу* понять!

— Действительно, мы *все* этого не понимаем, — согласилась миссис Бантри.

— Здесь это совершенно неуместно... — неторопливо проговорила Джози и умолкла.

Мисс Марпл легонько качнула головой в знак согласия с недоговоренной сентенцией.

— Именно это, — пробормотала она, — и делает ситуацию настолько интересной.

— Вот как, мисс Марпл, — добродушно промолвил полковник Мелчетт, — у вас уже появилось объяснение?

— Ну да, — согласилась старая дама. — Вполне разумное, кстати. Однако пока совершенно недоказуемое. Помните: Томми Бонд, — продолжила она свою мысль, — и миссис Мартин, наша новая школьная учительница. Она подошла к часам, чтобы завести их, и из них наружу выпрыгнула лягушка.

Джозефина Тернер несколько изумилась. Когда остальные вышли из комнаты, она негромко спросила у миссис Бантри:

— А у пожилой леди нет никаких недоразумений с головой?

— Ни малейших, — вознегодовала та.

— Простите. Я подумала, что она, быть может, принимает себя за лягушку или какого зверька...

В этот момент в дом через боковую дверь вошел полковник Бантри. Приветствовав приятелем,

ля, Мелчетт представил ему Джозефину Тернер, внимательно наблюдая за последней. Впрочем, на лице ее не промелькнуло ни признаков интереса, ни узнавания, и Мелчетт облегченно вздохнул. К черту этого Слэка вместе с его инсинуациями. Тем временем Джози в ответ на расспросы миссис Бантри принялась рассказывать историю исчезновения Руби Кин.

— Должно быть, вы переволновались, моя дорогая, — заметила миссис Бантри.

— Я больше злилась, чем волновалась, — ответила Джози. — Понимаете ли, я и представить себе не могла такой ситуации.

— И тем не менее вы обратились в полицию, — проговорила мисс Марпл. — Не было ли ваше обращение, простите меня, несколько *преждевременным*?

Джози не стала медлить с ответом:

— О, это сделала не я, а мистер Джефферсон.

— Джефферсон? — переспросила миссис Бантри.

— Да, он инвалид.

— Это случайно не *Конвей* Джефферсон? Но я его хорошо знаю. Он — наш старый друг... Артур, послушай. Конвей Джефферсон сейчас отдыхает в «Маджестике», и как раз он обратился в полицию! Вот это совпадение!

— Мистер Джефферсон останавливался у нас и прошлым летом, — добавила Джозефина.

— Надо же! А мы и не знали... Я давным-давно не видела его. — Миссис Бантри повернулась к Джози. — И как он сейчас поживает?

Мисс Тернер задумалась.

— Чудесный человек, действительно чудесный. Внимательный, я бы сказала. Всегда приветливый, всегда у него наготове шутка...

— Родные с ним?

— Вы имеете в виду мистера Гаскелла? И молодую миссис Джефферсон? И Питера? О да.

В привлекательной и откровенной манере речи Джозефины Тернер появились какие-то сдержанные нотки. Когда она заговорила о Джефферсонах, интонация ее сделалась несколько неестественной.

— Оба они такие милые, не правда ли? — спросила миссис Бантри. — Я имею в виду молодых.

— О да, конечно, да, — ответила Джози с ощутимой неуверенностью. — Я... мы... тоже так считаем.

V

— И что, скажите на милость, — возмущалась миссис Бантри, провожая из окна взглядом отъезжавший автомобиль главного конс-

тебя, — подразумевала она под этим «мы тоже так считаем»? Вам не кажется, Джейн, что тут есть нечто...

— Да, кажется... в самом деле, — немедленноотреагировала мисс Марпл. — Ошибиться *невозможно!* Ее манера полностью переменилась, *как только* она упомянула Джефферсонов. До этого мгновения она держалась вполне естественно.

— Но как вы думаете, Джейн, в чем здесь дело?

— Ну, моя дорогая, *вы* знаете их. Просто я чувствую, что в них, как вы выразились, есть *нечто*... нечто такое, что встревожило эту молодую женщину. И еще. Вы заметили, что, когда задали ей вопрос о том, волновалась ли она из-за исчезновения девушки, та ответила, что только очень *рассердилась*? И она *действительно* казалась сердитой! И это, знаете ли, *интересно*. У меня есть такое чувство — хотя, может быть, я и ошибаюсь, — что основной ее реакцией на смерть этой особы стал гнев. Она волновалась не из-за нее, я в этом не сомневаюсь, и теперь ничуть не горюет. Однако, я думаю, память об этой девушке, Руби Кин, вполне определенным образом заставляет ее *сердиться*. И тут возникает интересный вопрос: *почему?*

— Мы выясним это! — провозгласила миссис Бантри. — Мы поедем в Дэнмут и остано-

вимся в «Маджестике»... да, Джейн, и вы тоже. После всего случившегося здесь мне необходимо успокоить нервы. Нескольких проведенных в «Маджестике» дней нам вполне хватит. А вы познакомитесь с Конвеем Джефферсоном. Он такой милый, просто душа. Но более печальной истории, чем приключилась с ним, придумать невозможно. У него были сын и дочь, которых он просто обожал. Оба уже завели свои семьи, однако проводили дома много времени. Жена его также была милейшей женщиной, и он был предан ей. Но однажды они летели домой из Франции, и произошло несчастье. Погибли все, кроме него самого: пилот, миссис Джефферсон, Розамунда и Фрэнк. Ноги Конвея оказались искалеченными настолько, что их пришлось ампутировать. А он был таким замечательным человеком — отважным и удачливым! И очень деятельным... Теперь он превратился в калеку, но никогда не жалуется. Невестка живет вместе с ним; она была вдовой, когда Фрэнк Джефферсон женился на ней, у нее есть сын от первого брака — Питер Кармоди. Они оба живут вместе с Конвеем. Марк Гаскелл, муж Розамунды, также проводит с ним много времени. Так что ему пришлось пережить самую ужасную трагедию.

— А теперь, — заметила мисс Марпл, — на него обрушилась новая драма.

— О да... — произнесла миссис Бантри, — да, однако Джефферсоны не имеют к ней ни малейшего отношения.

— Разве? — удивилась мисс Марпл. — Не мистер ли Джефферсон обратился в полицию?

— Вы правы... и знаете что, Джейн, именно *это* и удивительно...

Глава 5

I

Перед полковником Мелчеттом находился весьма раздосадованный управляющий отелем. Главного констебля сопровождали суперинтендант Харпер из полиции Гленшира и неизбежный инспектор Слэк, весьма недовольный произведенной начальством сознательной узурпацией дела. Суперинтендант Харпер склонялся к утешительному обращению с едва ли не готовым к слезам мистером Престкоттом; полковник Мелчетт склонялся к откровенной бесчувственности.

— Что толку плакать по поводу пролитого молока, — резким тоном проговорил он. — Девушка мертва, ее задушили. Вам повезло в том, что это произошло не в вашем отеле. Таким образом, расследование переносится в соседнее графство, и ваше заведение не претерпевает никакого

морального ущерба. Однако несколько вопросов пока остаются открытыми, и чем скорее мы получим на них ответ, тем лучше. И не сомневайтесь: мы проведем дознание с тактом и осторожностью. Так что хватит всяких околичностей, пора приступить к делу. Итак, что именно вам известно об этой девушке?

— Я о ней вообще ничего не знаю. Ее привела сюда Джози.

— Джози давно работает здесь?

— Два... нет, три года.

— Она вам нравится?

— Да, Джози — хорошая девушка, симпатичная. Знает свое дело. Умеет ладить с людьми и сглаживать острые углы. Бридж, как вам известно, игра иногда нервная...

Полковник Мелчетт с чувством кивнул: его жена любила бридж, но играла чрезвычайно плохо.

Мистер Престкотт между тем продолжил:

— Джози отлично улаживает всякие неприятные недоразумения. Она умеет обращаться с людьми доброжелательно и уверенно... надеюсь, вы понимаете меня.

Мелчетт снова кивнул. Теперь он понял, кого напредила ему мисс Джозефина Тернер. Умелый макияж и броская внешность скрывали в ней несомненную няню из детской.

— Я полагаюсь на нее, — продолжил мистер Престкотт; на лице его появилось горестное выражение. — Но какого черта ей понадобилось самым глупым образом резвиться на скользких камнях? У нас здесь превосходный пляж. Зачем ей понадобилось купаться в другом месте? Поскользнулась, упала, повредила лодыжку... С ее стороны это было нечестно по отношению ко *мне!* Я плачу ей за то, чтобы она танцевала, играла в бридж, развлекала и веселила людей, а не за купание среди скал... не за вывихнутую лодыжку. Танцоры должны сами следить за своими ногами, должны избегать риска. Я был очень недоволен ею. Это было нечестно по отношению к отелю...

Мелчетт пресек его дальнейшие излияния:

— И она предложила привезти сюда эту девушку, свою кузину?

— Действительно, — недовольным тоном согласился Престкотт. — Предложение показалось мне удачным. Учтите, что оно не потребовало с моей стороны никаких дополнительных расходов. Девушка получала комнату и еду, но заработок должен был делиться между нею и Джози. Так было обговорено между нами. И я ничего не знал об этой девушке.

— Однако она оказалась вполне приемлемой для вас?

— Ну да. На взгляд в ней не было ни одного недостатка — заметного, во всяком случае. Конечно, она была очень молода, придерживалась несколько дешевого стиля для заведения подобного рода, однако обладала хорошими манерами, вела себя хорошо и незаметно. Хорошо танцевала. Людям она нравилась.

— Хорошенькая?

По посиневшему, распухшему лицу убитой понять это было невозможно.

Мистер Престкотт задумался.

— Так себе. Чуть на лисичку смахивала — острая такая мордочка... Без макияжа — ничего особенного. Ну, а так-то выглядела вполне привлекательно.

— Молодые люди возле нее крутились?

— Понимаю, к чему вы ведете, сэр, — мистер Престкотт несколько взволновался. — Но я ни разу не замечал ничего подобного! Ничего в этом роде. Пара-другая мальчишек пыталась поприставать к ней — но недолго, так сказать, и дня хватило. Ничего такого, что могло бы закончиться смертельным исходом. Хорошо ладила со старшими, умела поболтать с ними. Казалась совсем ребенком, надеюсь, вы понимаете... Им было забавно.

— Например, мистеру Джефферсону? — низким меланхоличным голосом вступил в разговор суперинтендант Харпер.

— Да, я имел в виду в том числе и мистера Джефферсона. Она много времени проводила с ним и его семьей. Он иногда брал ее прокатиться на автомобиле. Мистер Джефферсон очень симпатизировал молодым людям и был добр с ними. Только не поймите меня превратно. Мистер Джефферсон — инвалид. Он может попасть только туда, куда может проехать на своей коляске. Однако ему приятно смотреть на то, как молодежь веселится, играет в теннис, купается... он устраивает вечеринки для молодежи... Он любит молодость, причем без всякой горечи, как это вполне могло быть. Весьма популярный джентльмен и, я бы сказал, удивительный человек.

— Случалось ли ему проявлять какой-то интерес к Руби Кин? — спросил Мелчетт.

— Полагаю, разговор с нею развлекал его.

— А его родные разделяли его интерес к этой девушке?

— Они всегда очень приветливо обращались с ней.

— И именно он сообщил в полицию о ее исчезновении? — проговорил суперинтендант.

Он сумел вложить в эти слова такой смысл и укоризну, что управляющий отреагировал без промедления:

— Поставьте себя на мое место, мистер Харпер. Я и предположить не мог никакого

несчастья. Мистер Джефферсон явился в мой кабинет в гневе и раздражении. Девочка не ночевала в своей комнате. Девочка не явилась на свой танец. Она могла поехать с кем-то на автомобиле и попасть в аварию. Следует немедленно сообщить в полицию. Сделать запрос. Он совсем разбушевался и вел себя бесцеремонно. И позвонил в полицию прямо из моего кабинета.

— Не спросив мнения мисс Тернер?

— Джози не нравилась эта история. Я видел это. Она была раздосадована ею, то есть раздосадована поведением Руби. Но что она могла сказать?

— Что ж, — проговорил Мелчетт, — пора нам повидать мистера Джефферсона... так, Харпер?

Суперинтендант возражений не высказал.

II

Мистер Престкотт проводил полицейских к номеру, который занимал Конвей Джефферсон. Он находился на втором этаже, окна выходили на море.

— Неплохо устроился, а? — беззаботно проговорил Мелчетт. — Он богат?

— Насколько мне известно, очень богат. Когда приезжает сюда, всегда требует самое луч-

шее: лучшие номера, еду по заказу из ресторана, дорогие вина...

Мелчетт кивнул.

Мистер Престкотт постучал во внешнюю дверь, и женский голос ответил:

— Входите.

Управляющий вошел первым, все остальные последовали за ним. Полным извинений тоном мистер Престкотт обратился к женщине, сидевшей возле окна и повернувшей голову к вошедшим:

— Мне так жаль беспокоить вас, миссис Джефферсон, однако к нам прибыли джентльмены из полиции. Им необходимо поговорить с мистером Джефферсоном. Э... полковник Мелчетт, суперинтендант Харпер, инспектор... э... Слэк, миссис Джефферсон!

Последняя чуть склонила голову в вежливом поклоне.

Простая женщина — таким было первое впечатление Мелчетта. Однако когда на ее губах появилась легкая улыбка и она заговорила, он переменил свое мнение. Миссис Джефферсон обладала особо приятным, даже чарующим голосом, а также прекрасными и чистыми глазами газели. Она была неброско, но со вкусом одета. По мнению полковника, женщине этой было около тридцати пяти лет.

— Мой свекор спит, — сказала миссис Джефферсон. — Он не слишком крепок здоровьем, и вся эта история стала для него ужасным потрясением. Нам пришлось обратиться к доктору, и тот прописал ему успокоительное. Как только он проснется, то, вне всякого сомнения, захочет увидеть вас. А пока, быть может, я сумею помочь вам? Не хотите ли сесть?

Мистер Престкотт, стремившийся удариться в бегство, обратился к полковнику Мелчетту:

— Ну... э... надеюсь, что я уже сделал для вас все от меня зависящее... — и с благодарностью получил разрешение ретироваться.

После того как он аккуратно затворил за собой дверь, атмосфера приняла более мягкий и располагающий к общению характер. Аделаида Джефферсон умела создать вокруг себя ощущение покоя. Она принадлежала к тому роду женщин, которые никогда не скажут чего-либо из ряда вон выходящего, однако своим присутствием будут содействовать непринужденному разговору. Аделаида сразу же взяла нужный тон, сказав:

— Все мы глубоко потрясены случившимся. Я до сих пор не могу поверить в это. Мой свекор ужасно расстроен. Он очень симпатизировал Руби.

— Насколько я понимаю, — проговорил Мелчетт, — именно мистер Джефферсон сообщил о ее исчезновении в полицию.

Он хотел видеть реакцию этой женщины. Мгновенная вспышка, всего лишь короткая вспышка... чего же: досады? Тревоги? Полковник не мог сказать, чего именно, однако *нечто* промелькнуло на ее лице, и ему показалось, что миссис Джефферсон немедленно пришлось взять себя в руки и продолжить разговор, приготовившись к неприятному делу.

— Да, действительно так, — сказала она. — Будучи инвалидом, он легко расстраивается и приходит в волнение. Мы пытались успокоить его, говорили, что всё в порядке, что найдется естественное объяснение и что девочке самой не понравится наше обращение в полицию. Он настоял на своем. И что же, — она чуть повела рукой, — он оказался прав, а все мы ошибались!

— Миссис Джефферсон, насколько хорошо вы были знакомы с Руби Кин? — спросил Мелчетт.

Она задумалась.

— Трудно сказать. Мой свекор любит молодых и любит их общество. Руби представляла для него новую разновидность; ему было интересно слушать ее болтовню. Она часто проводила с нами свое время в отеле, и мой свекор неоднократно брал ее с собой покататься в автомобиле.

Интонация ее показалась Мелчетту уклончивой: при желании эта женщина могла бы сообщить и побольше.

— Не расскажете ли вы мне все, что вам известно о событиях прошедшей ночи? — спросил он.

— Конечно. Однако, боюсь, вы услышите от меня немного полезной информации. После ужина Руби пришла к нам посидеть в лоджии. Она осталась у нас даже после того, как начались танцы. Потом мы договорились сыграть в бридж, однако нам пришлось ждать Марка, то есть Марка Гаскелла, моего зятя, — как вам, наверное, известно, он женился на дочери мистера Джефферсона, — которому нужно было написать несколько очень важных писем, а также Джози. Она должна была стать четвертой.

— И как часто такое случалось?

— Весьма нередко. Конечно, она отменно играет и мила в общении. Мой свекор — великолепный игрок, и всегда, когда это возможно, он стремится залучить четвертой к себе Джози, предпочитая ее кому-то другому. Естественно, поскольку ей приходится устраивать остальные четверки, она не всегда приходит к нам, но всегда старается это делать, а поскольку, — в глазах ее промелькнула легкая улыбка, — мой свекор

расходует в отеле много денег, администрация бывает довольна, если Джози предпочитает нас.

— Вам нравится Джози? — спросил Мелчетт.

— Да, конечно. Она всегда приветлива и добродушна, усердно работает и как будто бы любит свою работу. Сообразительна и не стремится казаться интеллектуалкой... у нее вообще нет никаких претензий. Держится искренне и естественно...

— Пожалуйста, продолжайте, миссис Джефферсон.

— Как я уже сказала, Джози следовало сперва устроить все партии в бридж, а Марк был занят письмами, поэтому Руби засиделась с нами за разговором дольше обычного. А потом явилась Джози, а Руби отправилась исполнять свой первый сольный танец в паре с Раймондом, здешним инструктором по танцам и теннису. После этого она вернулась, как раз когда Марк присоединился к нам. Дальше ее пригласил на танец один молодой человек, а мы четверо начали нашу партию в бридж.

Она умолкла и беспомощно пожала плечами.

— Вот и все, что я знаю. Однажды я мельком видела ее танцующей, однако бридж требует внимания, и я почти не смотрела в бальный зал за стеклянной перегородкой. А потом, в полночь, к Джози подошел очень расстроенный

Раймонд и спросил, где Руби. Джози, естественно, постаралась заставить его замолчать, но...

Ее прервал суперинтендант Харпер, проговоривший своим обычным тихим голосом:

— Почему вы сочли этот поступок *естественным*, миссис Джефферсон?

— Ну... — Она помедлила, показавшись Мелчетту несколько смущенной. — Джози не хотела, чтобы об отсутствии девушки стало известно. Она в известной мере считала себя ответственной за нее. Она предположила, что Руби, наверное, осталась в своей комнате. Раймонд позвонил туда, однако ответа, сами понимаете, не получил и, вполне понятно, вернулся в несколько возбужденном состоянии. Джози ушла вместе с ним, попыталась его утихомирить, в конечном итоге протанцевала с ним вместо Руби. Мужественный поступок с ее стороны — потом было заметно, как разболелась ее лодыжка. После танца она вернулась к нам и попыталась успокоить уже мистера Джефферсона — к этому времени тот порядком разволновался. В итоге нам удалось уговорить его лечь в постель; мы сказали, что Руби, скорее всего, отправилась с кем-то покататься на машине и они где-то прокололи шину. Он лег встревоженным и начал нервничать прямо с утра... Остальное вам известно.

— Благодарю вас, миссис Джефферсон. А теперь я хочу спросить, есть ли у вас какие-нибудь предположения в отношении того, кто именно мог убить ее?

— Не имею ни малейшего представления, — немедленно ответила она. — Боюсь, что ничем не смогу помочь вам.

Суперинтендант попробовал нажать:

— А сама девушка ничего вам не говорила? Что кто-то ревнует ее? Или она боится одного из знакомых ей мужчин? Или находится с кем-то в близких отношениях?

Аделаида Джефферсон отрицательно качала головой на каждый вопрос. Похоже было, что она ничего больше не может сообщить им. Харпер предложил отправиться к молодому Джорджу Бартлетту и допросить его, после чего вернуться к мистеру Джефферсону. Полковник Мелчетт согласился, и трое мужчин вышли, получив от миссис Джефферсон обещание известить их сразу же, как только ее свекор проснется.

— Отличная женщина, — заявил полковник сразу же после того, как они закрыли за собой дверь.

— Превосходная, — согласился с ним суперинтендант Харпер.

III

Джордж Бартлетт оказался долговязым и тощим юнцом, наделенным крупным адамовым яблоком и отсутствием способности ясно выражать свои мысли. Он пребывал в таком замешательстве, что выудить из него здоровое и спокойное утверждение не представлялось никакой возможности.

— Скажите, ведь это ужасно, правда? О таких вещах пишут в воскресных газетах... но в то, что они могут случаться на самом деле, поверить невозможно, как вы считаете?

— К сожалению, сомнений в реальности трагедии не может быть, мистер Бартлетт, — заметил суперинтендант.

— Да-да, конечно. И тем не менее все это выглядит как-то странно. Чтобы такое случилось в считанных милях отсюда... тем более в каком-то загородном доме, не так ли? Жутко сельском и все такое... Надо думать, в округе переволновались, так?

Полковник Мелчетт взял на себя руководство беседой.

— Насколько хорошо вы были знакомы с погибшей девушкой, мистер Бартлетт?

Джордж Бартлетт встревожился.

— О н-н-нет, совсем нет, с-с-сэр. Поймите, мы были едва знакомы. Раза два я танцевал с ней, мы разговаривали днем, немного играли в теннис...

— Мне кажется, что вы были последним, кто видел ее в живых?

— Наверное, да. Но разве это не ужасно? То есть, когда я видел ее, она находилась в полном порядке.

— Когда это было, мистер Бартлетт?

— Ну, знаете ли, я никогда не слежу за временем... на мой взгляд, было еще не слишком поздно.

— Вы танцевали с нею?

— Да, по правде говоря, да, танцевал. Но в самом начале вечера. Вот что я скажу. Перед самым их сольным танцем с инструктором. Должно быть, часов в десять или в половине одиннадцатого, даже в одиннадцать, точнее не скажу.

— Пусть время вас не смущает, мы можем высчитать его. Прошу вас, расскажите все в точности, как оно было.

— Ну, значит, мы танцевали, стало быть, так. Не то чтобы я был хорошим танцором...

— Для нас неважно, как вы танцуете, мистер Бартлетт.

Бросив полный тревоги взгляд на полковника, Джордж, осекшись, пробормотал:

— Ну, э... да, н-н-наверное, нет. Значит, как я уже сказал, мы танцевали и танцевали, я говорил, но Руби больше помалкивала и разок-другой зевнула. Как я уже сказал, танцюю я не жуть как хорошо, ну и девушке это надоело — согласитесь, по понятной причине... Я понимаю, когда мне дают отлуп, поэтому сказал ей «все о'кей», и на этом мы расстались.

— Когда вы последний раз видели ее?

— Она поднималась по лестнице.

— Она не говорила о том, что собирается с кем-нибудь встретиться? Или поехать на автомобиле? Или что у нее... свиданка? — Полковник с заметным трудом воспользовался разговорным выражением.

Бартлетт печально покачал головой.

— Во всяком случае, не со мной.

— А как она держалась? Не была ли встревоженной, расстроенной, задумчивой?

Джордж Бартлетт задумался, а потом покачал головой.

— Ей было скучно. Она зевала. И только.

— А что вы делали потом, мистер Бартлетт? — проговорил полковник.

— Э?

— Что вы делали потом, после того, как Руби Кин оставила вас?

Джордж Бартлетт приоткрыл рот от усердия.

— Посмотрим... Что же я *делал*?

— Мы надеемся на то, что вы расскажете нам об этом.

— Да-да, конечно. Чертовски трудное это занятие — вспоминать, правда? Посмотрим... Нимало не удивлюсь, если после этого я отправился в бар, чтобы выпить.

— Итак, вы пошли в бар и выпили?

— Именно так. Выпил. Но не думайте, что так вот сразу. Похоже на то, что сперва я вышел наружу. Подышать. Для сентября внутри душновато. А снаружи очень хорошо. Да, именно так. Я немного погулял возле отеля, потом вернулся и выпил, а затем не спеша отправился в бальный зал. Какие мои дела... Заметил, что эта, как ее, Джози, снова танцевала. С теннисистом. Она была на больничном... подвернула лодыжку, что-то вроде того...

— Это значит, что вы возвратились в отель в полночь. Итак, вы хотите, чтобы мы поверили в то, что вы провели на прогулке возле отеля более часа?

— Ну, я же выпил, как вам уже говорил. Мне было хорошо, я думал о разном...

Это утверждение было встречено бóльшим недоверием, чем прочие.

— И о чем же вы думали? — резким тоном спросил полковник Мелчетт.

— Ну, не знаю. Обо всем, — неопределенно выразился мистер Бартлетт.

— У вас есть автомобиль?

— О да, у меня есть автомобиль.

— И где же он находился... в гараже отеля?

— Нет, по сути дела, стоял во дворе. Я думал, не прогуляться ли, понимаете.

— Но, может, вы и в самом деле прогулялись?

— Нет-нет, я этого не делал. Клянусь, не делал.

— А не съездили ли вы, к примеру, на прогулку с мисс Кин?

— Ну вы даете! И вот что, к чему клоните? Я этого не делал... Ей-богу, не делал. Точно не делал.

— Благодарю вас, мистер Бартлетт; едва ли у нас будут к вам другие вопросы в настоящее время. *В настоящее время*, — повторил полковник Мелчетт, подчеркнув интонацией последние слова.

После чего они расстались с мистером Бартлеттом, проводившим их тревожной миной, нелепой на его не блещущей интеллектотом физиономии.

— Безмозглый юный осел, — прокомментировал Мелчетт. — Или это кажется только мне?

Покачав головой, суперинтендант Харпер проговорил:

— Нам предстоит долгий путь.

Глава 6

I

Ни ночной портье, ни бармен ничего полезного не сказали. Портье вспомнил, что звонил в комнату мисс Кин сразу после полуночи, но не получил ответа. Он также не видел, чтобы мистер Бартлетт покидал отель или входил в него. Леди и джентльмены ходили туда и сюда: ночь выдалась превосходная. Однако в коридоре были и другие двери, кроме находящейся в главном холле. Портье был абсолютно уверен в том, что мисс Кин не выходила через главный вход, но если она спускалась из своей комнаты, находившейся на втором этаже... к ней вела лестница, а дверь в конце коридора открывалась на боковую террасу. Воспользовавшись ею, она могла выйти совершенно незаметно. Дверь эта не запиралась до конца танцев, то есть до двух ночи.

Бармен припомнил, что вчера вечером мистер Бартлетт действительно присутствовал в баре, однако затруднился сказать, в какое именно время. Согласно его мнению, примерно в середине вечера мистер Бартлетт сидел возле стены с полным меланхолии выражением на лице. Бармен не мог сказать, сколько времени он провел в такой позе: в бар то и дело

заходили прочие гости. Да, он видел мистера Бартлетта, однако решительным образом не мог сказать, когда именно.

II

Когда полицейские выходили из бара, к ним обратился невысокий мальчик лет девяти от роду, немедленно разразившийся взволнованной речью:

— Наверное, вы детективы? А я — Питер Кармоди. Это мой дедушка, мистер Джефферсон, позвонил в полицию насчет Руби. А вы из Скотленд-Ярда? А можно мне поговорить с вами, а?

Полковник Мелчетт явно был готов ограничиться коротким отрицанием, однако суперинтендант Харпер самым благосклонным и любезным образом произнес:

— Можно, сынок. Тебе наверняка интересно все узнать, так?

— Ну да, конечно. А вы любите детективы? Я люблю. Я их всегда читаю, и у меня есть автографы Дороти Сэйерс, и Агаты Кристи, и Диксона Карра, и Генри Бейли. А об этом убийстве напишут в газетах?

— Безусловно, напишут, — мрачным тоном промолвил суперинтендант Харпер.

— Понимаете, на следующей неделе я возвращаюсь в школу, и мне нужно будет рассказать всем ребятам, что я знал эту девушку... и в самом деле *хорошо* знал.

— Ну, и какого ты мнения о ней, а?

Питер задумался.

— Честно, мне она не слишком нравилась. На мой взгляд, она была глупа. Мама и дядя Марк тоже ее не любили. Один только дедушка... Кстати, он хочет видеть вас. Он послал за вами Эдвардса.

Суперинтендант Харпер подбодрил мальчугана:

— Итак, твоя мать и твой дядя Марк недолюбливали Руби Кин? Почему же?

— Ой, я не знаю. Она всегда встревала. И им не нравилось, что дедушка возится с ней. Наверное, — бодрым тоном проговорил Питер, — они рады ее смерти.

Задумчиво посмотрев на него, суперинтендант Харпер сказал:

— А ты слышал, чтобы они так... э... говорили?

— Ну, не совсем. Дядя Марк сказал: «Ну, во всяком случае, это выход», — а мама сказала: «Да, но насколько ужасный», — и дядя Марк сказал, что не стоит лицемерить.

Мужчины обменялись взглядами. В это время к ним подошел чисто выбритый мужчина, одетый в опрятный костюм из синей саржи.

— Простите меня, джентльмены. Я камердинер мистера Джефферсона. Он проснулся и послал меня за вами, так как очень хочет увидеть вас.

Полицейские снова подошли к номеру Конвея Джефферсона. В гостиной Аделаида Джефферсон разговаривала с высоким беспокойным мужчиной, нервно расхаживавшим по комнате. Он резко повернулся навстречу новоприбывшим:

— О да. Рад видеть вас. Мой тесть ждет вас. Он проснулся. Постарайтесь не слишком волновать его, насколько это возможно. Он не слишком здоров. Удивительно уже то, что такое потрясение не покончило с ним.

Харпер удивился:

— Я и не знал, что здоровье Конвея Джефферсона находится в таком плохом состоянии.

— Он сам этого не знает, — ответил Марк Гаскелл. — У него больное сердце. Доктор предупредил Адди о том, что ему нельзя слишком волноваться или пугаться. Он более-менее откровенно намекнул на то, что конец может настать в любую минуту, правильно, Адди?

Миссис Джефферсон кивнула:

— Просто невероятно, что Джефф сумел пережить такое потрясение.

Мелчетт сухим тоном проговорил:

— Трудно усмотреть в убийстве успокаивающие моменты. Но мы будем осторожны, насколько это возможно.

Произнося эти слова, он присматривался к Марку Гаскеллу. Полковнику не нравился этот человек. Отважное, беспринципное, ястребиное лицо. Один из тех мужчин, что всегда идут своим путем, нередко вселяя восхищение в женщин. «Но не из тех, кому я способен поверить, — подумал полковник. — Да, беспринципное — самое подходящее слово. Он из тех людей, которым никого не жаль».

III

Конвей Джефферсон сидел в своем кресле-качалке возле окна просторной спальни, окна которой выходили на море. Гость ощущал властный магнетизм личности этого человека сразу, как только входил в комнату. Казалось, будто увечья, превратившие Джефферсона в калеку, сконцентрировали жизненные силы его тела в более узком и интенсивном фокусе. Прекрасную голову венчали рыжие, чуть поседе-

шие волосы. С сурового, полного силы загорелого лица смотрели удивительно голубые глаза. Во всей его фигуре не было даже признака слабости или болезни. Глубокие морщины на его лице начертало страдание, а не слабость. Такой человек не станет жаловаться на судьбу, но встретит ее лицом к лицу — и одержит над ней победу.

— Рад, что вы пришли, — произнес он, оценивая вошедших быстрым взглядом, и, обратившись к Мелчетту, спросил: — Вы — главный констебль Редфордшира? Хорошо. А вы — суперинтендант Харпер? Садитесь. Сигареты на столе между вами.

Поблагодарив, полицейские сели, и Мелчетт спросил:

— Насколько я понимаю, мистер Джефферсон, вы проявляли интерес к погибшей девушке?

По морщинистому лицу старика пробежала быстрая кривая улыбка.

— Ну да, конечно, вам уже все рассказали! Что ж, это не секрет. И что вам наговорили мои родственники? — С этими словами он окинул взглядом своих гостей.

Ответил Мелчетт:

— Миссис Джефферсон сообщила нам очень немного, если не считать того, что разговоры с этой девочкой развлекали вас и она в извест-

ной мере стала вашей протее. А с мистером Гаскеллом мы едва успели обменяться несколькими словами.

Конвей Джефферсон улыбнулся.

— Адди, дай бог ей счастья, существо благо-разумное. Марк мог бы повести себя более прямолинейно. Полагаю, Мелчетт, что мне следует быть по возможности откровенным с вами, чтобы вы могли понять мою позицию. Для начала мне придется напомнить об обрушившейся на меня громадной трагедии. Восемь лет назад я потерял в авиакатастрофе жену, сына и дочь. И с тех пор уподобился человеку, который утратил половину себя самого — я говорю не о своем физическом увечье! Я — человек семейный. Моя невестка и зять были очень добры ко мне. Они сделали все возможное, чтобы заменить мою собственную плоть и кровь. Однако я понял, особенно в последнее время, что у них, в конце концов, должна быть собственная жизнь. Итак, вы должны понять, что на самом деле я — человек одинокий. Я люблю молодежь. Мне приятно общество молодых людей. Я наслаждаюсь им. Пару раз я подумывал о том, чтобы усыновить или удочерить кого-нибудь. За последний месяц я успел очень подружиться с убитым ребенком. Она была абсолютно естественна, совер-

шенно наивна. Болтала о своей жизни и выступлениях в пантомиме, об общении с бродячими трупами, о воспоминаниях детства, проведенного в дешевом жилье с папой и мамой. Совершенно непривычный для меня взгляд на жизнь! Никаких жалоб, даже никакого восприятия подобной жизни как ничтожной и жалкой. Просто естественное, не склонное к жалобам, старательное дитя... неиспорченное и очаровательное. Конечно, не леди, однако, слава богу, не вульгарная и не отталкивающая... и не стремящаяся по-обезьяньи подражать светским дамам. Я постепенно проникался все большей и большей симпатией к Руби. И решил, джентльмены, официально удочерить ее. Она должна была стать моей дочерью с точки зрения закона. Это, надеюсь, объясняет мое волнение за нее и те шаги, которые я предпринял, узнав о ее необъяснимом исчезновении.

После недолгого молчания суперинтендант Харпер, бесстрастный голос которого лишил вопрос всякого оскорбительного значения, проговорил:

— Могу ли я спросить о том, как отнеслись к этой идее ваши зять и невестка?

Джефферсон ответил без промедления:

— Ну, что они могли бы сказать? Думаю, что мое желание не доставило им удовольствия. Подобного рода поступки пробуждают всякие предрассудки. Однако они вели себя хорошо, даже очень хорошо. Дело не в том, что они зависят от меня. Когда женился мой сын Фрэнк, я передал ему половину своего состояния. Знаете ли, придерживаюсь той точки зрения, что не стоит позволять своим детям ждать вашей смерти. Деньги нужны им, когда они молоды и еще не успели поседеть. Подобным образом, когда моя дочь Розамунда настояла на браке с бедным человеком, я выделил им крупную сумму денег, которые перешли к нему после ее смерти. Как вы понимаете, это упростило проблему с финансовой точки зрения.

— Понятно, мистер Джефферсон, — ответил суперинтендант Харпер.

Однако в голосе его промелькнула некая сдержанность. Конвей Джефферсон подметил ее.

— Или вы не согласны со мной?

— Не мне говорить, сэръ, но, согласно моему опыту, родственники не всегда действуют разумно.

— Полагаю, вы правы, суперинтендант, однако следует помнить, что мистер Гаскелл и миссис Джефферсон, строго говоря, не являются моими *родственниками*. Во всяком случае, кровными.

— Это, конечно, другое дело, — согласился суперинтендант.

Глаза Конвея Джефферсона блеснули.

— Ну, конечно, я не стану утверждать, что они не называют меня между собой старым дураком. Такова *была бы* реакция обычного человека. Но я-то не дурак! Я разбираюсь в людях. При образовании и светском лоске Руби Кин могла бы найти себе место повсюду.

— Боюсь, — сказал Мелчетт, — что мы ведем себя слишком навязчиво и дотошно, однако нам важно выяснить все факты. Вы намеревались взять девушку на полное содержание, то есть вложить в нее определенные деньги, однако еще не сделали этого?

— Мне понятно, к чему вы клоните — не мог ли кто-то рассчитывать обогатиться после смерти девушки, — ответил Джефферсон. — Однако никто не мог этого сделать. Необходимые для удочерения формальности были еще только начаты, но не завершены.

— Тогда, если бы что-то с вами случилось... — неторопливо произнес Мелчетт.

Он оставил свою мысль недоговоренной.

Конвей Джефферсон отреагировал мгновенно.

— Что может со мною случиться? Я — калекка, но не инвалид. Это врачи любят делать кис-

лые физиономии и советовать мне не переутомляться. Не переутомляться! Я силен, как конь! Да, я прекрасно представляю себе жизненные превратности. У меня на это хорошие причины. Смерть внезапно посещает самого сильного — особенно в наше время дорожных аварий. Но я приготовился к этому: сделал новое завешание десять дней назад.

— В самом деле? — Суперинтендант Харпер подался вперед.

— Я оставил на трастовом счету Руби Кин пятьдесят тысяч фунтов; по достижении ею двадцати пяти лет она получила бы право распоряжаться основным капиталом.

Глаза у Харпера округлились... у полковника Мелчетта — тоже.

— Это очень крупная сумма, мистер Джефферсон, — проговорил суперинтендант едва ли не с трепетом в голосе.

— Да, в наши дни это так.

— И вы оставляли ее девушке, с которой были знакомы всего несколько недель?

В васильковых глазах старика блеснул гневный огонек.

— Неужели я должен все повторять снова и снова? У меня не осталось кровной родни... никаких племянников или племянниц, даже далеких кузенов! Я могу оставить эти деньги бла-

готворительным организациям. Но предпочел осчастливить одного человека. — Он рассмеялся. — Сделать Золушку за один месяц принцессой! Только не в качестве крестной феи, а крестного фея. Почему бы и нет? Это *мои* деньги. Я их заработал.

— Есть ли другие наследники? — спросил полковник Мелчетт.

— Небольшая сумма Эдвардсу, моему камердинеру, остальное Марку и Адди в равных долях.

— Простите... а много ли будет этого остального?

— Наверное, нет. Точнее, трудно сказать: величина вложений все время колеблется. После расходов на похороны останется что-нибудь между пятью и десятью тысячами фунтов.

— Понятно.

— Только не надо думать, что я обижаю их. Как я уже сказал, свое состояние я разделил после того, как мои дети вступили в брак. Себе самому я оставил, откровенно говоря, не слишком большую сумму. Однако потом, после трагедии, мне было нужно чем-то занять себя, и я принялся за бизнес. Я установил в своей спальне в лондонском доме прямую линию, связанную с моим кабинетом. Я много работал... это помогало мне не думать и позволяло почувство-

вать, что увечье не сокрушило меня. Я погрузился в работу, — голос его обрел более глубокое звучание; он обращался скорее к себе самому, чем к слушателям, — и по какой-то иронии судьбы, все мои решения приводили к успеху! Даже самые отчаянные и невероятные спекуляции. Я играл и выигрывал. Все, к чему я прикасался, превращалось в золото. Должно быть, судьба таким ироническим образом выправляла баланс...

На его лице вновь проступили запомнившие былое страдание морщины. Взяв себя в руки, Конвей Джефферсон сухо улыбнулся.

— Итак, как вы видите, деньги, которые я оставил Руби, вне всякого сомнения, принадлежали мне самому, и я был вправе поступить с ними по собственной воле.

— Безусловно, мой дорогой друг, — поспешно произнес Мелчетт. — Мы этого не оспариваем.

— Хорошо. А теперь я сам хотел бы задать вам несколько вопросов, если такое возможно. Я хочу услышать все, что вам известно об этом жутком деле. Я знаю только, что ее... что маленькую Руби нашли удушенной в доме, расположенном милях в двадцати отсюда.

— Совершенно верно. В Госсингтон-холле. Джефферсон нахмурился.

— В Госсингтоне? Но это же...

— Дом полковника Бантри.

— Бантри! *Артура Бантри*? Но я знаком с ним. И с ним, и с его женой! Встречался с ними за границей несколько лет назад. Я даже представления не имел о том, что они обитают где-то в этих краях. Но это же... — Он умолк.

— Полковник Бантри обедал в отеле во вторник на прошлой неделе, — непринужденным тоном вставил суперинтендант Харпер. — Вы не встречались с ним?

— Во вторник? Во вторник... Нет, в тот день мы вернулись поздно. Ездили на мыс Харден и пообедали на обратном пути.

— Руби Кин никогда не упоминала при вас фамилию Бантри? — спросил Мелчетт.

Джефферсон покачал головой:

— Никогда. Едва ли она была знакома с ними... Да, точно не знала. Она не была знакома ни с кем, кроме театрального люда и ему подобных... — После недолгой паузы он резким тоном спросил: — А что говорит по этому поводу Бантри?

— Ничего, что имело бы к этому делу хоть малейшее отношение. Вчера вечером он был на собрании консерваторов. Тело обнаружили сего-

дня утром. Он утверждает, что ни разу в жизни не видел эту девушку.

Кивнув, Джефферсон проговорил:

— Немыслимое дело...

Суперинтендант Харпер, кашлянув, продолжил разговор:

— Не имеете ли вы, сэр, представления о том, кто мог совершить убийство?

— Боже милостивый, хотелось бы знать! — На лбу старика вздулись вены. — Немыслимое, невероятное преступление! Если б оно не случилось, я бы сказал, что его просто не могло произойти!

— Не появлялся ли здесь какой-нибудь ее старинный приятель, не крутился ли кто-то вокруг нее... может быть, ее шантажировали?

— Не сомневаюсь в том, что ничего подобного не было. В подобном случае она сказала бы мне об этом. У нее никогда не было постоянного ухажера. Она сама мне так говорила.

«Да, едва ли *она* могла сказать тебе что-то другое, — невольно подумал суперинтендант Харпер. — И тем не менее это вполне возможно».

Конвей Джефферсон тем временем продолжал:

— Джози лучше меня должна была знать, крутятся ли вокруг Руби какие-нибудь мужчины. Что она говорит?

— Что не замечала такого.

Джефферсон нахмурился.

— Могу только предположить, что сделал это какой-то маньяк... эта жестокость, взлом сельского дома, бессвязность и бессмысленность самого преступления... Есть такой тип преступников; внешне нормальные люди, они заманивают девушек, а иногда детей в незнакомое место и убивают их.

— О да, вы правы, такие случаи имеют место, — заметил Харпер, — однако сейчас, по нашей информации, подобных маньяков нет во всей нашей округе.

— Я пытался представить себе всех тех мужчин, — продолжил Джефферсон, — которых видел в обществе Руби. Здешние постояльцы и посетители ресторана — те, с которыми она танцевала. На мой взгляд, все они достаточно безвредные и спокойные люди... И никаких близких друзей у нее не было.

Лицо суперинтенданта Харпера оставалось невозмутимым, однако в нем тлел не замеченный Конвеем Джефферсоном огонек сомнения. Вполне возможно, думал он, что у Руби Кин на самом деле был близкий друг, хотя Конвей Джефферсон не догадывался об этом. Впрочем, он не стал ничего говорить вслух.

Бросив на него вопросительный взгляд, главный констебль поднялся на ноги.

— Благодарю вас, мистер Джефферсон. Это все, что нам нужно от вас в данный момент.

— Будете ли вы держать меня в курсе продвижения расследования? — спросил старик.

— Да-да, мы будем поддерживать связь с вами.

Оба полисмена вышли, и Конвей Джефферсон откинулся на спинку своего кресла. Веки его опустились, прикрыв яростную голубизну глаз. Внезапно на лицо его опустилась тяжкая усталость. По прошествии минуты-другой веки его шевельнулись, и он позвал:

— Эдвардс!

Немедленно из соседней комнаты явился камердинер, знавший своего господина, как никто другой. Все, даже ближайšie к Джефферсону люди, ощущали только его силу; Эдвардс же ведал и его слабость. Он видел Конвея Джефферсона усталым, обескураженным, утомленным жизнью, на мгновение покорившимся увечью и одиночеству.

— Да, сэр?

— Езжайте к сэру Генри Клитерингу, — проговорил Джефферсон. — Он пребывает ныне в Мелборн-Аббас. Попросите его от моего имени приехать сюда сегодня, а не завтра, если он может это сделать. Скажите ему, что дело очень срочное.

Глава 7

I

Оказавшись за дверью номера Джефферсона, суперинтендант Харпер сказал:

— Ну что ж, во всяком случае, теперь мы располагаем мотивом, каким бы ненадежным он ни был, сэр.

— Гм, — буркнул Мелчетт. — Вы про пятьдесят тысяч фунтов, так?

— Да, сэр. Убивали и за много меньшую сумму.

— Да, но...

Полковник недоговорил свою мысль, однако Харпер тем не менее его понял.

— Вы не считаете этот мотив относящимся к данному делу? Да, я тоже так не считаю... во всяком случае, пока. Однако упускать этот фактор из вида не стоит.

— Да, конечно.

— Если, как утверждает мистер Джефферсон, — продолжил Харпер, — мистер Гаскелл и миссис Джефферсон уже обеспечены и рассчитывают на приличный доход, едва ли они будут задумывать жестокое убийство.

— В самом деле. Безусловно, придется проверить состояние их финансовых дел. Не могу сказать, что мне понравилась внешность Гас-

келла — с вида он человек жесткий и беспринципный, — однако все это не превращает его в убийцу.

— О да, сэр, я уже сказал, что не вижу оснований обвинять любого из них, а судя по тому, что сказала Джози, не понимаю, как это было бы физически возможно. Они оба играли в бридж начиная с десяти сорока до полуночи. Нет, с моей точки зрения, другая возможность куда более вероятна.

— Какой-нибудь неведомый нам приятель Руби Кин? — спросил Мелчетт.

— Именно так, сэр. Некий недовольный жизнью молодой человек, быть может, не слишком крепкий на голову. Человек, которого она знала до появления здесь. И эта самая идея с удочерением, если он сумел проведать о ней, могла поставить крест на его дальнейших намерениях. Парень решил, что теряет ее, понял, что она переходит в другую сферу жизни, и обезумел от слепой ярости. Вчера ночью он заставил ее выйти из отеля, поссорился с ней, полностью потерял голову и прикончил ее.

— Но как она тогда попала в библиотеку Бантри?

— На мой взгляд, это вполне понятно. Они находились, к примеру, в его машине. Придя

в себя, он понял, что натворил, и первым делом попытался избавиться от трупа. Предположим, в это время они оказались возле ворот большого дома. Тут ему в голову пришло, что если ее обнаружат внутри его, то все расследование будет сосредоточено вокруг дома и его обитателей, оставляя его вне всяких подозрений. Девочка-то легкая, нести ее не составляло особого труда. Взял из машины стамеску, взломал окно, плюхнул свою жертву на ковер... Раз она задушена, в машине не остается никаких следов, никакой крови. Вы согласны со мною, сэр?

— О да, Харпер, все это вполне возможно. Однако остается кое-что отыскать. *Cherchez l'homme*¹.

— Что? О, превосходно сказано, сэр. — Суперинтендант тактично поаплодировал шутке Мелчетта, хотя благодаря превосходному французскому выговору полковника почти не понял ее смысла.

II

— О... э... не могу ли я задержать вас на пару минут? — Такими словами обоих мужчин остановил Джордж Бартлетт.

---

¹ Ищите мужчину (фр.).

Полковник Мелчетт, не испытывавший симпатии к мистеру Бартлетту и стремившийся поскорее познакомиться с результатами проведенного Слэком обследования комнаты девушки и опроса служанок, достаточно резко рявкнул:

— Ну, что там еще у вас... в чем дело?

Молодой мистер Бартлетт отступил на шаг-другой, беспомощно открывая и закрывая рот и неосознанно сделавшись похожим на золотую рыбку в аквариуме.

— Ну... э... наверное, это неважно, знаете ли. Но решил, что должен сказать вам. Дело в том, что я не могу отыскать свой автомобиль.

— Что значит «не могу отыскать»?

Осекаясь на каждом втором слове, мистер Бартлетт объяснил, что, собственно, имел в виду то, что не может найти свой автомобиль.

— Вы хотите сказать, что его украли? — уточнил суперинтендант Харпер.

Джордж Бартлетт с благодарностью повернулся к обладателю более кроткого голоса.

— Ну вот, так оно и есть, понимаете ли. То есть, как знать, может быть... Наверное, кто-то укатил на нем, не имея в виду ничего плохого, согласитесь со мной.

— А когда вы в последний раз видели его, мистер Бартлетт?

— Ну, я как раз пытаюсь вспомнить это. Просто забавно, насколько трудно бывает что-нибудь вспомнить, правда?

Мелчетт холодным тоном проговорил:

— Нет, на мой взгляд, ничего сложного — если голова в порядке. Насколько я понимаю, вы хотели сказать, что прошлой ночью она находилась во дворе отеля.

Мистеру Бартлетту хватило отваги перебить полковника:

— То есть так... но если не так?

— Как это — не так? Вы же сказали, что она там стояла.

— Ну, то есть я думал, что стояла. Ну, я хочу сказать, что я так думал, но не выходил проверить и посмотреть, понимаете?

Полковник Мелчетт вздохнул, призывая к себе все спокойствие.

— Давайте-ка выясним. Когда вы в последний раз видели — своими глазами видели — собственную машину? Кстати, какой она марки?

— «Миноан-четырнадцать»¹.

— Так когда вы видели ее в последний раз?

Адамово яблоко Джорджа Бартлетта конвульсивно дернулось вверх, а потом вниз.

---

¹ Миноан (англ.) — минойский, относящийся к минойской культуре.

— Вот вспоминаю... Вчера ездил перед ланчем. Намеревался покататься днем. Но почему-то — знаете, как случается, — вместо этого уснул. Потом, после чая, играл в сквош¹ и все такое, а потом купался.

— И все это время автомобиль находился во дворе отеля?

— Полагаю, что так. То есть там, где я оставил его. Думал, понимаете, что покатаю кого-нибудь. После обеда то есть. Но не повезло. Не мой вечер, не сложилось. Но после этого никуда не ездил на своей старушке.

— Однако вы считали, что автомобиль по-прежнему находится во дворе? — спросил Харпер.

— Ну естественно. Я же оставил его там, так ведь?

— А вы заметили бы, если б его не оказалось на месте?

Мистер Бартлетт покачал головой:

— Едва ли, знаете ли. Там автомобили все время ездят туда и сюда. Сплошные «минойцы».

Суперинтендант Харпер кивнул. Он только что мельком выглянул из окна. В данный момент

---

¹ Игра с мячом и ракеткой в закрытом помещении. Название игры связано с использованием в ней относительно мягкого полого мяча диаметром около 40 мм.

во дворе находилось никак не меньше восьми четырнадцатых «минойцев». Эта дешевая марка была популярна в нынешнем году.

— А вы не имеете привычку на ночь убирать машину в гараж? — спросил Мелчетт.

— Обыкновенно не утруждаю себя, — заявил мистер Бартлетт. — Погода отличная и тому подобное, сами знаете. А убирать машину в гараж — такая морока...

Посмотрев на полковника, суперинтендант проговорил:

— Буду ждать вас наверху, сэръ. Хочу найти сержанта Хиггинса, пусть запишет подробно показания мистера Бартлетта.

— Хорошо, Харпер.

Мистер Бартлетт полным тоски голосом пробормотал:

— Решил сообщить вам, знаете ли... А вдруг окажется важным, так?

III

Мистер Престкотт предоставил своей дополнительной танцовщице стол и кров. Каким бы ни был стол, кров, то есть помещение, оказался самым бедным из всех, которыми располагал отель. Джозефина Тернер и Руби Кин занимали комнаты в дальнем конце убогого и неопрятного коридор-

чика. Небольшие комнатухи выходили окнами на север — на часть скалы, располагавшейся позади отеля, — и были обставлены остатками былой роскоши лучших номеров. После недавней модернизации, когда спальни в отеле были снабжены встроенными шкафами, стоявшие там просторные дубовые и красного дерева викторианские гардеробы были отправлены в комнаты, занятые постоянным персоналом отеля или предоставлявшиеся постояльцам в разгар сезона, когда весь отель был забит до отказа.

Как сразу же заметили Мелчетт и Харпер, расположение комнаты Руби Кин идеальным образом позволяло ей оставить отель незамеченной и потому оказалось чрезвычайно неудачным для того, чтобы попытаться пролить свет на обстоятельства ее ухода. В конце коридора находилась небольшая лесенка, спускавшаяся в столь же неприглядный коридор на первом этаже. Замыкался он стеклянной дверью, выходившей на боковую террасу отеля, посещавшуюся нечасто по причине отсутствия красивого вида. С нее можно было перейти на расположенную перед фасадом основную террасу или же спуститься по извилистой тропе, переходящей в каменистую дорогу. Покрытие ее было неважным, ею редко пользовались.

Инспектор Слэк тем временем, активно надоедая служанкам, искал ключи к решению всей за-

гадки в комнате Руби. Им повезло в том, что комнату они застали точно в том состоянии, в каком хозяйка оставила ее вчерашним вечером. Руби Кин не имела привычки рано вставать. Следуя своей, обнаруженной Слэком привычке, она спала примерно до десяти или половины одиннадцатого, а затем звонила, чтобы принесли завтрак. Следовательно, поскольку Конвей Джефферсон приступил с расспросами к управляющему очень рано, полиция взяла помещение под контроль раньше, чем в него успели прийти горничные. На деле они практически не заходили в этот коридор и в конце сезона отпирали остальные комнаты и убирали в них всего раз в неделю.

— Пока все к лучшему, — пояснил Слэк. — Стало быть, если здесь есть что искать, мы это отыщем; однако, похоже, искать здесь нечего.

Гленширская полиция уже обшарила всю комнату в поисках отпечатков пальцев, однако никаких неожиданностей не обнаружила. Если не считать таковыми собственные отпечатки Руби, Джози и двух горничных из утренней и вечерней смены. Нашлась и пара отпечатков, оставленных Раймондом Старром, однако они легко объяснялись тем, что он поднимался в эту комнату с Джози, когда оказалось, что Руби не явилась к вечернему показательному танцу.

Груда писем и всякой ерунды обнаружилась в ящиках стоявшего в углу массивного стола красного дерева. Слэк только что закончил их изучение, однако не обнаружил ничего подозрительного. Счета, квитанции, театральные программы, корешки билетов в кино, вырезки из газет, советы по уходу за собой, вырванные из журналов... Среди писем были присланные некоей Лил, очевидно, приятельницей из «Пале-де-Данс», пересказывающие различные интрижки и сплетни... им так не хватает Руби, мистер Финдейсон все время о ней спрашивает... Он так расстроен, вот что! Молодой Редж после ее отъезда увлекся Мэй... Барни все время спрашивает о Руби... А так все идет как обычно... Старый Ворчун, как всегда, строг с девушками... дал нагоняй Аде за прогулки с парнем...

Слэк старательно отмечал все упомянутые имена. Необходимо дать соответствующие запросы, и вполне возможно, что на свет выйдет некая полезная информация. Во всем прочем изучение комнаты почти ничего не дало.

На стоявшее посреди комнаты кресло было брошено воздушное розовое танцевальное платье, которое Руби носила в начале вечера, на полу лежала пара беспечно сброшенных с ног атласных туфелек. Пара настоящих шелковых чулок была свернута в комок и брошена на пол; на одном по-

ехала нитка. Мелчетт вспомнил, что мертвая девушка была боса. Такова, как выяснил Слэк, была ее привычка. Она наносила на ноги вместо чулок макияж и только иногда надевала их к танцам — экономя таким образом. Дверь гардероба оставалась открытой; внутри виднелся пестрый рядок платьев, а под ним несколько пар туфель. В корзинке для белья лежало грязное белье; в корзинке для бумаг обнаружили обрезки ногтей, грязная салфетка для лица и кусочки ваты, испачканной румянами и лаком для ногтей, — словом, ничего необычного. Факты были вполне очевидны: Руби второпях взлетела наверх, поспешно переделалась и вылетела из комнаты... но куда?

Джозефина Тернер, которой положено было бы знать самые важные факты относительно жизни Руби и ее приятелей, не смогла предоставить необходимой помощи. Что, как указал инспектор Слэк, было вполне естественно.

— Если верно то, что вы рассказываете мне, сэр, — не хочу сказать ничего плохого, — Джози будет за то, чтобы Руби порвала со всеми своими прошлыми знакомыми, которые могли бы, так сказать, сорвать сделку. Насколько я понимаю, этот безногий джентльмен вбил себе в голову то, что Руби Кин — милое, невинное дитя. А теперь представим себе, что у Руби есть такой крепкий

ухажер, который абсолютно не отвечает представлениям старикана. Поэтому Руби выгодно не выставлять его напоказ. Джози не слишком много знает о девушке, о ее друзьях-приятелях, например. Однако она никак не позволит Руби испортить ситуацию связью с нежелательным для дела типом. Поэтому по соображению выходит, что Руби — на мой взгляд, лукавая девица — будет глухо помалкивать о любых встречах со старыми друзьями. И не станет ничего говорить Джози, чтобы та не сказала ей: «Нет, нельзя, милочка». Но вам-то известно, что девицы, особенно молодые, всегда готовы свалить дурака ради какого ни на есть крепкого парня. Руби хочет видеть его. Он приезжает сюда, все это дело ему не нравится, и он сворачивает ей шею.

— Надеюсь, вы правы, Слэк, — проговорил полковник, старательно скрывая привычное отвращение к той грубой манере, в которой инспектор излагал свои мысли. — Но если так, мы можем достаточно просто установить личность этого крепкого парня.

— Предоставьте это дело мне, сэр, — с обычной уверенностью проговорил Слэк. — Я найду эту самую Лил в «Пале-де-Данс» и выверну ее наизнанку. И правда от нас никуда не денется.

Мелчетт с ходу усомнился: энергия и активность Слэка всегда утомляли его.

— Кое-какой намек нам может дать еще один человек, сэр, — продолжил инспектор. — То есть тренер по теннису и танцам. Ему приводилось часто встречаться с Руби, и он может знать нечто такое, что осталось неизвестным Джози. Вполне возможно, что в его обществе она чуть распускала язычок.

— Я уже обсуждал эту идею с суперинтендантом Харпером.

— Хорошо, сэр. Я уже выпотрошил служанок. Они ничего не знают. Насколько я понял, они свысока поглядывали на эту парочку. При всякой возможности старались увильнуть от дела. Вчера вечером последняя горничная побывала здесь в семь часов, разобрала постель, задвинула шторы и несколько прибралась. Если хотите заглянуть, ванная комната рядом.

Ванная была расположена между комнатой Руби и чуть большим помещением, которое занимала Джози. Ничего относящегося к делу в ней не обнаружилось. Полковник Мелчетт безмолвно дивился количеству средств, которыми могут воспользоваться женщины для укрепления собственной красоты. Ряды баночек с кремом для лица, очищающим кремом, кремом под пудру, питательным кремом. Коробочки с пудрой разного цвета. Неопрятная грудка палочек губной помады

разных цветов. Лосьоны и осветлители для волос. Тушь для ресниц и бровей, голубые тени для глаз, по меньшей мере двенадцать различных оттенков лака для ногтей, салфеточки для лица, комочки ваты, испачканные пудрой тампоны. Бутылочки с лосьонами — вяжущими, тонизирующими, смягчающими.

— Неужели женщины пользуются всеми этими средствами? — негромко пробормотал полковник.

Всезнающий инспектор Слэк любезно просветил своего начальника:

— Так сказать, в личной жизни, сэр, леди придерживается двух различных оттенков — вечернего и дневного. Они знают, что им идет, и следуют привычке. Однако этим актрисам всегда нужна, так сказать, перемена. Они исполняют показательные танцы; сегодня это может быть танго, а завтра танец в стиле кринолинов королевы Виктории, а потом танец в стиле апаш¹, а еще потом обыкновенный бальный танец — и, конечно же, макияж при этом существенно изменяется.

— Великий боже, — ответствовал полковник. — Неудивительно, что люди, выпускаю-

---

¹ А п а ш — французский эстрадный танец в ритме вальса; имитируются сюжеты из жизни обитателей улиц.

щие эти кремы и мази, делают на них состояния.

— Легкие деньги, что и говорить, — заметил Слэк. — Правда, приходится тратиться на рекламу.

Мелчетт не без труда оторвался мыслью от тех занимательных и старых как мир ухищрений, на которые идут женщины ради собственной красоты.

— А теперь займемся танцором. Ваш клиент, суперинтендант.

— Не возражаю, сэр.

Пока они спускались вниз, Харпер спросил:

— А как вам понравился рассказ мистера Бартлетта, сэр?

— О его машине? По-моему, Харпер, к этому молодому человеку надо приглядеться. Темная история, однако. А вдруг окажется, что вчера вечером он возил на своей машине Руби Кин?

IV

Суперинтендант Харпер действовал в манере неторопливой, приятной и абсолютно неопределенной. Дела, требовавшие соединения усилий полиции двух графств, неизменно оказывались трудными. Он симпатизировал полковнику Мелчетту и считал его толковым главным констеблем — и тем не менее был рад представив-

шейся возможности самостоятельно провести опрос. Никогда не делать за один раз слишком много — таким было правило суперинтенданта Харпера. Для первого раза лучше ограничиться чисто рутинными расспросами. В таком случае допрашиваемый расслабляется и, если потребуется еще один допрос, держится более открыто.

Харпер уже знал, каков внешне Раймонд Старр. Отличный образчик мужского организма: высокий, стройный, симпатичный, сверкающий белыми зубами на густо загорелом, бронзовом лице... темноволос и изящен, приятен и дружелюбен в общении, весьма популярен в отеле.

— Боюсь, что особо ничем не смогу помочь вам, суперинтендант. Конечно, я знал Руби довольно хорошо. Она провела здесь больше месяца, мы отработывали вместе танцы и так далее. Однако на самом деле сказать что-либо о ней сложно. Просто приятная и не особо умная девушка.

— Нас особенно интересует, с кем она дружила. Ее взаимоотношения с мужчинами.

— Надо подумать... Однако ничего не могу сказать по этому поводу! Она слегка зацепила нескольких молодых людей из отеля, но ничего серьезного не было. Видите ли, она почти всегда находилась в монопольном владении семейства Джефферсон.

— Да, семейство Джефферсон, — задумчиво протянул Харпер, бросая острый взгляд на молодого человека. — А что вы думаете об этом деле, мистер Старр?

— Каком еще деле? — с прохладцей спросил Раймонд.

— Вы знали о том, что мистер Джефферсон собирался официально удочерить Руби Кин?

Известие оказалось полностью неожиданным для Старра. Он поморщился и присвистнул:

— Тю, умна чертовка! Впрочем, дурака глупее старого дурака не найти.

— То есть вас это удивляет, не так ли?

— Ну а что еще тут можно сказать? Если старику так уж приспичило кого-то удочерить, почему ему было не выбрать девицу из собственного общественного класса?

— Руби ни разу не говорила вам об этом?

— Нет, не говорила. Я знал, что перед нею открылись какие-то радостные перспективы, однако какие именно, не знал.

— А как насчет Джози?

— Ну, думаю, что Джози должна была знать, откуда дует ветер. Возможно, она сама и спланировала всю операцию. Джози — не дура. У этой девицы есть голова на плечах.

Харпер кивнул. Действительно, Джози вызвала сюда Руби Кин. Джози, вне сомнения,

поощряла ее откровенничанья с Конвеем. Неудивительно, что она так расстроилась, когда Руби в ту ночь не вышла к своему танцу и Конвей Джефферсон запаниковал. Ей уже представлялось крушение ее планов.

— А Руби умела хранить секреты, как вы считаете? — спросил суперинтендант.

— Как и любой из нас. Она редко разговаривала о своих делах.

— А ей не случалось упоминать какого-нибудь своего друга, человека из ее прошлой жизни, приезжающего, чтобы повидать ее, или имеющего к ней какие-то претензии? Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду.

— Мне это вполне понятно. Но, насколько мне известно, о подобных знакомых речи не заходило. Во всяком случае, она о них не упоминала.

— Благодарю вас. А теперь не перескажете ли вы собственными словами события вчерашней ночи?

— Конечно. В десять тридцать мы с Руби исполнили свой показательный танец.

— А каких-либо признаков чего-нибудь необычного вы в ней не заметили?

Раймонд задумался.

— Едва ли. Я не обращал внимания на то, что случилось потом. Мне приходилось следить

за собственными партнершами. Помню только, что заметил, что ее нет в танцевальном зале. В полночь она не появилась. Я был крайне раздрадован и отправился к Джози выяснять причину. Она играла в бридж с Джефферсонами. Она не имела представления о том, где могла находиться Руби, и даже, по-моему, испытала некое потрясение. Я заметил ее короткий, полный тревоги взгляд, обращенный к мистеру Джефферсону. Распорядившись, чтобы оркестр сыграл еще один танец, я отправился в контору и попросил их позвонить в комнату Руби. Никто не ответил. Я вернулся к Джози. Она предположила, что Руби, должно быть, заснула в своей комнате. Идиотская мысль, но предназначалась она, конечно же, для Джефферсонов! Джози предложила мне вместе подняться наверх, и мы ушли.

— Так, мистер Старр. И что она сказала, когда оказалась с вами с глазу на глаз?

— Насколько я помню, она казалась очень сердитой и сказала: «Черт бы побрал эту маленькую дуру. Она не может позволить себе такую выходку. Это погубит все ее шансы. С кем она может быть? Ты что-нибудь знаешь?» Я ответил, что не имею ни малейшего представления и в последний раз видел ее танцующей с молодым Бартлеттом. Тогда Джози проговорила: «Она

не может быть с ним. Зачем это ей? Надеюсь только на то, что она не с этим киношником...»

— Киношником? — резким тоном спросил Харпер. — А это кто такой?

— Я не знаю, как его зовут. Он никогда здесь не останавливался. Необычного такого вида человек, черноволосый... театральный. Имеет какое-то отношение к кинопромышленности, как мне кажется... во всяком случае, так он сказал Руби. Он раз или два обедал у нас, а потом танцевал с Руби, но не думаю, чтобы был знаком с ней. Вот почему я был удивлен, когда Джози упомянула его. Я ответил, что не видел его сегодня, и Джози тогда сказала: «Наверное, она уехала с кем-нибудь еще. И что, скажите на милость, я скажу теперь Джефферсонам?» Я спросил, какое дело до этого Джефферсонам. А Джози ответила, что есть дело. И еще сказала, что никогда не простит Руби за то, что та уехала и все испортила.

Тут мы как раз вошли в комнату Руби. Ее там, естественно, не было, однако было видно, что она забегала к себе, потому что бывшее на ней платье лежало брошенным на кресло. Джози заглянула в гардероб и сказала, что Руби, наверное, надела свое старое белое платье. Согласно вечерней программе, ей следовало одеться в серое бархатное платье для нашего испанского тан-

ца. К этому времени я был порядком разгневан тем, как Руби подвела меня. Джози изо всех сил постаралась успокоить меня и сказала, что сама протанцует со мной, так что старине Престкотту не за что будет предъявлять претензии ко всем нам. После этого она ушла, переделалась, и мы спустились вниз, где исполнили жестокое танго в этаким броском, преувеличенном стиле, однако щадящее ее лодыжку. Джози было больно, я это видел. Потом она попросила меня помочь ей успокоить Джефферсонов. Сказала, что это важно. Конечно, я сделал все от меня зависящее.

Суперинтендант Харпер кивнул:

— Спасибо, мистер Старр.

А про себя подумал: «Еще бы неважно. Пятьдесят тысяч фунтов...»

Он проводил взглядом удалявшегося элегантным шагом Раймонда Старра. Спустившись по ступеням террасы, тот подобрал сетку с теннисными мячами и ракетку. К нему присоединилась миссис Джефферсон с ракеткой в руках, и оба они направились к теннисным кортам.

— Простите меня, сэр... — Рядом с суперинтендантом Харпером возник запыхавшийся сержант Хиггинс. Суперинтендант, чье течение мыслей было внезапно прервано, невольно вздрогнул. — Вам сообщение из штаб-квартиры, сэр. Сегодня утром один рабочий увидел

отблеск пожара. Через полчаса они нашли возле каменоломни сгоревшую машину. Каменоломня Венна находится примерно в двух милях отсюда. Внутри обнаружены обгоревшие останки.

Тяжелое лицо Харпера побагровело.

— И что это за напасть обрушилась на Гленшир? Эпидемия насилия? — спросил он. — Они определили номер машины?

— Нет, сэр. Но мы можем сделать это по номеру двигателя. Говорят, что это была «Миноан-четырнадцать».

Глава 8

I

Проходя через холл «Маджестика», сэр Генри Клитеринг не обратил внимания на занимавших ее людей. Ум его был погружен в раздумья. Тем не менее, как часто бывает в жизни, кое-что отложилось в его подсознании и осталось там терпеливо дожидаться своего часа.

Поднимаясь по лестнице, сэр Генри гадал, что стало причиной срочного вызова, полученного от его друга. Конвей Джефферсон не принадлежал к тем людям, которые вдруг, ни с того ни с сего, рассылают срочные приглашения. Должно быть, произошло нечто чрезвычайное, рассудил сэр Генри.

Джефферсон не стал тратить время на личности.

— Рад, что ты приехал. Эдвардс, принесите бокал сэру Генри. Садись, дорогой. Должно быть, ты еще ничего не слышал? В газетах ничего не появлялось?

Сэр Генри покачал головой, ощущая, как просыпается его любопытство.

— А в чем дело?

— Произошло убийство. В дело впутан я сам и твои друзья Бантри.

— Артур и Долли Бантри? — Клитеринг не поверил своим ушам.

— Да. Видишь ли, в их доме обнаружили труп.

Конвей Джефферсон четко и лаконично изложил факты. Сэр Генри слушал его, не перебивая: оба они привыкли сразу ухватывать суть дела. Сэр Генри, отслуживший свой срок комиссаром в столичной полиции, был известен умением выделять основные факты.

— Необычное дело, — прокомментировал он, после того как Джефферсон договорил. — Но каким образом в него оказались замешанными Бантри... как ты считаешь?

— Как раз это меня и беспокоит. Понимаешь ли, Генри, мне кажется, что на всю ситуацию мог подействовать тот факт, что они являются моими знакомыми. Другой связи я просто не могу

представить. Насколько я понимаю, оба они не могли видеть девушку прежде. Так говорят они сами, и не доверять им нет причин. То, что они были знакомы с нею, чрезвычайно маловероятно. Вполне возможно, что девушку выманили из дома, а тело подбросили в дом моих друзей...

— Слишком уж неестественно, — прокомментировал Клитеринг.

— Но тем не менее возможно, — настаивал на своем Конвей.

— Возможно, но маловероятно. И что ты хочешь, чтобы я сделал?

Конвей Джефферсон с горечью ответил:

— Я — инвалид. Я старательно прячу от себя этот факт, отказываюсь признавать его, но теперь его уже не скроешь. Я не могу выйти из этого дома — задавать вопросы, изучать события. Я вынужден оставаться в этой комнате и благодарить полицию за те крохи информации, которыми они соблаговолит поделиться со мной. Кстати, ты незнаком с Мелчеттом, главным констеблем Редфордшира?

— Да, я встречал его. — Что-то шевельнулось в памяти сэра Генри, выявляя лицо и фигуру, замеченную им в холле. Прямая как палка старая леди, лицо которой было ему знакомо. Оно соединялось в его памяти с его последней встречей с Мелчеттом.

— Ты хочешь, чтобы я сделался сыщиком-любителем? — спросил он. — Не мой стиль.

— Но ты ведь далеко не любитель...

— Но теперь уже и не профессионал. Теперь я в отставке.

— Это только упрощает дело.

— Ты хочешь сказать, что если б я по-прежнему числился в Скотленд-Ярде, то не имел бы права вмешиваться? Ты совершенно прав.

— Однако твой опыт, — проговорил Джефферсон, — позволяет тебе проявить интерес к делу... местные специалисты примут любое предложение сотрудничества с твоей стороны.

— Согласен, этикет позволяет, — неторопливо ответил Клитеринг. — Но чего ты от меня на самом деле хочешь, Конвей? Найти того, кто убил девушку?

— Именно.

— А у тебя нет никаких предположений?

— Никаких.

— Возможно, ты не поверишь, однако лучший, чем я, специалист по разрешению криминалогических тайн сейчас находится в холле отеля. Особа, обладающая большими способностями в этой области и, по всей вероятности осведомленная во многих местных нюансах.

— О ком ты говоришь?

— Внизу, в холле, у третьего столба слева, сидит пожилая леди с милым, спокойным и подобающим старой деве лицом, однако измерившая разумом глубины человеческого падения... Ее фамилия Марпл. Она живет в деревне Сент-Мэри-Мид, расположенной в полутора милях от Госсингтона, и дружит с Бантри; а в том, что касается преступлений, она подлинный знаток, Конвей.

Джефферсон смотрел на него, подняв густые кустистые брови. Наконец он произнес:

— Ты, верно, шутишь.

— Нет, не шучу. Ты только что вспоминал Мелчетта. Последний раз я видел полковника во время деревенской трагедии. Погибла девушка; считали, что она утопилась. Полиция вполне справедливо подозревала не самоубийство, а убийство. Они считали, что знают преступника. Тут ко мне с дрожью и трепетом является старая мисс Марпл и говорит, что, по ее мнению, повесить могут не того, кого надо. Доказательств у нее нет, однако она знает, кто это сделал. И вручает мне бумажонку с написанным на ней именем. И вот что, Джефферсон: она оказалась права!

Брови Конвея опустились ниже, чем это вообще возможно. Он недоверчиво хмыкнул.

— Женская интуиция, полагаю, — скептически заметил он.

— Нет, мисс Марпл специализируется не на интуиции, а на особом роде знания.

— Каком же?

— Ну, знаешь ли, Джефферсон, мы пользуемся схожей методикой в работе полиции. Возьмем кражу со взломом... мы обыкновенно заранее знаем, кто из общей массы совершил ее. Мы знаем разновидности взломщиков, знаем, кто в какой манере действует. Мисс Марпл же пользуется любопытной, хотя иногда и тривиальной серией параллелей из деревенской жизни.

Джефферсон скептическим тоном проговорил:

— Но что она может знать о девушке, выросшей в театральной среде и, возможно, ни разу в жизни не видавшей деревни?

— Думаю, — уверенным тоном проговорил сэр Генри, — что у нее могут быть свои идеи.

II

Увидев спускающегося к ней Клитеринга, мисс Марпл просияла от радости.

— О, сэр Генри, какая невероятная удача встретить вас здесь!

— Для меня это огромное удовольствие, — галантно ответил тот.

Мисс Марпл, краснея, пробормотала:

— Очень любезно с вашей стороны.

— Вы гостите здесь?

— Ну, по сути дела, да, мы остановились в этом отеле.

— Мы?

— Миссис Бантри тоже здесь. — Она внимательно посмотрела на него. — Вы уже слышали?.. Да, вижу, слышали. Ужасно, не правда ли?

— А что делает здесь Долли Бантри? Муж ее тоже тут?

— Нет. Естественно, они отреагировали на ситуацию противоположным образом. Бедный полковник Бантри в подобных случаях запирается у себя в кабинете или отправляется на одну из своих ферм. Он прямо как черепаха... втянет свою голову под панцирь и считает, что его никто не увидит. Долли, конечно, ведет себя по-другому.

— А Долли... — проговорил сэръ Генри, превосходно знавший свою приятельницу, — Долли едва ли не наслаждается ситуацией, так?

— Ну... э... да. Бедняжка.

— И она пригласила вас сюда для того, чтобы вы, как фокусник, таскали для нее кроликов из шляпы?

— Долли решила, что ей нужна перемена мест, но не захотела ехать одна, — сдержанно от-

ветила мисс Марпл и, глянув ему в глаза, слегка подмигнула. — Однако в принципе верна и ваша формулировка, что меня удручает, поскольку, конечно, помощи от меня никакой.

— И никаких идей? Никаких деревенских параллелей?

— Пока я еще ничего не знаю о происшествии.

— Кажется, я способен исправить это положение. Я намереваюсь попросить у вас консультацию, мисс Марпл.

Сэр Генри кратко изложил известные факты; пожилая дама внимала ему с неподдельным интересом.

— Бедный мистер Джефферсон, — наконец проговорила она. — Какая печальная повесть. Ох уж эти катастрофы... оставить такого человека живым, но увечным, по-моему, более жестоко, чем убить его.

— Да, вы правы. Вот поэтому все его близкие так восхищаются той твердостью, с которой он живет, побеждая боль, горе и физическое увечье.

— Действительно, держится он великолепно.

— Единственное, чего я не понимаю, так это его неожиданной вспышки симпатии к этой девушке. Хотя, конечно, она могла обладать какими-то замечательными качествами.

— Необязательно, — кротким тоном проговорила мисс Марпл.

— Вы так считаете?

— Я считаю, что ее личные качества здесь ни при чем.

— Но нашего друга нельзя назвать приставучим старикашкой, — заметил сэр Генри.

— О нет-нет! — Мисс Марпл несколько порозовела. — Я ни в коем случае не имела это в виду. Я пыталась сказать — как-то не слишком умело, — что он всего лишь искал милую и смышленную девочку, способную заменить ему погибшую дочь, и, заметив такую возможность, девица поняла свою роль и принялась играть ее! Знаю, что так говорить жестоко, однако мне приводилось наблюдать много подобных случаев. Взять ту же молодую служанку у мистера Харботтла. Обыкновенная такая девочка, тихая, с хорошими манерами. Его сестру вызвали ухаживать за умирающей родственницей, а вернувшись, она обнаружила, что девица смотрит на нее свысока, сидит в гостиной, смеется и разговаривает и не думает следить за домом. Мисс Харботтл резко поговорила с ней, девчонка ответила наглостью, а под конец старый мистер Харботтл совсем уж оглушил ее, сказав, что она-де, мол, достаточно долго обслуживала его лавку и что теперь он изменил свои намерения. — Все это произошло в деревне большой скандал, и бедной мисс

Харботтл пришлось съехать в неудобные комнаты в Истборне. Люди, конечно, говорили разное, но я уверена в том, что никакой близости между ними не было. Просто старик обнаружил, что куда более приятно выслушивать комплименты из уст приветливой молодой девицы, чем постоянные замечания от сестры, даже если она отлично и экономно вела дела.

После недолгой паузы мисс Марпл продолжила:

— А еще был у нас такой мистер Бэджер, содержавший аптеку. Ему тоже понравилась юная леди, которая работала у него в отделе косметики. Он заявил своей жене, что они должны видеть в ней свою дочь и поселить у себя в доме. Миссис Бэджер воспринимала положение дел совершенно иначе.

— Если она была из одного с ним общественного слоя или дочь друга... — произнес сэр Генри.

— О, — перебила его мисс Марпл, — с его тогдашней точки зрения, это не было бы настолько приятно. Это как в истории про короля Кофетуа и нищенку. Если ты действительно одинокий и усталый старик и если, быть может, твоя собственная родня не обращает на тебя внимания, — она помедлила, — тогда куда более интересно подружиться с тем, кто проникнется почтени-

ем к твоему великолепию... конечно, я несколько преувеличиваю, однако, надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. Это позволяет чувствовать себя великим человеком... благодетелем и монархом! Объект благодеяний пребывает в сладостном ослеплении, и это, конечно, приятно.

Сделав еще одну паузу, она продолжила:

— Мистер Бэджер, знаете ли, купил своей девице из магазина фантастические подарки: бриллиантовый браслет и самую дорогую радиолу, на что ушла изрядная доля его сбережений. Однако миссис Бэджер, женщина более мудрая, чем бедная мисс Харботтл — брак, безусловно, помогает в подобных случаях, — озабочилась тем, чтобы кое-что выяснить. И когда мистер Бэджер обнаружил, что девушка встречается с весьма нежелательным молодым человеком, любителем скачек, на самом деле практически присвоившим браслет, чтобы получить деньги, он полностью разочаровался в ней, и вся история закончилась самым благополучным образом. На следующее Рождество он подарил миссис Бэджер кольцо с бриллиантом.

Взгляд ее пронизательных и милых глаз обратился к сэру Генри, который подумал, не следует ли видеть намек в ее рассказе.

— Вы хотите сказать, что, если б в жизни Руби Кин обнаружился молодой человек, от-

ношение к ней моего друга могло бы измениться?

— Знаете ли, это достаточно вероятно. Смеею сказать, что через год-другой он захотел бы устроить ее свадьбу, хотя, скорее всего, не стал бы этого делать. Джентльмены обыкновенно достаточно эгоистичны. Но я определенно уверена в том, что если у Руби Кин был молодой человек, то она из всех сил старалась бы помалкивать об этом.

— А молодой человек мог быть весьма недоволен этим фактом?

— На мой взгляд, это самое вероятное решение. Знаете ли, на меня произвело впечатление то, что ее кузина, молодая женщина, побывавшая в Госсингтоне сегодня утром, определенно была сердита на убитую. Ваш рассказ вполне объясняет причины этого. Вне всякого сомнения, она рассчитывала на положительный для себя исход дела.

— Хладнокровная особа, так?

— Пожалуй, говорить так слишком несправедливо по отношению к ней. Бедняжке приходится зарабатывать себе на жизнь, и не стоит ожидать, что она будет испытывать какие-то sentimentальные чувства по поводу того, что вполне обеспеченные мужчина и женщина, какими вы описали мистера Гаскелла и миссис Джефферсон, лишатся еще одной крупной суммы, на кото-

рую, собственно говоря, не имеют особых моральных прав. Я бы сказала, что мисс Тернер — упрямая и честолюбивая молодая женщина, наделенная добрым нравом и значительной долей *joie de vivre*¹. Чутьочку похожая, — тут же добавила мисс Марпл, — на Джесси Голден, дочь пекаря.

— А что с нею произошло? — поинтересовался сэр Генри.

— Она поступила няней в один дом и вышла за старшего сына, приехавшего домой в отпуск из Индии. Думаю, что она стала ему хорошей женой.

Сэр Генри постарался освободить свой ум от столь увлекательных побочных тем и спросил:

— Как по-вашему, может ли найтись причина, под воздействием которой мой друг Конвей Джефферсон вдруг поддался этому... комплексу Кофетуа, если позволительно назвать его намерение подобными словами?

— Вполне возможно.

— И какая же?

Немного помедлив, мисс Марпл произнесла:

— Конечно, это всего только предположение, однако его зять и невестка могли изъявить желание вступить в новый брак.

---

¹ Радость жизни (*фр.*).

— Однако он, конечно, не стал бы возражать против такого намерения?

— О нет, конечно, не стал бы. Однако, видите ли, следует посмотреть на подобную перспективу с его точки зрения. Он пережил ужасную утрату; они тоже. Трое осиротевших людей живут вместе, и связывает их перенесенная всеми общая утрата. Однако время, как говаривала моя дорогая матушка, — великий целитель. Мистер Гаскелл и миссис Джефферсон еще молоды. Сами не зная того, они начинают ощущать беспокойство, отрицать связи, налагаемые на них былыми скорбями. Таким образом, может получиться, что старый мистер ощутит внезапный недостаток сочувствия, даже не понимая его причины. Так случается совсем нередко. Джентльмены очень легко начинают ощущать себя заброшенными. В случае мистера Харботтла причиной стал отъезд мисс Харботтл. А в случае Бэджера причиной стало увлечение миссис Бэджер спиритизмом и частое посещение ею сеансов.

— Вынужден признаться, — с сожалением сказал Клитеринг, — что мне не нравится этот способ, которым вы приводите нас всех к общему знаменателю.

Мисс Марпл печально качнула головой:

— Человеческая природа неизменна повсюду, сэр Генри.

Тот с долей скептитизма произнес:

— Мистер Харботтл! Мистер Бэджер! И бедный Конвей! Не хочется вносить личную нотку, однако у вас, несомненно, найдется в вашей деревне параллель и моей скромной личности?

— Да-да, конечно, у нас есть Бриггс.

— Кто это такой?

— Он служил старшим садовником в Олдхолле. Лучшего садовника у них не было никогда. Всегда в точности знал, когда его подчиненные отлынивали от работы, как бы те ни хитрили! Он справлялся со всеми делами с тремя взрослыми работниками и мальчишкой, а работали они у него лучше, чем шестеро человек. Кроме того, взял несколько первых мест за свой душистый горошек. Теперь он отошел от дел.

— Как и я, — заметил сэр Генри.

— Однако до сих пор прирабатывает — делает кое-что для симпатичных ему людей.

— Ага, — согласился Клитеринг. — Опять-таки, как и я. Именно этим я сейчас и занимаюсь. Прирабатываю то есть. Помогаю старому другу.

— Двум старым друзьям.

— Двум? — Сэр Генри был несколько озадачен.

— Полагаю, вы имели в виду мистера Джефферсона, — сказала мисс Марпл. — Но я думала не о нем, а о полковнике и миссис Бантри.

— Да-да, понимаю. И именно поэтому в начале нашего разговора вы назвали Долли Бантри «бедняжкой»? — откровенно спросил Клитеринг.

— Да. Она еще не поняла этого. Но я-то знаю, потому что у меня больше опыта. Понимаете, сэр Генри, мне кажется, что существует большая вероятность того, что преступление это навсегда останется неразгаданным, как и Брайтонские чемоданные убийства¹. Но если такое произойдет, возникнут катастрофические для Бантри последствия. Полковник, как и почти все отставные военные, чрезвычайно чувствителен. Он мгновенно реагирует на общественное мнение. Какое-то время он попросту не будет замечать изменений, однако постепенно до него дойдет. Обида здесь, пренебрежение там, отказ на приглашение в гости вместе с извинениями на сей счет... он все понемногу поймет, после чего замкнется в своей скорлупе, жалкий и ужасно обиженный в лучших чувствах.

— Позвольте убедиться в том, что я понимаю вас правильно, мисс Марпл. Вы хотите ска-

---

¹ Брайтонские чемоданные убийства — два не связанных между собой убийства, происшедшие в английском Брайтоне в 1934 г. В обоих случаях части расчлененных тел убитых женщин были обнаружены в чемоданах.

зять, что люди решат, будто он имеет отношение к убийству, раз труп был обнаружен в его доме?

— Конечно же, подумают! Не сомневаюсь в том, что об этом уже поговаривают. И будут говорить все громче и громче. Люди станут холодно смотреть на чету Бантри и избегать их. Вот почему необходимо открыть истину, и поэтому-то я решила сопровождать сюда миссис Бантри. Одно дело — открытое обвинение... солдату легко опровергнуть его. Он негодует, и он имеет шанс выступить в открытой борьбе. Однако шепот за спиной погубит его, погубит их обоих. Поэтому, как вы понимаете, сэр Генри, нам придется отыскать истину.

— А есть ли у вас какие-нибудь идеи относительно того, почему тело было обнаружено в его доме? Этот факт нуждается в объяснении. Должна существовать какая-то связь.

— Ну да, конечно.

— В последний раз девушку видели здесь примерно без двадцати одиннадцать. К полуночи, согласно заключению медиков, она уже была мертва. Госсингтон находится примерно в двадцати милях отсюда. Шестнадцать миль хорошей дороги до съезда с шоссе. На хорошей машине можно доехать менее чем за полчаса, и на любой машине — в среднем минут за тридцать пять. Но зачем убивать ее здесь и везти тело в Госсингтон или везти ее в Госсингтон и душить там, я не понимаю.

— Конечно, потому, что все было не так.

— Вы хотите сказать, что девушку удушил тот тип, который пригласил ее в машину, а потом решил избавиться от трупа, затолкав его в ближайший оказавшийся рядом дом?

— Едва ли так было... на мой взгляд, здесь был использован очень продуманный план. Случайно лишь то, что план этот не сработал.

Сэр Генри удивленно посмотрел на пожилую даму:

— Так почему же он не сработал?

Мисс Марпл проговорила несколько извиняющимся тоном:

— Подобные любопытные вещи случаются иногда, не правда ли? А если я скажу, что этот конкретный план не сработал, потому что люди более ранимые и чувствительные существа, чем можно подумать? Но именно так я считаю, и... — Она запнулась. — А вот и миссис Бантри.

Глава 9

Рядом с миссис Бантри шла Аделаида Джефферсон. Долли подошла к сэру Генри и воскликнула:

— Нежели это вы?

— Я, собственной персоной. — Взяв ее руки в свои, Клитеринг тепло пожал их. — Не могу

сказать вам, насколько я расстроен случившимся, миссис Би.

— Не надо звать меня миссис Би! — механически ответила миссис Бантри и продолжила: — Артура здесь нет. Он воспринимает ситуацию весьма серьезно. Мисс Марпл и я явились, чтобы провести собственное расследование. Вы знакомы с миссис Джефферсон?

— Да, конечно.

Они обменялись рукопожатием.

— Вы уже видели моего свекра? — спросила Аделаида.

— Да, видел.

— Я рада. Мы так волновались за него... Он испытал жуткое потрясение.

— Давайте выйдем на террасу, выпьем и поговорим о случившемся, — проговорила миссис Бантри.

Вчетвером они вышли наружу и присоединились к Марку Гаскеллу, в одиночестве сидевшему в дальнем конце террасы. После нескольких отрывочных реплик и подачи напитков миссис Бантри приступила к обсуждению темы с обычной привычкой к решительным действиям.

— Мы можем обсудить эту тему, не правда ли? Я имею в виду, что все мы являемся старыми друзьями, за исключением мисс Марпл, —

а ей известны подробности преступления и она хочет помочь нам.

Марк Гаскелл посмотрел на пожилую даму несколько недоуменным взглядом и произнес с некоторым сомнением:

— Э... неужели вы пишете детективные романы?

Он полагал, что детективы пишут самые не подходящие для этого дела люди. И мисс Марпл, старомодно одетая старая дева, показалась ему совершенно неподходящей персоной.

— Ну что вы, у меня для этого не хватает ума.

— Она удивительный человек, — нетерпеливым тоном сказала миссис Бантри. — Не могу объяснить, как и почему, но тем не менее это так. А теперь, Адди, я хочу узнать все подробности этого дела. Какова она была собой, эта девушка?

— Ну... — Аделаида сделала паузу, посмотрела на Марка и чуть усмехнулась. — Вы настолько прямолинейны...

— Вам она нравилась?

— Конечно же, нет.

— Так какова же она была собой? — Миссис Бантри перенаправила свой вопрос Марку Гаскеллу.

— Обыкновенная аферистка, — неспешно проговорил тот. — И хорошо знала свое дело. Она глубоко запустила в Джеффа свои коготки.

Оба они называли своего родственника Джефф.

Неодобрительно посмотрев на Марка, сэра Генри подумал: «Какой невыдержанный человек. Нельзя быть таким откровенным». Он всегда ощущал некоторую неприязнь к Марку Гаскеллу. С его точки зрения, тот обладал несомненным обаянием, но был ненадежен, говорил слишком много, иногда откровенно и вздорно хвастал. Сэр Генри даже подозревал, что Конвей Джефферсон разделяет его мнение.

— Но разве вы не могли что-нибудь сделать? — потребовала ответа миссис Бантри.

— Могли бы — если б вовремя сообразили, — сухо ответил Марк и бросил на Аделаиду взгляд, в котором читался укор.

Чуть заметно покраснев, та проговорила:

— Марк полагает, что я должна была заметить, что происходит.

— Ты слишком часто оставляла старика в одиночестве, Адди. Уроки тенниса и так далее...

— Ну, должна же я как-то упражняться, — сказала она извиняющимся тоном. — Потом, я и представить себе не могла...

— Да, — согласился Марк, — никто из нас не мог себе представить такое. Джефф всегда был таким разумным и рассудительным стариканом...

Мисс Марпл решила внести свой собственный вклад в общий разговор.

— Джентльмены, — проговорила она в той милой манере присущей старым девам, которые видят в лицах противоположного пола подобие диких зверей, — нередко не настолько рассудительны, как может показаться со стороны.

— Охотно соглашусь с вами, — ответил Марк. — К несчастью, мисс Марпл, мы не поняли этого. Мы просто пытались понять, что наш старикан смог увидеть в этой скучной и вычурной фокуснице. А мы еще радовались тому, что это доставляет ему удовольствие и даже радость... Мы думали, что от этой девицы не будет беды. Не будет беды! Жаль, что я ей сам голову не свернул.

— Марк, — погрозила ему Адди, — будь осторожен со словами.

С обаятельной улыбкой тот ответил:

— Ты права. А то люди вот-вот подумают, что это именно я придушил ее. Ну, конечно, я же сейчас нахожусь под подозрением. Если кто и был заинтересован в смерти этой девицы, так это мы с Адди.

— Марк, — воскликнула миссис Джефферсон, то ли смеясь, то ли сердясь, — нельзя же так!

— Ну, хорошо, хорошо, — умиротворяющим тоном проговорил Гаскелл. — Но я люблю гово-

рить что думаю. Пятьдесят тысяч фунтов моего почтенного тестя должны были достаться этой глупой, пустой и лукавой девке...

— Марк, не надо! Она же мертва!

— Да, мертва, не повезло бедной. И потом, разве она не имела права воспользоваться оружием, которым наделила ее природа? Разве я судья ей? Сам в жизни успел натворить достаточно мерзких вещей... Нет, давай признаем, что Руби имела полное право на свои интриги, а мы оказались полными олухами.

— А что вы сказали Конвею, когда тот сообщил вам о своем намерении удочерить девушку? — спросил сэра Генри.

Марк махнул рукой.

— А что мы могли сказать? Адди, как и положено молодой леди, сохранила восхитительный самоконтроль. Отважно встретила «приятную» весть. Я постарался последовать ее примеру.

— Я бы закатила скандал! — проговорила миссис Бантри.

— Ну, откровенно говоря, на скандал у нас не было никакого права. Это деньги Джеффа. Мы — не его плоть и кровь. К тому же он всегда был чертовски добр с нами. Нам не оставалось ничего другого, кроме как проглотить пилюлю. — Задумавшись ненадолго, он добавил: — Но крошка Руби нам не понравилась.

В разговор вступила Аделаида Джефферсон:

— Если б только это была девчонка несколько другого рода... У Джеффа было двое крестников, как вам известно. Если б на месте этой девицы оказался один из них, это можно было бы понять. — И она с ноткой сожаления добавила: — Потом, Джефф всегда был так расположен к Питеру...

— Ну, конечно, — согласилась миссис Бантри. — Я всегда знала, что Питер — ваш сын от первого мужа, однако совсем забыла про это. Я всегда видела в нем внука мистера Джефферсона.

— Как и я сама, — проговорила Аделаида с такой интонацией, которая заставила мисс Марпл повернуться в кресле и посмотреть на нее.

— Во всем виновата Джози, — заметил Марк. — Это Джози выписала ее сюда.

— Ох, надеюсь, ты хотя бы не думаешь, что она сделала это нарочно? — возразила Аделаида. — Впрочем, ты всегда симпатизировал Джози...

— Да, она нравилась мне. С ней было весело.

— Она пригласила сюда эту девицу исключительно по стечению обстоятельств.

— У Джози есть голова на плечах, моя милая.

— Да, но она не могла предвидеть...

— Не могла, — согласился Марк. — Не стану спорить. Я не обвиняю ее в том, что она подстроила всю историю. Однако не сомневаюсь в том, что она поняла, куда ветер дует, задолго до того, как это заметили мы, и помалкивала себе.

Аделаида вздохнула.

— Едва ли мы вправе упрекнуть ее в этом.

— О, мы вообще не вправе кого-либо упрекать! — бросил Марк.

— Была ли Руби Кин очень хороша собой? — спросила миссис Бантри.

Марк удивленно посмотрел на нее.

— Я думал, вы видели...

— О да, я видела тело, — поспешно сказала миссис Бантри. — Но ее, как вам известно, задушили, и потому... — Она поежилась.

Подумав, Марк проговорил:

— Не думаю, чтобы в Руби было что-то особо привлекательное. Без макияжа в ней ничего хорошего не усматривалось. Узкое лисье личико, без заметного подбородка, полон рот зубов, неопикуемый нос...

— Не красавица, если верить вашим словам, — проговорила миссис Бантри.

— О нет, какая там красавица!.. Как я уже сказал, лишь косметика придавала ей достаточную миловидность. Как по-твоему, Адди?

— Да, с таким конфетным привкусом, нечто бело-розовое. У нее были красивые голубые глаза.

— Да, взгляд невинного младенца, а голубизну глазам придавали густо накрашенные ресницы. И волосы она красила, это верно. Однако, если хорошенько подумать, по цветовой гамме — искусственной, конечно — она во многом напоминала мою жену Розамунду. Смеею сказать, что именно это привлекло к ней взгляд старика. — Он вздохнул. — Да, скверное дело... Хуже всего то, что мы с Адди на самом деле не можем не радоваться ее смерти. — Движением руки он подавил протест, готовый сорваться с уст невестки. — Не надо, Адди. Я прекрасно знаю, что ты думаешь. И испытываю те же самые чувства. И не собираюсь ничего изображать! Но в то же самое время, понимаешь, жутко боюсь за Джеффа во всем этом деле. Он пережил тяжелейший удар. Я...

Он умолк и посмотрел на двери, ведущие из холла на террасу.

— Ну-ну... Смотрите-ка, кто там. Какая же ты беспринципная женщина, Адди.

Миссис Джефферсон оглянулась назад и с неразборчивым возгласом поднялась с места; на щеках ее появился легкий румянец. Торопливым шагом пройдя по холлу, она остановилась возле высокого, узколицего и загорев-

лого мужчины средних лет, неуверенно озиравшегося по сторонам.

— Разве это не Хьюго Маклин? — проговорила миссис Бантри.

— Он самый, — ответил Марк Гаскелл. — Хьюго Маклин, он же Уильям Доббин¹.

— Какой верный, правда? — пробормотала миссис Бантри.

— Как собака, — согласился Марк. — Адди нужно только свистнуть, и Хьюго трусит рысцей из того уголка земного шара, в который его занесло. С надеждой на то, что на сей раз она наконец выйдет за него замуж. И, смею сказать, дождется своего.

Мисс Марпл, улыбнувшись, посмотрела на парочку.

— Понятно. У них роман?

— Старого доброго образца, — заверил ее Марк. — И не первый год. Такова уж наша Адди. — Помедлив, он добавил: — Должно быть, она вызвала его сегодня утром по телефону. Она не говорила мне об этом.

Появившийся Эдвардс чинно прошествовал по террасе и остановился возле Марка.

---

¹ Уильям Доббин — персонаж романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия»; опекает Эмилию после гибели мужа, когда его родственники отказали ей в участии.

— Простите меня, сэра. Мистер Джефферсон просил вас подняться к нему наверх.

— Сию минуту. — Вскочив с места, Гаскелл кивнул остальным: — До скорой встречи.

После того как он вышел, сэра Генри подался к мисс Марпл и спросил:

— Итак, что вы думаете об этих двоих, извлекающих основную выгоду из преступления?

Глядя на Аделаиду Джефферсон, разговаривавшую со своим старым другом, пожилая дама задумчиво произнесла:

— Знаете, я бы сказала, что она очень преданная мать.

— О да, — согласилась миссис Бантри. — В Питере она души не чает.

— Она принадлежит к тому типу женщин, — продолжила мисс Марпл, — которые нравятся всем. Такая может выходить замуж снова и снова. Это не женщина одного мужчины: они совсем другие.

— Понимаю, что вы хотите сказать, — отозвался сэра Генри.

— Вы оба имеете в виду, что она умеет слушать, — проговорила миссис Бантри.

Клитеринг рассмеялся.

— А что вы скажете о Марке Гаскелле?

— Продувной тип, — отозвалась мисс Марпл.

— Деревенский аналог, будьте добры?

— Мистер Каргилл, наш строитель. Одурачил многих людей, навязав им такие переделки в домах, каких они делать не собирались. И какие деньги он с них содрал! Однако всегда мог досконально объяснить выставленный им счет. Прохвост, что там говорить. Женился на деньгах. Как и мистер Гаскелл, насколько я понимаю.

— Он не нравится вам.

— Да, как и большинству женщин. Но он не способен заинтересовать меня. Как человек, на мой взгляд, он весьма привлекателен. Но, быть может, не слишком благоразумен, раз позволяет себе говорить подобным образом.

— Неблагоразумен — как раз то самое слово, — сказал сэр Генри. — Марк попадет в беду, если не будет внимательно глядеть по сторонам.

Появившийся на террасе высокий и темноволосый молодой человек на минуту замер, глядя в сторону Аделаиды Джефферсон и Хьюго Маклина.

— А это, — любезным тоном проговорил сэр Генри, — мистер Икс, которого мы можем считать еще одной заинтересованной стороной. Тренер по теннису и танцам, Раймонд Старр, партнер Руби Кин.

Мисс Марпл посмотрела на вошедшего с интересом.

— Очень симпатичный молодой человек, не так ли?

— Могу предположить.

— Это нелепо, сэр Генри, — сказала миссис Бантри. — Здесь нечего предполагать. Он и вправду хорош.

— Миссис Джефферсон берет уроки тенниса, — пробормотала мисс Марпл, — кажется, она так сама говорила.

— Джейн, вы хотите этим что-то сказать или же нет?

Мисс Марпл не получила возможности ответить на этот прямой вопрос, ибо на террасе появился юный Питер Кармоди и присоединился к беседующим.

— Ага, вы тоже детектив? — обратился он к сэру Генри. — Я видел, как вы разговаривали с суперинтендантом, ведь этот толстый и есть суперинтендант, так?

— Именно, сынок.

— А мне говорили, что вы — жутко важный лондонский детектив. Глава Скотленд-Ярда или кто-то вроде того.

— В твоих книжках глава Скотленд-Ярда обыкновенно показывает себя полным дураком, так?

— О нет, теперь так не пишут. Осмеивать полицию больше немодно. А вы уже знаете, кто совершил убийство?

— Увы, пока еще нет.

— А тебе, я вижу, очень интересно, Питер? — спросила миссис Бантри.

— Ну да, очень. Такое развлечение, правда? Я тут повсюду искал разные улики, но мне не повезло. Впрочем, я раздобыл сувенир. Хотите посмотреть? А мама, представьте себе, хочет, чтобы я выбросил его. Насколько же трудно иногда бывает с родителями...

Он извлек из кармана небольшой спичечный коробок и, открыв, показал на его драгоценное содержимое.

— Видите, это обрезок ногтя. Ее ногтя. Я приклею на коробку ярлычок с надписью «Ноготь убитой женщины» и отвезу его в школу. Неплохой сувенир, вам не кажется?

— А где ты его взял? — спросила мисс Марпл.

— Ну, просто повезло. Потому что, конечно, я не знал, что ее убьют. Это было вчера вечером, перед ужином. Руби зацепилась ногтем за шаль Джози и сломала его. Мама отрезала ей этот ноготь и дала мне, чтобы я выбросил в мусорную корзинку, и я хотел это сделать, но вместо этого положил в карман и забыл... а сегодня утром вспомнил, и оказалось, что он никуда не делся; вот так и получилось, что у меня есть сувенир.

— Отвратительно, — промолвила миссис Бантри.

— О, вы действительно так считаете? — вежливо спросил Питер.

— А другие сувениры у тебя есть? — уточнил сэр Генри.

— Ну, не знаю... Но, может быть, кое-что найдется.

— Объясните свои слова, молодой человек.

Питер задумчиво посмотрел на него, а потом извлек из кармана конверт, внутри которого оказался кусок чего-то похожего на обрывок коричневой ленточки.

— Кусок шнурка от ботинок этого самого Джорджа Бартлетта, — объяснил он. — Сегодня утром я увидел его ботинки около двери и отхватил небольшой кусочек — на всякий случай.

— Какой такой случай?

— Конечно, на тот случай, если он и окажется убийцей. Он видел ее последним, а это, знаете ли, чрезвычайно подозрительно. А ужин уже скоро, как вы думаете? Я жутко голоден. Время между чаем и ужином всегда тянется так долго... Привет, а вот и дядя Хьюго. Я и не знал, что мама попросила его приехать. Должно быть, она послала за ним. Она всегда так поступает, когда оказывается в сложном положении... Вот и Джози пришла. Привет, Джози!

Появившаяся на террасе Джозефина Тернер остановилась, с некоторым удивлением глядя на миссис Бантри и мисс Марпл.

— Добрый вечер, мисс Тернер, — неприну-

жденным тоном сказала Долли. — А мы приехали, чтобы поиграть в сыщиков.

Джози обвела присутствующих виноватым взглядом и произнесла, понизив голос:

— Это просто ужасно. Никто пока ничего не знает. То есть в газетах еще ничего не появилось. Наверное, все примутся задавать мне вопросы, а я не знаю, что отвечать... это настолько неловко...

Ее тоскливый взгляд обратился к мисс Марпл, которая сказала:

— Боюсь, ситуация окажется очень трудной для вас.

Джози несколько оттаяла.

— Понимаете, мистер Престкотт сказал мне: не говори об этом. Все это очень хорошо, однако меня будут расспрашивать все, а людей нельзя обижать, правда? Мистер Престкотт сказал, что надеется на то, что я сумею держаться как обычно, и даже требовал этого от меня, поэтому, конечно, я хочу сделать все, что от меня зависит. Но я не понимаю, почему все сваливается на меня.

— Вы не будете возражать, если я задам вам откровенный вопрос? — проговорил сэр Генри.

— О, спрашивайте меня о чем угодно, — откликнулась Джози с некоторой нерешительностью.

— Были ли у вас какие-то столкновения с миссис Джефферсон и мистером Гаскеллом по этому поводу?

— По поводу убийства, вы хотите сказать?

— Нет, я имею в виду не убийство.

Джози замерла, соединив пальцы обеих рук, и угрюмо сказала:

— Ну, если хотите, и были, и в то же время не были. Никто из нас ничего не говорил. Однако я думаю, что они обвиняют меня в том, что мистер Джефферсон так привязался к Руби. Моей вины в этом, во всяком случае, не было. Подобные вещи случаются, и я никогда, даже на мгновение, не мечтала ни о чем подобном. Я была совершенно ошеломлена.

Слова ее казались полны неоспоримой искренности.

— Я в этом не сомневаюсь, — любезно отозвался Клитеринг. — Но потом, когда это произошло...

Джози задрала подбородок.

— Ну, это же была удача, правда ведь? У каждого есть право на то, чтобы иногда ему повезло.

Она обвела всех чуть дерзким вопросительным взглядом, а затем прошла по террасе внутрь отеля.

Питер рассудительным тоном проговорил:

— Не думаю, чтобы она сделала это.

— Этот обрезок ногтя... интересная вещь, — негромко произнесла мисс Марпл. — Меня беспокоят эти ногти, я не нахожу им объяснения.

— Какие ногти? — спросил сэр Генри.

— Ногти убитой девушки, — пояснила миссис Бантри. — Они были коротко острижены, как говорит Джейн, но это несколько нелогично. У таких девиц пальцы часто заканчиваются настоящими когтями!

— Но если она сломала один из ногтей, то ей пришлось подрезать и все остальные, — произнесла мисс Марпл. — Обрезки должны были обнаружить в ее комнате, так?

Сэр Генри с любопытством посмотрел на нее.

— Спрошу у суперинтенданта Харпера, когда тот вернется.

— Откуда? — переспросила миссис Бантри. — Он же еще не был в Госсингтоне?

— Нет, — серьезным тоном ответил Клитеринг. — Случилась еще одна трагедия. В карьере сгорела машина.

Мисс Марпл затаила дыхание.

— В машине кто-нибудь был?

— К несчастью, да.

Пожилая дама задумчивым тоном произнесла:

— Кажется, пропала девушка-скаут... Пейшенс... нет, Памела Ривз.

Сэр Генри уставился на нее.

— С чего, скажите на милость, вы это реши-
шили?

Мисс Марпл несколько порозовела.

— Во-первых, передали по радио, что со вчерашнего вечера она не возвращалась до-
мой. А она живет в Данели-вейл, то есть не
очень далеко отсюда. В последний раз ее виде-
ли на сборе герлскаутов на Данбери-даунс. Все
это очень близко. И чтобы попасть домой, ей
надо было проехать или пройти через Дэнмут.
Все совпадает, не так ли? Я хочу сказать, что
девушка могла увидеть или услышать нечто не
предназначавшееся для чужого взгляда и чужих
ушей. В таком случае она становилась опасной
для убийцы, и ее пришлось убрать. Оба собы-
тия должны быть связаны между собой, разве
не так?

— Вы подозреваете второе убийство? — про-
изнес сэр Генри чуть дрогнувшим голосом

— Почему бы и нет? — Ее кроткие глаза
взглянули прямо на него. — Если человек совер-
шил одно убийство, то второе его уже не пугает,
не так ли? И даже третье.

— Третье? Неужели вы считаете, что возмож-
но и третье убийство?

— Вполне возможно. Да, думаю, что оно
в высшей степени возможно.

— Мисс Марпл, — проговорил Клитеринг, — вы пугаете меня. И что, вы знаете, кого караулит смерть?

— Достаточно хорошо представляю, — ответила та.

Глава 10

I

Суперинтендант Харпер взирал на искореженную грудю обгоревшего металла. Сожженная машина, с его точки зрения, всегда была отвратительна, даже не считая такой жуткой добавки, как почерневший, обгорелый труп.

Каменоломня Венна представляла собой уединенное место, далекое от всякого человеческого жилья. Хотя по прямой до Дэнмута насчитывалась всего пара миль, подъезжать к ней приходилось по узкой, извилистой, изрытой колеями дороге, немногим отличавшейся от тележного проселка, заканчивавшейся в самом карьере. В последний раз камень здесь добывали давно, и забредали в каменоломню только случайные местные жители, собиравшие чернику. Трудно было бы найти более удачное место для того, чтобы избавиться от автомобиля. Машину могли бы искать несколько недель, если б не

отблеск в небе, подмеченный случайным прохожим — рабочим Альбертом Биггсом, направлявшимся на работу.

Альберт Биггс по сию пору повествовал о своей находке — хотя все, что он мог сказать, было уже услышано нужными людьми, — и каждый раз с новыми красивыми подробностями.

— Ну, лопни мои глаза, грю, что ж это такое? В небе, гляжу, подлинное зарево. Думаю, костер, дак кто ж, говорю, будет жечь костры в Венновой каменоломне? Ну, грю себе, костер это, большой такой кострище, вот те крест. Только где ж он горит, грю? В той стороне ни те дома, ни те фермы. Это там, за Венновой, грю себе, вот оно где, точно. А что и кому грить, ей-богу, не знаю, но вижу, что ко мне едет на велосипеде констебль Григг, вот и грю ему. Зарево, конешна, к этому времени уже погасло, но я, значит, грю ему, где оно было. Во-он, в той стороне, грю. Большое такое зарево, грю. Может, стог горит, грю. Гляди, бродяга какой поджег, кто его знает. Только мне и в голову не приходило, что это может быть автомобиль, да еще с живым человеком внутри. Что там говорить, страшная трагедия.

Гленширская полиция занималась своим делом. Щелкали камеры, положение обгоревшего

трупа старательно очертили, прежде чем полицейский хирург начал собственное расследование. Наконец он подошел к Харперу, стряхивая черный пепел с обеих рук, и, угрюмо поджав губы, проговорил:

— Добротная работенка. Уцелела только часть ноги и одна туфля. Сам я в данный момент не мог бы сказать даже, кому принадлежало это тело — мужчине или женщине, — хотя кости могут помочь дать верное заключение. Но сохранилась туфелька с черным ремешком, какие носят школьницы.

— В соседнем графстве пропала школьница, — заметил Харпер, — совсем недалеко отсюда. Девочка примерно шестнадцати лет.

— Тогда, должно быть, это она и есть, — проговорил доктор. — Бедный ребенок...

— А она была жива, когда... — заставил себя спросить Харпер.

— Нет-нет, едва ли. Она не пыталась выбраться из автомобиля. Тело просто бросили на сиденье... одна нога даже торчала наружу. Я бы сказал, что ее поместили в автомобиль уже мертвой. А затем машину подожгли, чтобы избавиться от улики... Я вам еще нужен? — спросил он после недолгой паузы.

— Нет, едва ли, благодарю вас.

— Хорошо. Тогда я поехал.

Хирург направился к своему автомобилю, а Харпер подошел к одному из занятых исследованием сержантов, специализировавшихся на автомобильных делах. Тот оторвался от дела.

— Вполне ясный случай, сэр. Всю машину облили бензином и подожгли. Там, в зарослях, обнаружены три пустые канистры.

Чуть поодаль другой сотрудник старательно раскладывал извлеченные из автомобиля объекты, среди которых оказался обгоревший черный кожаный башмачок и несколько лоскутов почерневшей ткани. Заметив приближающегося Харпера, он поднял голову и произнес:

— Посмотрите-ка на эту вещицу, сэр. Это — решающее доказательство.

Повертев в руке небольшой предмет, Харпер спросил:

— Пуговица с формы герлскаутов?

— Да, сэр.

— Да, — согласился суперинтендант, — теперь все ясно.

Ему, благопристойному и доброму человеку, было попросту дурно. Сперва Руби Кин, а теперь еще эта девочка... Памела Ривз. И он еще раз спросил себя: «Что же такое происходит с Гленширом?»

Далее он первым делом позвонил своему главному констеблю, а потом связался с полковником Мелчеттом. Исчезновение Памелы Ривз

было зарегистрировано в Редфордшире, хотя тело ее обнаружилось в Гленшире. Следующее дело не сулило ему ни капли радости. Теперь следовало известить о случившемся отца и мать Памелы...

II

Бросив задумчивый взгляд на фасад Брейсайда, суперинтендант Харпер нажал на кнопку дверного звонка. Аккуратная небольшая вилла, опрятный сад величиной в полтора акра с половиной. В последние два десятка лет подобные дома строили в стране по всей сельской местности. Отставные военные и государственные служащие, приличный тихий народ; в самом худшем случае можно было сказать, что они несколько скучноваты. Тратили столько денег, сколько могли себе позволить на образование детей. Не того сорта люди, среди которых происходят трагедии. А теперь трагедия сама пришла к ним... Он вздохнул.

Его сразу же провели в гостиную. Увидев его, хозяева — строгий седоусый джентльмен и женщина с покрасневшими от слез глазами — сразу вскочили.

— Вы принесли нам известия от Памелы? — напряженным голосом воскликнула миссис Ривз — и отшатнулась, словно пораженная полным сочувствия взглядом суперинтенданта.

— Боюсь, вам придется готовиться к плохим новостям, — проговорил Харпер.

— Памела... — осеклась женщина.

— Что-то случилось с ребенком? — не скрывая тревоги, спросил майор Ривз.

— Да, сэр.

— Вы хотите сказать, что она мертва?

— О нет, нет! — вскрикнула миссис Ривз и разразилась потоком слез.

Майор обнял жену за плечи и привлек к себе. Губы его задрожали, однако он вопросительно посмотрел на Харпера, склонившего голову в ответ.

— Несчастный случай?

— Не совсем, майор Ривз. Ее нашли в заброшенной каменоломне, в сожженной машине.

— В машине? В каменоломне? — Изумление его было невозможно скрыть.

Миссис Ривз окончательно покорила горю и, бурно рыдая, рухнула на софу.

— Позвольте ли вы мне задержаться еще на несколько минут? — спросил суперинтендант Харпер.

— Что все это означает? Преступление? — отрывистым тоном спросил майор Ривз.

— Похоже на то, сэр. Вот почему я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вам не будет слишком тяжело ответить на них.

— Нет-нет, вы правы. Не стоит терять времени, если это действительно так. Но я не верю своим ушам. Кто мог поднять руку на такого ребенка, как Памела?

Харпер внушительным тоном проговорил:

— Вы уже сообщали в свою местную полицию обстоятельства исчезновения вашей дочери. Она ушла из дома на слет скаутов, и вы ожидали ее к обеду. Правильно?

— Да.

— Она должна была вернуться автобусом?

— Да.

— Насколько я понимаю, согласно показаниям других девушек-скаутов, когда слет закончился, Памела сказала, что хочет съездить в Дэнмут, чтобы зайти в «Вулворт», и вернуться следующим автобусом домой. Вас здесь ничего не смущает?

— О да, Памела любила посещать универмаг. Она часто ездила в Дэнмут за покупками. Автобус останавливается на главной дороге всего в четверти мили отсюда.

— И, насколько вам известно, у нее не было других планов?

— Никаких.

— Она ни с кем не встречалась в Дэнмуте?

— Нет, я уверен в этом. Она обязательно предупредила бы нас. Мы ожидали ее к обеду. Вот почему, когда стало поздно, мы позвонили

в полицию. Она у нас всегда вовремя возвращалась домой.

— А у вашей дочери не было нежелательных знакомств — то есть друзей и подруг, которых вы не одобряли?

— Нет, у нас никогда не было никаких поводов для беспокойства.

Миссис Ривз со слезами в голосе проговорила:

— Пам была всего только ребенком, слишком маленьким для собственного возраста. Любила игры и все такое. Она не была скороспелой ни в каком отношении.

— Вы знакомы с мистером Джорджем Барлеттом, постояльцем отеля «Маджестик» в Дэнмуте?

Майор Ривз недоуменно посмотрел на Харпера.

— Ни разу в жизни не слышал о нем.

— Вы не допускаете, что ваша дочь была знакома с ним?

— Я уверен в том, что она не знала его. — Уже резким тоном майор добавил: — А он-то каким образом попал в эту историю?

— Это владелец автомобиля «Миноан-четырнадцать», в котором было найдено тело вашей дочери.

— Но тогда это он!.. — воскликнула миссис Ривз.

— Сегодня утром он сообщил о пропаже машины, — поспешно вставил Харпер. — Вчера во время ленча та находилась во дворе отеля. Машину мог угнать любой человек.

— Но разве люди не видели, кто это сделал?

Суперинтендант покачал головой. Во двор весь день въезжают и выезжают дюжины машин. А «Миноан-14» — одна из самых распространенных марок.

— Но вы что-то уже делаете? — воскликнула миссис Ривз. — Вы уже ищете того... негодяя, который это сделал? Моя маленькая девочка... о, моя маленькая девочка! Значит, она сгорела заживо, так? Ох, Пам, Пам!..

— Она не страдала в огне, миссис Ривз. Уверяю вас в том, что ваша дочь уже была мертва к тому мгновению, когда загорелась машина.

— Как ее убили? — напряженно спросил майор Ривз.

Харпер ответил ему многозначительным взглядом.

— Мы этого не знаем. Огонь уничтожил все возможные свидетельства.

Он повернулся к пораженной горем женщине, остававшейся на софе.

— Поверьте мне, миссис Ривз, мы делаем все возможное. Сейчас надо собрать показания. Рано или поздно мы найдем человека, который видел

вашу дочь в Дэнмуте и заметил, с кем она была там. Однако, как вы понимаете, на это потребуется время. Мы получим сотни сообщений о герлскаутах, которых видели в городе... там, сям и повсюду. Дело времени... необходимо терпение... однако в итоге мы найдем убийцу, можете не сомневаться.

— Но где... где она находится? — спросила миссис Ривз. — Могу я прийти туда?

Суперинтендант еще раз глянул в глаза ее мужу.

— За всеми делами там приглядывает офицер-медик. Я предложил бы, чтобы ваш муж поехал со мной и уладил все формальности. Тем временем попытайтесь вспомнить все, что говорила Памела... быть может, вам удастся вспомнить нечто такое, на что вы своевременно не обратили внимания, однако сейчас может пролить свет на обстоятельства трагедии. Я имею в виду какое-нибудь случайное слово или фразу. Это самый лучший способ помочь нам.

Когда мужчины вдвоем направились к двери, майор Ривз проговорил, показывая на фотографию:

— Вот она.

Харпер пристально посмотрел на фото. На нем была запечатлена хоккейная¹ команда.

---

¹ Имеется в виду хоккей на траве.

Ривз показал на Памелу, находившуюся в самой середине группы.

«Милая девочка», — подумал Харпер, заглянув в полные искренности глаза девочки с хвостиком на затылке, и сурово поджал губы, вспомнив обугленное тело в машине. А потом поклялся себе в том, что убийство Памелы Ривз не останется в Гленшире неразгаданной тайной.

Руби Кин — он допускал это — могла напроситься на свою горькую судьбу, но Памела Ривз — дело другое. Хороший ребенок, если суперинтендант разбирается в людях. И он не позволит себе отдохнуть, пока не найдет того, кто убил ее... будь то женщина или мужчина.

Глава 11

Полковник Мелчетт и суперинтендант Харпер посмотрели друг на друга. Прошла пара дней после того, как Харпер приехал в Мач-Бенхэм за консультацией.

— Итак, мы знаем, где находимся, а если точнее — где нас нет! — мрачным тоном проговорил Мелчетт.

— Скорее, где нас нет, сэр.

— Мы имеем дело с двумя смертями, — подытожил полковник. — Двумя насильственными смертями. Руби Кин и этой девочки... Памелы

Ривз. От бедного ребенка осталось не слишком много, но все-таки достаточно для опознания. Уцелели одна туфелька и пуговица от формы герлскаутов. Дьявольское злодейство, суперинтендант.

— Не стану возражать, сэр, — невозмутимо ответил тот.

— По словам Хэйдока, девочка была мертва еще до того, как подожгли автомобиль. Это следует из той позы, в которой она лежала на сиденье. Возможно, бедняжка получила удар по голове.

— Или же ее задушили.

— Вы так полагаете?

— Ну, сэр, убийцы действуют однообразно.

— Понятно. Я видел ее родителей. Мать бедной девочки вне себя от горя. Ужасная, страшная драма. И нам необходимо решить, связаны ли эти убийства между собой.

Суперинтендант начал загибать пальцы:

— Посещала слет герлскаутов на Данберридаунс. По мнению подруг, вела себя нормально и приветливо. Не стала возвращаться с тремя подругами на автобусе в Медчестер — сказала им, что зайдет в Дэнмуте в универмаг «Вулворт» и оттуда автобусом вернется домой. «Вулворт» в Дэнмуте — великое дело. Девочка жила в глуши и нечасто имела возможность попасть в го-

род. Главная дорога в Дэнмут делает большую петлю из низин в глубь суши от берега. Памела Ривз сократила свою дорогу: прошла через два поля, потом тропой вышла на аллею, которая вывела ее в Дэнмут возле отеля «Маджестик». Аллея, по чести говоря, проходит через территорию отеля с западной стороны. Поэтому возможно, что она слышала или видела нечто такое... нечто относящееся к Руби Кин и способное повредить убийце... например, она услышала, что он договаривается с Руби Кин о встрече на двенадцать часов вечера. Словом, он понимает, что девочка слышала опасный для него секрет, и решает заткнуть ей рот.

— Из чего следует, Харпер, что убийство Руби Кин было преднамеренным, а не спонтанным.

— Думаю, что так, сэр, — согласился суперинтендант. — Внешне кажется, что дело обстояло иначе — внезапное насилие, приступ страсти или ревности, — но я начинаю думать иначе. В противном случае я не понимаю, как можно объяснить смерть ребенка. Если б девочка стала свидетельницей самого преступления, это было бы поздно вечером, около одиннадцати часов... и что она могла делать около «Маджестика» в такое время? Ее родители начали беспокоиться уже в девять часов, когда она не вернулась домой.

— Альтернативу предоставляет другой вариант: она ездила в Дэнмут на встречу с кем-то не известным ни родителям, ни друзьям, и смерть ее не связана со смертью Руби Кин.

— Да, сэр, и я не верю в то, что все обстояло именно так. Понимаете ли, даже старая леди, почтенная мисс Марпл, немедленно предположила существование связи между обеими смертями. Она немедленно спросила, не обнаружили ли в сгоревшей машине тело герлскаута. Очень толковая старая леди. Бывают среди них такие... иногда. Проницательная, знаете ли. Умеет указать пальцем в нужное место.

— Мисс Марпл делала это далеко не один раз, — сухо заметил полковник Мелчетт.

— Потом, сэр, у нас еще есть машина. Она, на мой взгляд, вполне определенно связывает смерть девочки с отелем «Маджестик». Автомобиль этот принадлежит мистеру Джорджу Бартлетту.

Оба мужчины снова посмотрели друг на друга.

— Джордж Бартлетт? — проговорил Мелчетт. — Вполне возможно! А вы как считаете?

Харпер вновь принялся методично перечислять:

— В последний раз Руби Кин видели вместе с Джорджем Бартлеттом. По его словам, она вернулась в свою комнату, что подтверждается

обнаруженным в ней ее танцевальным платьем... Но что, если она вернулась в комнату и переделалась для того, чтобы выехать вместе с ним? Быть может, они договорились выехать вместе, обсудили эту тему, скажем, еще перед обедом, и Памела Ривз случайно подслушала разговор?

— Он не сообщил о похищении машины раньше следующего утра, — добавил полковник, — и сделал это в крайне неопределенной манере; изображал, что не может представить, когда в последний раз видел ее на месте.

— Это может быть разумной предосторожностью, сэр. Как я это воспринимаю: он или очень умный джентльмен, прикидывающийся полным ослом, или действительно полнейший осел.

— Что нам в данном случае нужно, — проговорил Мелчетт, — это мотив. Пока получается, что у него не было никакого мотива убивать Руби Кин.

— Да, тут мы застреваем. Мотив. Все рапорты из «Пале-де-Данс» в Бриксвелле, как я понимаю, дают отрицательный ответ.

— Абсолютно! В жизни Руби Кин не было кавалера. Слэк старательно проработал этот вопрос. Надо отдать ему должное: он усердный сотрудник.

— Вы правы, сэр. Именно усердный.

— Если б там можно было разнюхать хоть что-нибудь, не сомневайтесь, он сделал бы это. Но там пустота. Слэк составил список самых частых ее партнеров по танцам и проверил их всех. Ничем не подозрительные люди, у всех есть алиби на этот вечер.

— Ах так, — проговорил суперинтендант. — Алиби. Опять нам приходится иметь с ними дело.

Мелчетт внимательно посмотрел на него.

— А ведь я оставил эту сторону расследования именно вам.

— Да, сэр. Мы рассмотрели ее крайне внимательно. Даже обращались в Лондон за помощью.

— Ну, и?..

— Это мистер Конвей Джефферсон может считать, что мистер Гаскелл и молодая миссис Джефферсон надежно обеспечены, однако он ошибается: они находятся в чрезвычайно затрудненном положении.

— В самом деле?

— В самом деле, сэр. Дело обстоит так: мистер Конвей Джефферсон действительно выделил своим детям, сыну и дочери, существенные суммы при их вступлении в брак. Однако это произошло энное число лет назад. Мистер Фрэнк Джефферсон вообразил, что может хорошо вложить свои капиталы. Он не стал вкладываться

в совершенно неразумные предприятия, однако ему не везло, и он неоднократно совершал ошибки. Его состояние неуклонно уменьшалось. И, должен сказать, миссис Джефферсон обнаружила, что ей с трудом удастся сводить концы с концами и посылать сына в хорошую школу.

— Однако она не стала обращаться к свекру за помощью?

— Нет, сэра. Насколько я понимаю, она живет с ним и потому не несет хозяйственных расходов.

— И здоровье его таково, что долго он протянуть не должен?

— Именно так, сэра. Теперь обратимся к мистеру Марку Гаскеллу — это игрок, бесхитростный и простой. Деньги жены он растратил очень быстро — и в настоящее время основательно запутался в долгах. Отчаянно нуждается в деньгах, притом ему нужно много денег.

— Не могу сказать, что он понравился мне, — заметил полковник Мелчетт. — Безнравственный на вид человек, так ведь? Кроме того, у него есть мотив, и еще какой. Двадцать пять тысяч фунтов за то, чтобы убрать девицу с дороги. Да, это настоящий мотив.

— Мотив есть у них обоих.

— У меня нет оснований подозревать миссис Джефферсон.

— Да, сэр, я это знаю. В любом случае у обоих имеется алиби. Они не могли этого сделать. И точка.

— У вас есть подробная запись всех их перемещений в тот вечер?

— Да, есть. Начнем с мистера Гаскелла. Он отобедал со своим тестем и миссис Джефферсон, потом пил с ними кофе, когда к ним присоединилась Руби Кин. Далее он сказал, что должен написать письма, и оставил компанию. На самом деле Гаскелл сел в свой автомобиль и поехал кататься вдоль берега. Он откровенно сказал мне, что не мог застрять на весь вечер за бриджем, хотя старик обожает эту игру. Поэтому он выдумал себе извинение в виде писем. Руби Кин оставалась в обществе остальных. Марк Гаскелл вернулся, когда она танцевала с Раймондом. После танца Руби присоединилась к ним и выпила за компанию, а потом пошла танцевать с молодым Бартлеттом; Гаскелл же и прочие партнеры составили партию в бридж. Это произошло без двадцати одиннадцать, и он не выходил из-за стола до полуночи. В этом можно не сомневаться, сэр. Так говорят все: члены семьи, официанты и все остальные. Поэтому Гаскелл не мог совершить преступление. Миссис Джефферсон также обладает подобным алиби. Она также не выходила из-за стола. Оба они вне подозрений.

Полковник Мелчетт откинулся на спинку кресла, постукивая по столу ножом для бумаги.

— Это если считать, что девушка была убита до полуночи, — добавил суперинтендант Харпер.

— Так утверждает Хэйдок. Он опытный медик и знает свое дело. Если он что-то говорит, значит, можно не сомневаться.

— Но могут быть другие причины — здоровье, физическая идиосинкразия или что-то еще...

— Я спрошу у него. — Поглядев на часы, Мелчетт взял телефонную трубку и назвал номер, после чего проговорил: — Хэйдок должен уже быть дома. Но если мы предположим, что она была убита *после* полуночи...

— Тогда появляется шанс, — ответил Харпер. — После полуночи кто-то уходил и приходил. Давайте предположим, что Гаскелл назначил девушке встречу, скажем, в двадцать минут первого. Он выходит из отеля на пару-другую минут, душит девушку, возвращается, а от трупа избавляется ранним утром.

— То есть везет покойницу на автомобиле двадцать миль до библиотеки Бантри? — возразил Мелчетт. — Бросьте, идея никуда не годится.

— И в самом деле, — немедленно согласился суперинтендант.

Зазвонил телефон, и полковник поднял трубку.

— Алло, Хэйдок, это вы? Я насчет Руби Кин. А не могли ее убить *после* полуночи?

— Я же сказал, что ее убили между десятью вечера и полночью.

— Да, я это знаю, но, быть может, временной промежутки можно немного расширить, а?

— Нет, это невозможно. Если я говорю, что она была убита до полуночи, значит, до полуночи она и была убита... не стоит пытаться оспорить медицинское свидетельство.

— Да, но не мог ли здесь сказаться какой-то физиологический фактор? Вы понимаете меня?

— Я понимаю, что вы не знаете, о чем говорите. Девушка была совершенно здорова и не обнаруживала никаких аномалий... я хочу этим сказать, что она не может чем-то помочь вам, полицейским крючкам, накинуть веревку на шею какого-то несчастного парня, в которого вы успели запустить свои когти. И не надо протестовать. Я знаю вашу методику. Кстати сказать, девушка была задушена без сопротивления, то есть сначала ее опоили каким-то наркотиком. Сильным наркотиком. Причиной смерти стало удушение, однако сперва ее одурманили.

И Хэйдок повесил трубку.

— Ну, значит, так, — безрадостным тоном проговорил Мелчетт.

— Я думал, что нашел другую отправную точку... однако она улетучилась, — сказал Харпер.

— О чем вы? Кто это?

— Строго говоря, ваш клиент, сэр. Зовут Бэзил Блейк. Проживает возле Госсингтон-холла.

— Наглый молодой фат! — Полковник нахмурился при воспоминании о проявленном Блейком откровенном хамстве. — А каким образом он замешан в историю?

— Похоже, он был знаком с Руби Кин. Довольно часто обедал в «Маджестике», танцевал с нею... Помните, что Джози сказала Раймонду, когда оказалось, что Руби нет на месте: «Надеюсь, она не с этим киношником»? Я обнаружил, что подразумевала она именно Блейка. Он работает на студии «Лемвилл». Джози могла только подозревать, что Руби симпатизирует ему.

— Многообещающий вариант, Харпер, весьма перспективный.

— Он не настолько хорош, как это может показаться, сэр. В тот вечер Бэзил Блейк находился на вечеринке в своей студии. Сами знаете, как они проходят: начинаются в восемь с коктейля и продолжаются до тех пор, пока в воздухе не станет темно от табачного дыма и все не отключатся. Согласно утверждению допрашивавшего его инспектора Слэка, Блейк покинул меропр-

ятие около двенадцати ночи. А в полночь Руби Кин была уже мертва.

— Кто-нибудь может подтвердить его показания?

— Большая часть собравшихся успела к этому времени слишком далеко зайти, сэр. Э... молодая женщина, находящаяся сейчас в бунгало, мисс Дина Ли, его показания подтверждает.

— Это ничего не значит.

— Да, сэр, вполне возможно, что вы правы. Показания других участников вечеринки в целом согласуются с утверждением мистера Блейка, хотя их представление о времени несколько расплывчато.

— А где находится эта студия?

— В Лемвилле, сэр, в тридцати милях на юго-запад от Лондона.

— И примерно на таком же расстоянии отсюда...

— Да, сэр.

Полковник Мелчетт потер нос и произнес несколько неудовлетворенным тоном:

— Похоже, что мы вправе исключить его из числа подозреваемых.

— Думаю, да, сэр. Нет никаких доказательств того, что он был сколько-нибудь увлечен Руби Кин. На деле, — суперинтендант Харпер недо-

вольно кашлянул, — он, похоже, полностью занят собственной дамой.

— Итак, — проговорил Мелчетт, — мы остаемся при мистере Икс, неизвестном убийце, неизвестном настолько, что Слэк не в силах найти его следы. Это или зять Джефферсона, который вполне мог желать смерти девушке, однако не имел возможности убить ее — то же самое относится к его невестке, — или Джордж Бартлетт, у которого нет алиби, но, к несчастью, нет и мотива. Или молодой Блейк, у которого есть алиби и нет мотива. И это весь набор подозреваемых!.. Нет, стоп. Наверное, нужно включить в наш список и этого танцора, Раймонда Старра. В конце концов, он проводил в обществе Руби достаточно много времени.

— Не могу поверить в то, что она как-то интересовала его, если только он не превосходный актер, — неторопливо проговорил Харпер. — Кроме того, с практической точки зрения он также имеет алиби. Старр находился более или менее на виду начиная с без двадцати одиннадцать до полуночи и танцевал, меняя партнерш. Не знаю, сумеем ли мы обосновать обвинение против него.

— По правде сказать, у нас нет оснований обвинять кого-либо из них в убийстве, — заметил полковник Мелчетт.

— Будем надеяться на Джорджа Бартлетта, — проговорил Харпер. — Если б только мы сумели найти мотив...

— Вы ознакомились с его биографией?

— Да, сэр. Единственный сын избаловавшей его матери. Год назад, после ее смерти, унаследовавший уйму денег. Быстро тратящий их. Скорее слабый, чем злой.

— Может, с психикой неполадки? — с надеждой предположил Мелчетт.

Суперинтендант Харпер кивнул.

— А вам не приходило в голову, сэр, что в этом и может заключаться разгадка всего дела?

— Сумасшедший преступник то есть?

— Да, сэр. Один из тех парней, которые время от времени душат повсюду молодых девиц. У докторов есть длинное название для этого недуга.

— Такой вариант избавил бы нас от всех трудностей, — согласился полковник.

— Есть только одна вещь, которая мне не нравится в нем, — произнес Харпер.

— Какая же?

— Он слишком легок.

— Гм... да... быть может. Итак, где же мы находимся, как я спросил в самом начале?

— Нигде, сэр, — ответил суперинтендант Харпер.

Глава 12

I

Конвей Джефферсон шевельнулся во сне и потянулся, вытянув руки, длинные могучие руки, в которых после несчастья как будто бы сконцентрировалась вся мощь его тела. Сквозь шторы с трудом пробивался утренний свет. Джефферсон улыбнулся. Он всегда просыпался таким после ночного отдыха: счастливым, освеженным, обновившим свою внутреннюю силу. Еще один день! Счастливый, старик полежал еще одну минуту. А потом нажал рукой на кнопку специального звонка. И вдруг волна воспоминаний накатила на него. И проворный Эдвардс, который, неслышно ступая, вошел в комнату, услышал стон, сорвавшийся с уст его хозяина. Опустив руку на шторы, слуга, помедлив, спросил:

— Вам не больно, сэр?

— Нет. Продолжай, раздвинь шторы, — отрывисто ответил Конвей Джефферсон.

Комнату затопил чистый свет. Понятливый Эдвардс не стал смотреть на своего господина.

Посуровевший старик лежал, погружившись в воспоминания и думы. Перед глазами его снова возникло милое, но пресное личико Руби. Однако память не позволила ему воспользоваться этим словом — пресное. Вчера вече-

ром он сказал бы — невинное. Невинное, наивное дитя! А теперь? Великая усталость ододела Джефферсона. Он зажмурил глаза и негромко шепнул:

— Маргарет...

Так звали его покойную жену.

II

— Мне нравится ваша подруга, — сказала Аделаида Джефферсон миссис Бантри. Обе женщины сидели на террасе.

— Джейн Марпл — весьма удивительная особа, — согласилась миссис Бантри.

— Она также мила, — улыбнулась в ответ Адди.

— Люди называют ее любительницей скандалов, — продолжила Долли, — но это далеко не так.

— Люди принижают ее заслуги?

— Можно сказать и так.

— Что, впрочем, отчасти даже приятно, — проговорила Аделаида, — после чрезмерной дозы противоположного отношения.

Миссис Бантри пристально посмотрела на нее. Адди пояснила свои слова:

— После избытка высоколбой идеализации недостойного предмета!

— Вы имеете в виду Руби Кин?

Миссис Джефферсон кивнула.

— Я не хочу быть несправедливой к ней. В ней не было ничего плохого. Этому бедному крысенку приходилось бороться за свое счастье. Обыкновенная, глуповатая, добрая по характеру девочка, однако, несомненно, откровенная вымогательница. Не думаю, чтобы она обдуманно интриговала и строила козни — просто без колебаний пользовалась открывшейся перед ней возможностью. Но при этом прекрасно представляла, каким именно образом можно понравиться одинокому пожилому человеку.

— Итак, — задумчиво произнесла миссис Бантри, — Конвей ощущал свое одиночество.

Адди беспокойно шевельнулась.

— Особенно этим летом. — Помедлив, она выпалила: — Марк все время твердит, что это моя вина! Возможно и так, не знаю...

Умолкнув на минуту, миссис Джефферсон заговорила, понуждаемая потребностью, преодолевая себя, почти против воли:

— На мою долю выпала весьма странная жизнь. Мой первый муж, Майк Кармоди, скончался почти сразу после нашей свадьбы, и это совершенно выбило меня из колеи. Питер, как вам известно, родился после его смерти. Фрэнк Джефферсон был самым близким другом Майка.

Поэтому я часто видела его. Он был крестным отцом Питера — так захотел Майк. Я привязалась к нему и научилась жалеть.

— Жалеть? — с интересом спросила миссис Бантри.

— Да, именно так. Странно, правда? Фрэнк всегда имел все, что хотел. Отец и мать просто не могли лучше относиться к нему. Однако, понимаете ли, можно сказать, что старый мистер Джефферсон представляет собой слишком уж сильную личность. И если принимать ее власть, можно забыть про собственную персону. Фрэнк ощущал это. Когда мы поженились, он был очень, удивительно счастлив. Мистер Джефферсон был очень щедр к нам. Он предоставил Фрэнку крупную сумму... сказал, что хочет, чтобы его дети были независимыми и не дожидались его смерти. Такая щедрость с его стороны была очень приятна нам. Однако она оказалась чересчур внезапной и непосильной для моего мужа. На самом деле Джеффу следовало бы понемногу приучать Фрэнка к самостоятельности. Свобода ударила моему мужу в голову. Он хотел стать таким же великолепным мужчиной, как и его отец: хотел умело распоряжаться финансами и делами, хотел оказаться таким же дальновидным и удачливым. И, конечно же, это ему не удалось. Не то что-

бы он занимался финансовыми спекуляциями, однако мой муж вкладывал свои деньги не тогда и не туда, когда и куда это было нужно. Это страшно, но вы знаете, как быстро исчезают деньги, когда вы не умеете с ними обращаться. И чем больше терял Фрэнк, тем больше он стремился вернуть деньги назад в какой-нибудь новой авантюрной сделке. Словом, дела из плохих постепенно превращались в еще худшие.

— Но, моя дорогая, — спросила миссис Бантри, — разве Конвей не мог дать ему тонкий совет?

— Фрэнк не хотел советов от отца. Он добивался одного — самостоятельности. Вот почему мы так ничего и не сказали мистеру Джефферсону. А после смерти Фрэнка мне осталось очень немного — крошечный доход. И я тоже не стала ничего говорить его отцу. Понимаете, — она вдруг повернулась к собеседнице, — это стало бы предательством памяти Фрэнка. Сам он ни за что так не поступил бы. Мистер Джефферсон долго хворал. И когда поправился, решил, что я очень хорошо обеспеченная вдова. Я не стала разубеждать его: как-никак дело чести. Он знает, что я очень экономна в расходах, но одобряет это, считая меня прижимистой женщиной. И, конечно же, мы с Питером жили вместе с ним все это время, и он оплачивал все наши быто-

вые расходы. Поэтому у меня не было оснований для беспокойства... — Она заговорила помедленнее. — Все эти годы мы были подобием семьи, только... только, понимаете вы это или нет? — я никогда не была для него *вдовой* Фрэнка; я так и оставалась *женой* Фрэнка.

— Вы хотите сказать, что он так и не примирился с гибелью своих детей? — ухватилась за этот вывод миссис Бантри.

— Не примирился. Джефф — удивительный человек. Однако он преодолел собственную трагедию, отказавшись признавать смерть. Марк остается мужем Розамунды, а я — женой Фрэнка, и хотя Фрэнк и Розамунда сейчас не находятся с нами, они тем не менее живы.

— Удивительный триумф веры, — негромко прокомментировала Долли.

— Знаю... Так мы и жили, год за годом. Однако этим летом во мне вдруг что-то сломалось. Я... я взбунтовалась. Страшно сказать, но мне не хочется больше думать о Фрэнке! Все это закончилось — моя любовь, моя дружба с ним и мое горе после его смерти. Все это было, но перестало существовать. Ужасно сложно описать это чувство. Это как вытереть начисто грифельную доску и начать все заново. Я захотела быть собой, быть Адди, относительно молодой и сильной женщиной, способной играть

в разные игры, плавать и танцевать — одним словом, быть личностью. Даже Хьюго... знаете Хьюго Маклина? Он такой милый и хочет жениться на мне, и прежде я не хотела даже думать на эту тему, но этим летом задумалась, пусть несерьезно, пусть просто допуская такую возможность... — Она покачала головой. — Поэтому я считаю, что Марк прав. Я *забросила Джеффа*. То есть не то чтобы действительно забросила, однако ум мой и мысли теперь не обращались к нему. В то время как Руби, насколько я понимаю, развлекала его. И я ощутила свободу, позволявшую заняться собственными делами. Но мне в голову не приходило, не могло прийти, что он настолько увлечется ею!

— А что было потом, когда вы обнаружили это? — спросила миссис Бантри.

— Я была ошеломлена... полностью, абсолютно! А кроме того, испугана и рассержена.

— Я тоже рассердилась бы, — проговорила Долли.

— Мне приходилось думать о Питере, понимаете? Все его будущее зависит от Джеффа. По сути дела, тот видел в нем внука — так мне, во всяком случае, казалось, — однако, естественно, внуком Питер для него не был. Не был даже родственником. И теперь оказывается, что он скоро лишится наследства!

Ее сложенные на коленях твердые и красивые руки чуть дрогнули.

— Именно так я себя и ощущала. И все это ради вульгарной вымогательницы... О, я была готова убить ее!

Потрясенная собственными словами, Аделаида умолкла. Ее прекрасные каштановые глаза с ужасом обратились на миссис Бантри.

— *Какие ужасные вещи я говорю!* — сказала она.

Неслышно подошедший к ним сзади Хьюго Маклин переспросил:

— И какие же ужасные вещи ты говоришь?

— Садись, Хьюго. Ты знаком с миссис Бантри, так ведь?

Маклин уже поздоровался с Долли и неспешно, но настойчиво проговорил:

— Так что же ужасное ты сказала?

— Что мне хотелось убить Руби Кин, — ответила Адди Джефферсон.

Хьюго Маклин задумался на минуту-другую, а потом сказал:

— Да, на твоём месте я не стал бы говорить подобных слов. Их могут понять превратно.

Ровный взгляд его задумчивых серых глаз сделался многозначительным. И с предупреждением в голосе он произнес:

— *Тебе нужно внимательнее следить за собой.*

III

Когда несколько минут спустя мисс Марпл вышла из отеля и присоединилась к миссис Бантри, Хьюго Маклин и Аделаида Джефферсон уже шли по тропинке к морю. Усаживаясь, мисс Марпл заметила:

— Он кажется преданным кавалером.

— Он предан ей уже много лет! Редкий среди мужчин характер...

— Знаю. Прямо как наш майор Бёри. Он целых десять лет обхаживал вдову индийского англичанина. Сделался предметом шуток ее подруг! В итоге она сдалась, но, к несчастью, за десять дней до свадьбы убежала с шофером. Такая приятная женщина... она всегда казалась настолько уравновешенной.

— Люди часто совершают очень странные поступки, — согласилась миссис Бантри. — Жаль, что вас только что не было здесь, Джейн. Адди Джефферсон рассказала мне о себе... и о том, что ее муж потерял все свои деньги, однако они так и не рассказали об этом мистеру Джефферсону. А потом, этим летом, ее отношение к жизни резко переменилось.

Мисс Марпл кивнула:

— Да. Полагаю, она восстала против необходимости жить прошлым. В конце концов, всему есть свое время. Нельзя вечно сидеть в доме за опущен-

ными шторами. По-видимому, миссис Джефферсон просто подняла их и сняла с себя вдовий траур, что, естественно, не порадовало ее свекра. Ему стало холодно жить, хотя я даже на минуту не допускаю, что он осознавал причину подобных изменений. Ему они просто не нравились. И таким образом он, как и старый мистер Бэджер, когда жена его увлеклась спиритизмом, созрел для последствий. Которые могла вызвать любая более или менее милая и умеющая слушать молодая девица.

— А вам не кажется, — проговорила миссис Бантри, — что эта ее кухня Джози специально притащила сюда Руби... что это была семейная интрига?

Мисс Марпл отрицательно качнула головой:

— Нет, я так не считаю. Как мне кажется, Джози не обладает складом ума, необходимым для того, чтобы предвидеть реакцию людей. В этом отношении она туповата. Наделена острым, но ограниченным, практичным умом, который никогда не способен предвидеть будущее и, как правило, бывает потрясен им.

— Эта драма всех застала врасплох, — заметила миссис Бантри. — Как, кстати, и саму Адди и Марка Гаскелла.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Смею сказать, что у последнего есть собственная цель. Смелый парень с блуждающим взгля-

дом! Этот не из тех, кто будет в течение многих лет исполнять роль скорбящего вдовца, как бы ни любил он прежде свою жену. Я бы сказала, что им обоим было неуютно под тяжестью наложенного старым мистером Джефферсоном ярма вечной памяти. Впрочем, — цинично добавила мисс Марпл, — джентльменам проще его носить.

IV

В это самое мгновение Гаскелл подтверждал такое мнение о себе в разговоре с сэром Генри Клитерингом. С характерной для себя откровенностью Марк сразу взял быка за рога.

— Меня только что осенило, — проговорил он, — что в глазах полиции я являюсь ее Любимым Подозреваемым Номер Один! Они поинтересовались моим финансовым положением. А я, знаете ли, разорен — или почти разорен. Если старый миляга Джефф, как говорят доктора, опочитет в бозе через месяц-другой и мы с Адди благополучно разделим бабки, все будет нормально. Дело в том, что я увяз в долгах. И если мне суждено пасть, падение мое будет великим! Если же мне удастся отсрочить конец, он обернется своей противоположностью; я окажусь наверху и при больших деньгах.

— А вы — игрок, Марк, — проговорил сэр Генри.

— Всегда был таким. Рискуй всем — вот мой девиз! Да, мне повезло в том, что кто-то удавил эту несчастную девчонку. Я этого не делал: я не душител. Не думаю, чтобы я смог кого-то убить, — я слишком беспечен для этого. Однако при этом не считаю, что смогу попросить полицию поверить мне в этом. С их точки зрения, я выгляжу в этом деле ответом на молитвы детектива: обладаю мотивом, нахожусь на месте преступления и не обременен моральными принципами! Даже представить себе не могу, почему я еще не в кутузке. У этого суперинтенданта дотошный взгляд.

— Вы располагаете такой полезной вещью, как алиби.

— О, алиби — самая подозрительная вещь в божьем мире! Ни у одного невинного человека никогда не бывает алиби. К тому же все зависит от времени смерти, от решения докторов — а можно не сомневаться в том, что, если три врача скажут, что девицу убили ровно в полночь, найдутся еще по меньшей мере шестеро, которые будут клясться и божиться в том, что ее убили в пять утра... и где тогда будет мое алиби?

— Вы способны шутить даже на эту тему...

— Что свидетельствует о моем плохом вкусе, так? — бодрым тоном ответил Марк. — На са-

мом деле я испуган. Немудрено испугаться, когда попадаешь в подозреваемые в убийстве! И не думайте, что мне не жаль старину Джеффа. Мне жаль его. Но лучше так, при всем пережитом им потрясении, чем если б он узнал о ней правду.

— Что вы хотите сказать этими словами?

Марк подмигнул.

— А куда она ходила прошлой ночью? Нисколько не сомневаюсь в том, что на свидание с мужчиной. Джеффу это не понравилось бы. Совсем не понравилось. Если б он обнаружил, что она обманывает его, что она не та маленькая невинная болтушка, какой казалась ему... что ж, мой тесть непростой человек. Он крепко держит себя в руках, однако любая власть над собой небеспредельна; однажды она способна отказать человеку. И тогда — иди и смотри!

Сэр Генри с любопытством глянул на него.

— Так вы симпатизируете ему или нет?

— Очень симпатизирую и в то же время возмущен им... Попытаюсь объяснить. Конвей Джефферсон любит власть над окружающими. Он — благодетельный деспот, добрый, щедрый, любящий... однако он сам заказывает музыку и требует, чтобы все под нее плясали. — Помолчав, Марк Гаскелл продолжил: — Я любил свою жену. И, наверное, не смогу никогда более

ощутить подобное чувство. Розамунда была как солнышко, смех и цветы одновременно, и когда она погибла, я ощутил себя боксером на ринге, получившим нокаутирующий удар. Однако рефери давно закончил свой счет. В конце концов, я — мужчина. Мне нравятся женщины. Я не испытываю даже малейшего желания снова жениться... И имею на это право. Мне пришлось ограничивать себя, однако я знал хорошие времена. В отличие от бедной Адди. Она по-настоящему хорошая женщина. Она из тех, на ком мужчины хотят жениться. Дайте ей половину шанса, и она снова выйдет замуж, и будет очень счастлива в браке, и принесет счастье своему мужу. Однако старина Джефф всегда видел в ней только жену Фрэнка и каким-то гипнозом заставил ее саму в это поверить. Он этого не понимает, но мы жили в тюрьме. Я вырвался из нее — втихую — довольно давно. Адди сделала это только нынешним летом, и это стало для старика ударом: рухнул весь его мир, и в результате появилась Руби Кин.

И он громко пропел:

Но Люси нет — и оттого
Так изменился свет¹.

---

¹ Строки из стихотворения У. Вордсворта «Люси», пер. С. Я. Маршака.

— Пойдемте выпьем, Клитеринг.

«Едва ли стоит удивляться, — подумал сэр Генри, — тому, что Марк Гаскелл является объектом подозрений полиции».

Глава 13

I

Доктор Меткалф был одним из самых известных врачей Дэнмута. Нельзя было сказать, что он обладает ярко выраженной врачебной повадкой, однако его появление в комнате больного неизменно производило благотворный эффект. Этот мужчина средних лет был наделен приятным голосом.

Внимательно выслушав Харпера, он ответил на его вопросы с благородной точностью.

— Итак, — спросил суперинтендант, — могу я считать, доктор Меткалф, что получил от миссис Джефферсон в основном точную информацию?

— Да, здоровье мистера Джефферсона вызывает серьезные опасения. В течение нескольких лет он не давал себе никакой пощады. Решив жить так, как живут все люди, он взял слишком большую скорость, чем положено обыкновенному человеку в его возрасте. Отказывался отдыхать, все принимал всерьез, не желал тормо-

зить — словом, отвергал все рекомендации, которые предлагали ему я или другие медицинские консультанты. И в результате превратился в надсаженный мотор. Его сердце, легкие, сосуды — все изношено.

— Вы хотите сказать, что мистер Джефферсон решительно отказывался слушать врачей?

— Да. И не думаю, что это говорит не в его пользу. Конечно, своим пациентам, суперинтендант, я говорю иначе, однако человек имеет столько же прав изнашиваться до дыр, как и рассыпаться ржавчиной. Так поступают многие мои коллеги, и поверьте на слово, это не столь уж плохой способ жить. В таком городе, как Дэнмут, рассчитываешь видеть другую картину: цепляющиеся за жизнь инвалиды, приходящие в ужас от перспективы переутомиться, посидеть на сквозняке, подхватить случайную инфекцию или съесть что-нибудь не то.

— Полагаю, что вы правы, — согласился суперинтендант Харпер. — Итак, мы имеем следующее: Конвей Джефферсон достаточно силен в физическом или, так сказать, мускульном плане... кстати, на что он способен в плане физической активности?

— Его руки и плечи колоссальны. До несчастного случая он обладал незаурядной силой. Он чрезвычайно ловко передвигается в своей инва-

лидной коляске, а с помощью костылей вполне способен добраться, к примеру, от кровати до кресла.

— Но разве с такими травмами, как у мистера Джефферсона, нельзя воспользоваться протезами?

— Не тот случай. У него поврежден позвоночник.

— Понятно. Подытожим еще раз. Джефферсон достаточно силен и ловок в мускульном плане. Он хорошо себя чувствует и так далее...

Меткалф кивнул.

— Но при этом сердце его находится в плохом состоянии: любое перенапряжение или утомление, шок или внезапный испуг могут отправить его на тот свет?

— Более или менее. Переутомление убивает его медленно, поскольку он не позволяет себе поддаться усталости. Это ухудшает состояние сердца. Едва ли усталость способна внезапно убить его. Однако внезапный шок или потрясение вполне способны справиться с этим делом. Вот почему я особо предупредил об этом его родственников.

— Однако на деле шок *не убил* его, — неторопливо проговорил Харпер. — Я хочу сказать, доктор, что не могу представить себе большего потрясения, но ваш пациент все еще жив.

Доктор Меткалф пожал плечами.

— Мне это известно. Однако мой опыт, суперинтендант, свидетельствует о том, что дать точный прогноз об исходе заболевания практически невозможно. Люди, которым *следует умирать* от неожиданного потрясения, *не умирают* от неожиданного потрясения и так далее, и так далее. Организм человека снабжен огромным запасом прочности. Более того, согласно моему опыту, *физическое* потрясение часто оказывается более фатальным, чем *умственное*. Иными словами, внезапно хлопнувшая дверь скорее погубит мистера Джефферсона, чем принесенное известие о смерти симпатичной ему девушки, следовавшей при особо жутких обстоятельствах.

— Почему, интересно знать?

— Ужасные новости почти всегда вызывают защитную реакцию со стороны психики. Жуткая весть настолько ошеломляет получившего ее, что поначалу он не способен воспринять ее. Полное понимание приходит с опозданием. Но хлопнувшая дверь, крыса, выскочившая из шкафа, внезапно появившийся на улице автомобиль, когда вы переходите дорогу, — все эти вещи требуют немедленной реакции. Говоря народным языком, сердце проваливается в пятки.

— Однако в общем мнении, — по-прежнему неспешно сказал Харпер, — смерть мисте-

ра Джефферсона вполне могла бы последовать в результате потрясения, вызванного смертью девушки...

— Ну да. — Доктор с любопытством посмотрел на собеседника. — Однако не стоит думать...

— Я и сам не знаю, что думать, — недовольным тоном бросил суперинтендант.

II

— Однако, сэр, вы должны признать, что оба события прекрасно согласуются друг с другом, — чуть позже сказал он сэру Генри Клитерингу. — Это как убить двух птиц одним камнем. Сперва — девушку, и факт ее смерти сводит в могилу мистера Джефферсона еще до того, как тот получил возможность изменить свое завещание.

— Так вы считаете, что он изменит его?

— Вам, сэр, это лучше знать, чем мне. Что скажете?

— Не знаю. Мне известно, что до того, как на сцене появилась Руби Кин, он завещал свои деньги пополам Марку Гаскеллу и миссис Джефферсон. Не представляю себе, каким образом он мог передумать. Однако, конечно, мог.

Суперинтендант Харпер согласился:

— Никогда не знаешь, какую неприятность сумеет человек раздобыть на собственную голо-

ву, а тем более если он не чувствует никакого нравственного долга в распределении своего капитала. Когда у него, как в данном случае, нет кровных родственников.

— Он симпатизирует мальчику, юному Питеру, — проговорил Клитеринг.

— И вы думаете, что он считает его своим внуком? Впрочем, вам виднее, сэр.

— Нет, я так не считаю, — неторопливо произнес сэр Генри.

— Я хотел бы спросить вас, сэр, еще кое о чем. Потому как не могу рассудить самостоятельно. Но они — ваши друзья, и вам лучше знать, насколько мистер Джефферсон симпатизирует мистеру Гаскеллу и молодой миссис Джефферсон. Никто не сомневается в том, что он был весьма привязан к ним, но, насколько я понимаю, привязанность эта объяснялась тем, что они были соответственно мужем его дочери и женой его сына. Что будет, например, в том случае, если кто-то из них заключит новый брак?

Поколебавшись, сэр Генри сказал:

— Интересный вопрос. Откровенно сказать, не знаю. И склоняюсь к мысли — это всего лишь предположение, — что отношение его существенно изменится. Он будет желать им добра, не затаит вражды, но да, конечно, в дальнейшем не будет проявлять к ним особого интереса.

Суперинтендант кивнул.

— В обоих случаях, сэр?

— Думаю, что да. В отношении мистера Гаскелла тут едва ли можно сомневаться и, скорее всего, также в отношении миссис Джефферсон, но в последнем случае подобной уверенности нет: он во многом симпатизировал ей ради нее самой.

— Здесь следует учесть фактор пола, — рассудил Харпер. — Ему легче воспринять ее как свою дочь, чем увидеть в мистере Гаскелле сына. Психологический закон. Женщины признают зятьев в качестве родственников достаточно просто, однако жен своих сыновей принимают за своих много реже... Что, если мы пройдем этой дорожкой, сэр, к теннисному корту? Вижу, там сидит мисс Марпл. Я хочу попросить ее кое-что сделать для меня. На самом деле я хочу вовлечь вас обоих.

— Во что вовлечь, суперинтендант?

— В получение информации, которую я не могу добыть самостоятельно. Я хочу, чтобы вы побеседовали за меня с Эдвардсом, сэр.

— С Эдвардсом? И что же вы от него хотите?

— Все, что может прийти вам в голову. Все, что он знает и что думает. Отношения между различными членами семьи, его точку зрения на дело Руби Кин... Внутренняя информация. Положение дел известно ему лучше, чем

кому бы то ни было. *Мне* он не скажет. А *вам* скажет: ведь вы — джентльмен и друг мистера Джефферсона.

— Он срочно вызвал меня сюда для того, чтобы узнать истину, — суровым тоном проговорил сэр Генри. — И я сделаю все от меня зависящее, чтобы узнать ее. А какой помощи вы хотите от мисс Марпл?

— Нужно поговорить с девушками... кое с кем из герлскаутов. Мы подобрали примерно с полдюжины близких подружек Памелы Ривз. Возможно, они что-то знают. Видите: я размышлял. И мне кажется, что если эта девушка действительно направлялась в «Вулворт», то попыталась бы уговорить поехать с собой какую-нибудь из подружек. Так что универмаг, возможно, был только предлогом. Но в таком случае мне хотелось бы знать, куда на самом деле собиралась Памела. Она могла ненароком проговориться. Ну а если так, никто лучше мисс Марпл не извлечет информацию из девчонок. Я бы сказал, что в девичьей психологии она разбирается лучше меня.

— Да, такая деревенская проблема придется по вкусу мисс Марпл. Согласитесь, она весьма проникательна.

Суперинтендант улыбнулся.

— Что да, то да. Мимо ее глаз ничто не проскользнет незамеченным.

Издали заметившая их приближение мисс Марпл энергично приветствовала обоих мужчин. Выслушав просьбу Харпера, она немедленно согласилась.

— Мне очень хотелось бы помочь вам, суперинтендант, и думается, *некоторую* пользу я могла бы принести. И в отношении воскресной школы, и в отношении брауни¹, и в отношении наших скаутов, и сиротского дома поблизости. Как вам, наверное, известно, я член комитета и часто захожу туда, чтобы побеседовать с экономкой и *слугами*. Обычно мне приходится иметь дело с молодыми девушками. О да, я умею заметить, когда девушка говорит правду, а когда о чем-то умалчивает.

— Более того, вы мастерица в этом деле, — заметил сэр Генри.

Мисс Марпл наделила его укоризненным взглядом и проговорила:

— *Пожалуйста*, не смейтесь надо мной, сэр Генри.

— Мне и в голову не может прийти смеяться над вами: слишком часто в прошлом право смеяться оставалось за вами.

— Слишком много зла совершается в деревне, — пробормотала в качестве объяснения мисс Марпл.

---

¹ Младшая возрастная группа организации герлскаутов — девочки 7–9 лет.

— Кстати, — заметил сэр Генри, — я выяснил тот вопрос, о котором вы меня просили. Суперинтендант рассказал мне, что в корзине для бумаг были обнаружены обрезки ногтей Руби.

— Вот как? — задумчиво проговорила пожилая дама. — Тогда, значит...

— Почему вы считаете это важным, мисс Марпл? — спросил суперинтендант.

— Дело в том, что, когда я осматривала труп, несколько деталей показались мне *странными*. Руки были какими-то не такими, и я сначала не могла понять *причину*. А потом я поняла, что такие ухоженные девушки обыкновенно отпускают очень длинные ногти. Конечно, мне известно, что девицы повсюду грызут свои ногти... это такая привычка, от которой трудно отучиться, но часто выручает тщеславие. И все же я предположила, что эта девушка не так уж *следила за собой*. А потом этот малыш Питер, как вы помните, сказал нечто такое, из чего следовало, что у нее *были* длинные ногти и один зацепился и обломился. Тогда, конечно, она могла обрезать и все остальные, чтобы подравнивать их... тут я и спросила про обрезки, и сэр Генри обещал выяснить этот вопрос.

— Вы только что упомянули о том, что при осмотре трупа *одна* деталь показалась вам странной, — заметил Клитеринг. — Какая же именно?

Мисс Марпл энергично кивнула:

— О да! Платье. Оно было *совершенно* неправильным.

Оба собеседника с интересом посмотрели на нее.

— Это почему же? — продолжил сэръ Генри.

— Видите ли, это было старое платье. Так сказала сама Джози, и я видела это собственными глазами, что оно было поношенным и довольно потертым. А это совершенно неправильно.

— Непонятно, почему.

Мисс Марпл чуть порозовела.

— Не правда ли, общая идея заключается в том, что Руби Кин переоделась и отправилась на свидание с тем, в кого предположительно «втюрилась», как говорят мои молодые племянники?

В глазах суперинтенданта блеснул огонек.

— Это теоретически. Свидание могло быть с кем угодно... с другом детства, к примеру.

— Тогда зачем ей понадобилось надевать старое платье? — спросила мисс Марпл.

Суперинтендант задумчиво поскреб голову.

— Теперь понимаю. Вы считаете, что она должна была надеть новое?

— Она должна была надеть свое лучшее платье. Так поступают все девушки.

— Да, но послушайте, мисс Марпл, — вступил в разговор сэръ Генри. — Предположим, что

свидание было связано с выездом из дома. Быть может, с прогулкой в открытой машине или по неровной дороге. И она не захотела рисковать новым платьем и надела старое.

— Вполне разумный поступок, — одобрил суперинтендант.

Мисс Марпл повернулась к нему и с уверенностью в голосе произнесла:

— Разум требует в подобном случае переодеться в брюки и пуловер или в костюм из твида. Это я говорю не из снобизма, но потому, что так неизбежно поступила бы девушка нашего круга. Хорошо воспитанная девушка, — уточнила она, воодушевленная темой разговора, — всегда очень внимательно следит за тем, чтобы в любой ситуации оказаться правильно одетой. То есть я хочу сказать, что каким бы жарким ни выдался день, благовоспитанная девушка никогда не явится на скачки в шелковом платье с цветочным узором.

— А в каком платье прилично идти на встречу с кавалером? — спросил сэр Генри.

— Если она встречается с ним в отеле или в таком месте, где носят вечерние платья, тогда, конечно, наденет свой лучший вечерний наряд, но *вне дома* вечерний костюм нелеп, и она воспользуется своим самым привлекательным спортивным костюмом.

— Это что до модной светской девушки, но Руби...

— По чести говоря, Руби, конечно, *не была* леди, — сказала Мисс Марпл. — Она принадлежала к тому слою, который надевает лучшее платье вне зависимости от того, насколько оно подходит к okazji. Знаете ли, в прошлом году мы устроили пикник под открытым небом у скал Скрэнтор. Удивительно, насколько неудачно оделись девушки. Фуляровые¹ платья, туфли из патентованной кожи и изящные шляпки. Это для того, чтобы лазить по камням среди утесника и вереска. А молодые люди — в своих лучших костюмах. Конечно, туризм — дело другое. Там используется практически униформа, и девушки совершенно не понимают, что шорты не идут им, если только они не изящны.

— И вы считаете, что Руби Кин... — неторопливо произнес суперинтендант.

— Я думаю, что она должна была остаться в том платье, в котором была, — в ее лучшем розовом. Она переделалась бы только в том случае, если б у нее нашлось что-нибудь поновее.

— И какое же вы можете дать объяснение этому факту, мисс Марпл? — спросил Харпер.

---

¹ Фуляр — тонкая шелковая ткань полотняного переплетения, отличающаяся особой мягкостью.

— Я еще не нашла его, однако ощущаю, что оно окажется важным, — ответила пожилая дама.

III

Урок тенниса за проволочной оградой, который давал Раймонд Старр, подошел к концу. Крепкая дама средних лет что-то благодарно пропищала, подобрала небесно-голубой кардиган и направилась в сторону отеля. Раймонд проводил ее несколькими веселыми словами. И только потом повернулся к скамье, на которой сидели трое зрителей. Сетка с мячами раскачивалась в его руке, ракетка была зажата под мышкой. Веселое радостное выражение исчезло с его лица, словно мел под прикосновением губки на грифельной доске, уступив место тревоге и заботе. Приблизившись к ним, он проговорил:

— Всё, закончил.

И снова просиял улыбкой — очаровательной, мальчишеской, выразительной, так гармонировавшей с его загорелым лицом и смуглой изящной фигурой. Сэр Генри невольно задумался, пытаясь сообразить, сколько же лет должно быть этому человеку... двадцать пять, тридцать, тридцать пять? Определенно сказать было невозможно.

— А знаете, играть *она* никогда не научится, — проговорил Раймонд, чуть качнув головой.

— Эти тренировки должны быть очень скучны для вас, — заметила мисс Марпл.

Раймонд не стал возражать:

— Бывает иногда. Особенно в конце лета. На какое-то время мысль об оплате помогает сохранить интерес, однако под конец даже она не способна подкрепить воображение.

Суперинтендант Харпер поднялся и отрывистым тоном произнес:

— Я вернусь за вами через полчаса, мисс Марпл, если вы не против.

— Нет, благодарю вас. Я буду готова.

Харпер направился прочь. Раймонд, проводив его взглядом, спросил:

— А можно, я чуть посижу?

— Садитесь, — разрешил сэр Генри. — Хотите сигарету?

Он протянул тренеру свой портсигар, при этом удивляясь, откуда у него в душе возникло легкое предубеждение против Раймонда Старра. Неужели это просто потому, что он профессиональный спортсмен и танцор? Но если и так, причиной был не теннис, а танцы. Англичанин, рассудил сэр Генри, не может доверять мужчине, умеющему очень хорошо танцевать. К тому же этот парень слишком изящно двигается. Рамон...

Раймонд... как его на самом деле зовут? Он задал собеседнику этот вопрос.

Тот улыбнулся.

— Первоначально моим сценическим именем было как раз Рамон. Рамон и Джози. Ради испанского колорита. Но поскольку иностранные имена вызывают некоторое предубеждение, я сделался Раймондом — в британском духе.

— Но на самом деле вас зовут как-то иначе? — спросила мисс Марпл.

Он снова улыбнулся.

— Рамон — мое настоящее имя. Моя бабушка родом из Аргентины.

«Это и объясняет движения его бедер», — невольно подумал сэра Генри.

— Но мое первое имя — Томас. Прозаично до боли... — Раймонд повернулся к сэру Генри. — А вы родом из Девоншира, не так ли, сэра? Из Стейна? Там живет моя родня — в Алсмонстоне.

Лицо сэра Генри просветлело.

— Так вы один из алсмонстонских Старров? А я и не догадывался...

— Я и не надеялся на это.

В голосе танцора прозвучала горькая нотка, и сэра Генри неловко спросил:

— Неудачи и все такое?

— Поместье продали после того, как оно принадлежало семье триста лет... Да, так и было! И все же, на мой взгляд, нам пора уходить. Мы пережили свое время, от нас нет никакой пользы. Мой старший брат уехал в Нью-Йорк, преуспевает там в издательском деле. А остальные разбрелись по всему свету. Я бы сказал, что в наши дни трудно найти работу, если у тебя нет за душой ничего, кроме аттестата средней школы. Иногда, если повезет, тебя могут взять клерком в приемную отеля. Там галстук и манеры считаются достоинством. Я сумел найти только одно место — в водопроводной компании. Продавал великолепные ванны персикового и лимонного цвета. Товар был отличный, однако я так и не выучил стоимость этих штуквин и время, в которое нам надлежит их поставлять клиентам, и меня уволили.

Оказалось, что я умею только играть в теннис и танцевать. Меня взяли в отель на Ривьере. Сборы были неплохими. Думал, дела мои идут хорошо. И тут я услышал, как старый полковник — настоящий старый полковник, древний, но до мозга костей британский полковник, ничего не знающий, кроме своей Пуны¹, — во всю командирскую глотку говорит управляющему: «Где *жиголо*? Мне

---

¹ Город в Индии, расположенный неподалеку от Мумбая (Бомбея).

нужен *жиголо*. Моя жена и дочь хотят танцевать, понимаешь. Где этот парень? Где он у вас прячется? Мне нужен *жиголо*». Глупо обращать внимание на такое. Но я запомнил. И проглотил. Потом перебрался сюда. Здесь платят меньше, однако обстановка приятнее. В основном приходится учить орудовать ракеткой шарообразных женщин, которые никогда, никогда не будут играть. Ну и танцевать с не пользующимися вниманием кавалеров дочерьми богатых клиентов! Что ж, такова жизнь, наверное. Простите неудачника за его повесть.

Он рассмеялся. Блеснули белые зубы, веселые морщинки разбежались от уголков глаз. Раймонд вдруг снова оказался полным счастья, здоровья и жизни.

— Рад началу нашего разговора, — сказал сэр Генри. — Я как раз хотел поговорить с вами.

— О Руби Кин? Знаете, ничем не могу помочь вам. Я не знаю, кто убил ее. И вообще не так много знаю о ней. Она со мной не откровенничала.

— Вы симпатизировали ей? — спросила мисс Марпл.

— Не очень. Но и не испытывал антипатии. — В голосе Раймонда звучала беспечная, беззаботная интонация.

— И у вас нет никаких идей? — спросил Клитеринг.

— Увы, да. В противном случае я рассказал бы

о своих подозрениях Харперу. Случившееся кажется мне одним из этих пустяков. Мелких и низких драм, не имеющих цели и мотива.

— Мотив имелся у двоих людей, — заметила мисс Марпл.

Сэр Генри резко глянул на нее.

— В самом деле? — удивился Раймонд.

Пожилая дама посмотрела на Клитеринга настойчивым взглядом, и тот против желания проговорил:

— Смерть ее может принести миссис Джефферсон и мистеру Гаскеллу приблизительно пятьдесят тысяч фунтов.

— Что? — Раймонд, казалось, был удивлен; нет, более чем удивлен — расстроен. — Ох, но это же нелепо, совершенно нелепо! Миссис Джефферсон... никто из них не мог иметь никакого отношения к убийству. Невозможно даже думать такое.

Мисс Марпл, кашлянув, негромко произнесла:

— Боюсь ошибиться, знаете ли, но вы, похоже, идеалист.

— Я? — Танзор расхохотался. — Что вы! Я — чистой воды циник.

— Деньги, — промолвила мисс Марпл, — весьма сильный мотив.

— Наверное, — согласился Раймонд. — Однако чтобы кто-то из этих двоих хладнокровно придушил девицу... — Он покрутил головой и поднялся

на ноги. — А вот и миссис Джефферсон. Сейчас ее время. Однако она опоздала. — Голос его был полон удивления. — На целых десять минут!

По дорожке к ним быстрым шагом приближались Аделаида Джефферсон и Хьюго Маклин. С улыбкой извинившись за опоздание, Адди вышла на корт. Маклин опустил на скамейку. Вежливо осведомившись у мисс Марпл, не будет ли она возражать, если он закурит, раскочегарил трубку и несколько минут задумчиво пыхтел ею, следя за движениями двух белых фигур по теннисному корту. Наконец проговорил:

— Понять не могу, зачем Адди нужны эти уроки. Поиграть — это неплохо, да. Я и сам не прочь. Но уроки-то зачем?

— Должно быть, хочет улучшить свою технику, — предположил сэр Генри.

— Она и так неплохо играет, — возразил Хьюго. — В любом случае достаточно хорошо. Да и ерунда все это, она же не намеревается выступать на Уимблдонском турнире. — Помолчав минуту-другую, он проговорил: — Да и кто такой этот Раймонд? Откуда они вообще берутся, эти тренеры? На мой взгляд, парень смахивает на даго¹.

---

¹ Даго — пренебрежительное прозвище итальянца, испанца, португальца.

— Он из девонширских Старров, — пояснил сэр Генри.

— Что? В самом деле?

Клитеринг кивнул.

Было понятно, что эта новость отчего-то была неприятна Хьюго Маклину. Хмурясь еще больше, чем прежде, он сказал:

— Не знаю, зачем Адди вызвала меня сюда. Вся эта история ее, похоже, нимало не расстроила. Даже на волосок. Зачем я ей понадобился?

— А когда она послала за вами? — с некоторым любопытством спросил сэр Генри.

— О... э... когда все это произошло.

— И каким образом она это сделала? По телефону или телеграммой?

— Телеграммой.

— Чисто любопытства ради... когда она ее отравила?

— Ну... не могу точно сказать.

— А когда вы получили ее?

— Собственно говоря, я ее не получал. На самом деле мне зачитали ее по телефону.

— Почему? Где же вы были?

— Дело в том, что я оставил Лондон за день до этого. И остановился в Данбери-Хед.

— Что? Здесь неподалеку?

— Да, забавно, не правда ли? Вернулся в отель после партии в гольф — и сразу же поехал сюда.

Мисс Марпл задумчиво смотрела на него. Маклину явно было жарко и неудобно.

— Я слышала, что в Данбери-Хед очень приятно и недорого, — проговорила она.

— Да, там недорого. Иначе я бы не смог позволить это себе. Тихое и уютное местечко.

— Надо бы как-нибудь съездить туда, — сказала мисс Марпл.

— Э?.. Что?.. Ах да, надо бы. — Маклин поднялся. — Пожалуй, лучше пройду, нагуляю себе аппетит.

И он неловкой поступью удалился.

— Женщины, — философски заметил сэр Генри, — подчас очень скверно обходятся со своими поклонниками.

Мисс Марпл улыбнулась, однако отвечать не стала.

— Вам не кажется, что Маклин несколько скучноват? — спросил Клитеринг. — Мне было бы интересно знать.

— Быть может, он человек несколько ограниченный в идейном плане, — заметила мисс Марпл. — Но с возможностями... мне кажется, определенно с возможностями.

Теперь с места поднялся уже сэр Генри.

— Пора мне идти и исполнить поручение. Вижу, к нам идет миссис Бантри... она и составит вам компанию.

IV

Долли явилась несколько запыхавшейся. Со вздохом опустившись на скамейку, она проговорила:

— Я опросила служанок. Но ничего не узнала... абсолютно ничего нового! Как, по-вашему, может ли девушка увлекаться молодым человеком так, чтобы во всем отеле никому не было известно об этом?

— Очень интересное соображение, моя дорогая. И я самым определенным образом отвечу — не может. Кто-нибудь что-нибудь да заметит... это верно. Однако она могла вести себя чрезвычайно осторожно.

Внимание миссис Бантри переключилось на теннисный корт.

— Адди явно прогрессирует в теннисе, — с одобрением произнесла она. — Привлекательный молодой человек этот тренер. И Адди неплохо смотрится. Она по-прежнему привлекательна. Не удивлюсь, если она опять выйдет замуж.

— Она станет достаточно богатой женщиной после смерти мистера Джефферсона, — заметила мисс Марпл.

— Ох, Джейн, не надо вечно говорить всякие гадости... Почему вы до сих пор не разрешили загадку? Мы совершенно никуда не движемся

с места. А я думала, что вы сразу все поймете. — В голосе миссис Бантри прозвучала укоризна.

— Нет-нет, моя дорогая, я поняла это не сразу, только по прошествии некоторого времени.

Миссис Бантри в изумлении повернулась к подруге и посмотрела на нее недоумевающими глазами.

— Вы хотите сказать, что уже знаете, кто убил Руби Кин?

— О да, — ответила мисс Марпл. — Я это знаю!

— Так кто же это сделал, Джейн? Сейчас же скажите мне.

Пожилая дама строго тряхнула головой и поджала губы.

— Простите меня, Долли, но так дело не пойдет.

— Почему же?

— Потому что вы очень неосторожная. Вы начнете рассказывать всем и вся, а если не расскажете, то хотя бы намекнете.

— Ну что вы в самом деле... я ни единой душе не скажу.

— Люди, первыми говорящие такие слова, в последнюю очередь исполняют их. В этом нет ничего хорошего, моя дорогая. Нам предстоит еще долгий путь. Многое еще остается неясным. Помните, как я когда-то так возражала против того, чтобы миссис Партридж собирала взносы на Красный

Крест, и не могла сказать почему. Причина заключалась в том, что она дергала носом точно так, как моя служанка Алиса, когда я отправляла ее платить по счетам. Всегда отдавала им на шиллинг меньше и говорила, чтобы перенесли на следующую неделю... именно так поступила и миссис Партридж, только в более крупном масштабе. Она присвоила целых семьдесят пять фунтов.

— При чем тут миссис Партридж? — возмутилась Долли.

— Для примера, чтобы я могла объяснить вам. Если хотите, дам вам намек. Беда этого дела в том, что все вокруг слишком доверчивы и легковыверны. Нельзя позволять себе верить всему, что говорят люди. Когда пахнет чьей-нибудь выгодой, я не стану верить вообще никому. Потому что слишком хорошо знаю человеческую природу.

Миссис Бантри помолчала минуту-другую, а потом произнесла уже с другой интонацией:

— Я же говорила вам — разве не так, — что не представляю себе причины, мешающей мне насладиться ситуацией? Настоящее убийство в моем доме! Ведь подобная ситуация более не повторится.

— Надеюсь, что нет, — проговорила мисс Марпл.

— Ну, и я тоже на самом деле. Одного раза довольно. Но это мое убийство, Джейн. И я на-

мереваюсь в полной мере воспользоваться ситуацией.

Пожилая дама коротко взглянула на нее. Миссис Бантри воинственным тоном произнесла:

— Вы мне не верите?

— Ну что вы, Долли, раз уж вы мне так говорите, — промолвила ласковым тоном мисс Марпл.

— Да, но вы ведь никогда не верите тому, что говорят вам люди, так ведь? Вы сама только что так сказали... Ну, ладно, вы правы, — в голосе миссис Бантри вдруг возникла горькая нотка. — Я все-таки не полная дура. Вы можете думать, Джейн, что я не знаю, что говорят в Сент-Мэри-Мид, да и по всему графству! Все дружно судачат о том, что нет дыма без огня, что раз девушку обнаружили в библиотеке Артура, значит, Артур должен что-то знать об этом. Они говорят, что девушка была любовницей Артура; что она — его внебрачная дочь; что она шантажировала его; говорят все, что может прийти им в голову. И так будет продолжаться и продолжаться! Артур пока этого не понимает, даже не замечает, что произошло. Мой милый старый дурачок настолько глуп, что ему и в голову не придет, что люди способны подумать о нем подобные вещи. На него будут посматри-

вать свысока — как бы это ни происходило... при случае отворачиваться!.. тогда-то до него помаленьку дойдет... он придет в ужас, ощутит боль всею душой, после чего замкнется в своей раковине и будет просто изо дня в день влачить свое существование. Именно потому, что все это произойдет с ним, я и приехала сюда, чтобы выяснить все, что смогу. Это убийство должно быть раскрыто! Если этого не произойдет, рухнет вся жизнь Артура, а я не могу допустить, чтобы это произошло. Не могу! Не могу! Не могу! — Умолкнув на мгновение, она произнесла: — Я не могу позволить, чтобы он прошел через ад за преступление, которого не совершал. И я явилась в Дэнмут и оставила его дома единственно ради того, чтобы найти истину.

— Я знаю это, моя дорогая, — проговорила мисс Марпл. — И нахожусь здесь также по этой причине.

Глава 14

I

В тихой гостиничной комнате Эдвардс почтительно внимал сэру Генри Клитерингу.

— Эдвардс, мне хотелось бы задать вам ряд вопросов, однако сначала я хочу, чтобы вы в точно-

сти поняли мое положение здесь. Прежде я был комиссаром полиции и работал в Скотленд-Ярде. Теперь я нахожусь в отставке. Ваш хозяин послал за мною после того, как случилась эта трагедия. Он попросил меня воспользоваться моими познаниями и опытом для разрешения ситуации.

Клитеринг умолк. Эдвардс, не отрывая от лица собеседника взгляда умных бесцветных глаз, чуть склонил голову.

— Именно так, сэр Генри.

Тот продолжил неторопливым размеренным тоном:

— Во всех полицейских делах всегда присутствует информация, о которой умалчивается... умалчивается по различным причинам — потому что она затрагивает скелеты в семейном шкафу, потому что оказывается не имеющей отношения к делу, потому что смущает собой ту или иную из заинтересованных сторон.

— Именно так, сэр Генри, — снова сказал Эдвардс.

— Надеюсь, теперь вы в точности понимаете основные моменты этого дела. Убитая девушка должна была вот-вот сделаться приемной дочерью мистера Джефферсона. Двое людей были заинтересованы в том, чтобы это не произошло. Эти двое — мистер Гаскелл и миссис Джефферсон.

Глаза камердинера на мгновение блеснули.

— Могу ли я спросить, находятся ли они под подозрением, сэр?

— Арест им не угрожает, если вы имеете в виду именно это. Однако полиция обязана рассматривать их в качестве подозреваемых *до завершения выяснения всех обстоятельств дела.*

— Неприятная ситуация для них обоих, сэр.

— Очень неприятная. Но чтобы узнать истину, необходимо выяснить *все* обстоятельства дела. И многое зависит — *не может не зависеть* — от действий, слов и жестов мистера Джефферсона и его родных. От того, как они себя чувствуют, что обнаруживают, что говорят... Поэтому, Эдвардс, мне хотелось бы услышать от вас внутреннюю, семейную информацию, такие сведения, какими можете обладать только вы. Вам известны настроения вашего хозяина. Наблюдая за их сменой, вы, наверное, сможете определить их причину. Я прошу вас об этом не в качестве полисмена, а как друг мистера Джефферсона. То есть, если сказанное вами окажется с моей точки зрения не относящимся к делу, я не стану делиться этой информацией с полицией.

Он умолк.

— Я понял вас, сэр, — спокойно ответил Эдвардс, — вы хотите, чтобы я говорил с вами

вполне откровенно, поделился такими сведениями, которые я не стал бы открывать при нормальном течении дел и которые в таком случае — простите меня, сэр, — *вы* не надеялись бы даже услышать.

— Вы очень умный человек, Эдвардс, — сказал Клитеринг. — Именно это я и хотел вам сказать.

Помолчав минуту-другую, слуга заговорил:

— Конечно же, теперь я знаю мистера Джефферсона довольно хорошо. Я провел у него на службе достаточно лет. И видел его как во «включенном», так и в «выключенном» виде. Иногда, сэр, я задавал себе в уме вопрос: а разумно ли сопротивляться судьбе так, как это делает мистер Джефферсон? Это требует от него колоссальных усилий, сэр. Если б иногда он позволял себе сдаться, побыть несчастным, одиноким, надломленным стариком, в конечном итоге это могло бы оказаться благом для него. Однако для капитуляции он слишком горд. Он пойдет на дно, сражаясь, — таков его девиз. Однако подобный образ жизни, сэр Генри, приводит к уйме нервных реакций. Внешне он выглядит вполне мирным джентльменом, однако мне приходилось видеть его охваченным такой яростью, что он едва мог говорить. И до столь бурной реакции, сэр, его доводил единственный предмет — обман.

— Вы говорите это по какой-то особой причине, Эдвардс?

— Да, сэр. По особой причине. Вы просили меня говорить откровенно.

— Это так.

— Ну, тогда, сэр Генри, с моей точки зрения, та молодая женщина, которую мистер Джефферсон так возвысил, не стоила этого. Откровенно говоря, в ней не было ничего особенного. И она ничуть не дорожила вниманием мистера Джефферсона. Вся ее привязанность и благодарность являлась чистой водой подделкой. Не могу сказать, что она была настолько уж плоха, но в ней не имелось ни капли того, что вообразил себе мистер Джефферсон. Это было даже забавно, сэр, ибо мистер Джефферсон — проницательный джентльмен; он нечасто обманывается в людях. Однако джентльмен не всегда трезв в своем суждении, когда речь заходит о молодой женщине. Младшая миссис Джефферсон, понимаете ли, к которой он всегда относился с большой симпатией, этим летом явно переменялась. Он это заметил и был уязвлен. Понимаете ли, она всегда нравилась ему. К мистеру Марку он никогда не испытывал большой привязанности...

— И тем не менее держал его при себе? — перебил его Клитеринг.

— Да, но это было ради мисс Розамунды. То есть миссис Гаскелл. Он в ней души не чаял. Обожал ее. Мистер Марк был мужем мисс Розамунды. И позже мистер Джефферсон всегда представлял его себе именно в этом качестве.

— Ну а если бы Гаскелл женился на ком-то еще?

— Мистер Джефферсон пришел бы в ярость, сэр.

Сэр Генри приподнял брови:

— Даже так?

— Он не показал бы этого, но был бы разгневан.

— А если бы замуж вышла миссис Джефферсон?

— Мистер Джефферсон также не одобрил бы ее поступок, сэр.

— Прошу вас, Эдвардс, продолжайте.

— Я говорил, сэр, что мистер Джефферсон увлекся этой молодой женщиной. Я часто видел, как такое случается с джентльменами, на которых работал. Это какое-то подобие заразы. Им сразу хочется покровительствовать девице, защищать ее, проливать на нее дождь благодеяний, хотя в девяти случаях из десяти она превосходно умеет позаботиться о себе сама и прекрасно осознает свой шанс.

— Итак, вы считаете Руби Кин интриганкой?

— Знаете, сэр Генри, она была совершенно неопытна при всей своей молодости, однако у нее были задатки великолепной интриганки, которой она могла бы стать, так сказать, в пору своего расцвета. Еще через лет пять она стала бы мастером этой игры.

— Рад слышать ваше мнение о ней. Оно представляет для меня ценность. А теперь, можете ли вы припомнить любые неприятные ситуации, когда эта тема обсуждалась мистером Джефферсоном и членами его семьи?

— Обсуждения, собственно, не было, сэр. Мистер Джефферсон, объявив о своем намерении, не допустил никаких протестов. То есть заткнул рот мистеру Марку, выразившемуся излишне откровенно. Миссис Джефферсон много не говорила — она женщина сдержанная — и только попросила его ничего не делать поспешно.

Клитеринг кивнул.

— Что-нибудь еще? А какова была реакция самой девушки?

Камердинер с заметной неприязнью промолвил:

— Я бы назвал ее ликующей, сэр Генри.

— Ах так, говорите, ликующей? А у вас не было причин, Эдвардс, — он поискал приемлемую для камердинера формулировку, — подо-

зреть, что симпатии ее принадлежали другому объекту?

— Мистер Джефферсон не предлагал ей брак, сэр. Он намеревался удочерить ее.

— Оставим пока в покое объект... но вопрос остается.

— Один такой случай *был*, сэр, — неторопливо произнес камердинер. — Я оказался свидетелем тому.

— Это интересно. Рассказывайте.

— Возможно, в этом ничего нет, сэр. Просто однажды эта молодая женщина полезла в свою сумочку и выронила небольшую фотокарточку. Мистер Джефферсон взял ее в руки и проговорил: «Котенок, это кто, а?» Это было фото, сэр, молодого человека, темноволосого и непричесанного, при очень плохо повязанном галстуке. Мисс Кин изобразила, что ничего не знает, и сказала: «Не имею представления, Джеффи. Абсолютно не имею. Не знаю, как это фото попало в мою сумочку. *Я* его туда не клала». Ну, мистер Джефферсон, сэр, он же не дурак. Объяснение оказалось неудовлетворительным. Он рассердился, насупился и сердитым голосом проговорил: «Ну-ну, котенок, ну-ну. *Ты* прекрасно знаешь, кто это». И она немедленно сменила тактику, сэр. Испугалась и сказала: «Да, сейчас я его узнала. Иногда он приез-

жает сюда, и я танцевала с ним. Я не знаю его имени. Получается, что этот идиот однажды запихнул свою карточку в мою сумку... Глупые мальчишки способны на любую выходку!» Затем она тряхнула головой, захихикала и замяла разговор. Однако отговорка ее не была вполне убедительной, правда? И я не думаю, чтобы мистер Джефферсон поверил ей. После этого он раз-другой посмотрел на нее острым таким взглядом, а потом, когда она уходила из отеля, спрашивал, где была.

— А вам случилось видеть в отеле «оригинал» того фото? — спросил Клитеринг.

— Не знаю, сэр. Конечно, я не слишком часто бываю внизу, в общественных местах.

Сэр Генри кивнул. Он задал Эдвардсу еще несколько вопросов, однако тот не сумел ничего более сказать ему.

II

В Дэнмуте в полицейском участке суперинтендант Харпер допрашивал Джесси Дэвис, Флоренс Смолл, Беатрис Хенникер, Мэри Прайс и Лилиан Риджуэй. Девочки примерно одного возраста, чуть различающиеся по менталитету. Дочери селян, фермеров, лавочников. Все они, одна за другой, рассказали одну и ту же исто-

рию. Памела Ривз вела себя как всегда; она ничего не говорила им, кроме того, что направляется в «Вулворт» и вернется домой поздним автобусом.

В уголке кабинета суперинтенданта Харпера устроилась пожилая леди. Девочки почти не замечали ее. А если и замечали, то не знали, кто она. К полицейским чинам старушка явно не принадлежала. Возможно, они считали, что, подобно им самим, она является вызванной на допрос свидетельницей.

Когда последнюю из них выставили за дверь, Харпер утер лоб и посмотрел на мисс Марпл. Взгляд его спрашивал, однако в нем не было надежды. Мисс Марпл тем не менее уверенно произнесла:

— Я хочу поговорить с Флоренс Смолл.

Суперинтендант поднял брови, но кивнул и взялся за колокольчик, после чего сказал явившемуся констеблю:

— Флоренс Смолл.

Тот вернулся вместе с девочкой. Она была дочерью преуспевающего фермера — высокая светловолосая девочка с несколько глуповатым ртом и испуганными карими глазами. Флоренс то сплетала, то расплетала пальцы и явно нервничала. Харпер посмотрел на мисс Марпл, та кивнула. Суперинтендант поднялся и проговорил:

— Эта леди задаст тебе несколько вопросов.

После чего вышел, закрыв за собой дверь.

Смолл испуганно посмотрела на мисс Марпл. Глаза ее чем-то напоминали глаза принадлежавших отцу телок.

— Садись, Флоренс, — сказала мисс Марпл.

Девчушка послушно села. Неосознанно она вдруг почувствовала себя дома, более свободной. Непривычная, пугающая атмосфера полицейского участка вдруг сменилась чем-то более знакомым: привычным командным тоном старшего, имеющего право приказывать.

— Флоренс, — произнесла мисс Марпл, — ты понимаешь, что для всех нас крайне важно, чтобы стали известны все подробности того, что делала Памела в день своей смерти?

Флоренс пробормотала, что понимает это.

— И я могу не сомневаться в том, что ты сделаешь все возможное, чтобы помочь нам?

Девочка сказала, что, конечно же, сделает, но в глазах ее промелькнуло настороженное выражение.

— Утаивать от следствия любую информацию — значит совершать очень серьезное преступление, — добавила мисс Марпл.

Флоренс, нервно перебирая пальцами лежавших на коленях рук, раз или два судорожно глотнула.

— Я могу допустить, — продолжила мисс Марпл, — что ты естественным образом волнуешься, потому что тебя вызвали в полицию. Ты также боишься того, что тебя будут осуждать за то, что ты ничего не сказала раньше. Возможно, ты также опасешься и того, что тебя будут осуждать, что ты вовремя не остановила Памелу. Но ты должна быть смелой девочкой и рассказать все, что знаешь. А если ты откажешься рассказывать то, что тебе известно, то совершишь очень серьезное преступление, называемое дачей ложных показаний, за которое можно попасть в тюрьму.

— Я... я не...

— Не пытайся вилить, Флоренс! — строго сказала мисс Марпл. — Рассказывай мне все, что знаешь! Памела не собиралась идти в «Вулворт», так?

Флоренс облизала губы сухим языком и полным мольбы взглядом ведомого на убой телят посмотрела на пожилую даму.

— Это было что-то связанное с кино, так? — спросила мисс Марпл.

Выражение огромного облегчения, смешанного с трепетом, появилось на лице Флоренс. Она сдалась и выдохнула:

— *О да!*

— Так я и думала, — сказала мисс Марпл. —

А теперь я хочу, чтобы ты рассказала мне все подробности.

Слова потоком хлынули из уст Флоренс:

— Ой, я никогда так не волновалась. Понимаете, я обещала Пам, что никому и слова не скажу. А потом, когда ее нашли сгоревшей в этом автомобиле, это было ужасно, и я подумала, что лучше умереть... что во всем виновата я. Потому что я должна была остановить ее. Только мне даже и в голову не приходило, что могло случиться что-то плохое. А потом, когда меня спросили о том, какая она была в тот день, я ответила, что совершенно обыкновенная, не успев даже подумать. И не успев ничего сказать тогда, как я могла сказать что-то потом? И вообще я ничего на самом деле не знаю, кроме того, что сказала мне Пам.

— А что сказала тебе Пам?

— Ну, мы шли с ней на слет по дороге к автобусу. Она спросила меня, могу ли я сохранить ее секрет, я сказала «да», и она заставила меня поклясться в этом. После слета Пам собиралась в Дэнмут пробоваться на роль в фильме! Она встретила кинорежиссера из самого Голливуда, вот так. Ему нужна была девочка определенного типа, и он сказал Пам, что искал как раз такую, как она. Однако предупредил ее о том, чтобы она не была заранее

уверена в успехе. Он сказал, что нельзя ничего сказать до тех пор, пока не увидишь, как человек получается на пленке. Могло вообще ничего не получиться. Роль, по его словам, была такая, что для нее нужна была девочка. Школьница там менялась местами с актрисой ревью и делала удивительную карьеру. Пам играла в школьных спектаклях и делала это ужасно здорово. Он сказал, что, по его мнению, она способна играть, однако сперва придется прилично потрудиться. И еще сказал, что не стоит рассчитывать на одни пироги и пышки — предстоит усердная работа, и надо самой решить, способна ли она на это.

Флоренс Смолл остановилась, чтобы перевести дух. Мисс Марпл с легким отвращением выслушала бойкий пересказ бесчисленных романов и киносюжетов. Памелу Ривз, как и всех других девочек, конечно, предупреждали о том, что нельзя разговаривать с незнакомыми людьми, однако обаяние кино развеяло должные опасения.

— Он держался совершенно по-деловому, — продолжила Флоренс. — Сказал, что если она пройдет пробу, то с ней заключат контракт, и поскольку она молода и неопытна, то должна будет посоветоваться с адвокатом, прежде чем его подписывать. Потом он спросил ее, бу-

дут ли возражать ее родители. Пам ответила, что, наверное, будут. И он ответил, что в таком возрасте это неудивительно, однако если объяснить им, что подобный удивительный шанс выпадает один на миллион, то они поймут, что это разумно. Но тем не менее он сказал, что не стоит ничего им говорить до тех пор, пока не станут ясны результаты пробы. И потом, не стоит унывать, если ничего не получится. Он рассказал ей про Голливуд и Вивьен Ли, о том, как та покорила Лондон и как происходят сенсационные восхождения к славе. Он сам вернулся из Америки для того, чтобы поработать со студией «Лемвилл» и вдохнуть живой огонек в английские кинокомпании.

Мисс Марпл кивнула. Флоренс продолжила:

— Вот как все было уговорено. Пам после слета должна была отправиться в Дэнмут, встретиться с ним в отеле и отправиться в студию. Он сказал ей, что в Дэнмуте у них есть небольшая студия. Она пройдет пробу и на автобусе вернется домой. Она может сказать, что отправилась по магазинам, а он в ближайшие несколько дней известит ее о результатах пробы... и если они окажутся благоприятными, его босс, мистер Хармстейтер, приедет и переговорит с ее родителями... Ну, конечно, все это было слишком прекрасно. Я прям позеленела от зависти! Пам весь

слет держалась невозмутимо, прямо как поке-ристка. Мы так ее и зовем. А потом сказала девочкам, что идет в Дэнмут, в «Вулворт», и подмигнула мне. Я видела, как она пошла по тропе... — Флоренс залилась слезами. — Я должна была, должна была остановить ее! Я должна была понять, что таких сказок на свете не бывает! Я должна была сказать ей это! Я должна была все рассказать кому-нибудь... О боже, как мне теперь жить!

— Ну-ну, не надо. — Мисс Марпл похлопала девочку по плечу. — Всё в порядке. Никто не станет обвинять тебя, Флоренс. Ты поступила правильно: всё рассказала мне.

Несколько минут ей потребовалось на то, чтобы успокоить девочку. А еще через пять минут она пересказала услышанную историю Харперу. Выслушав ее до конца, суперинтендант изрядно помрачнел.

— Умный черт, — проговорил он. — Но я испорчу ему настроение!.. Картина приобретает совершенно другой облик.

— Совершенно верно.

Харпер искоса посмотрел на собеседницу:

— Вас это не удивляет?

— Я рассчитывала на то, что услышу нечто подобное, — сказала мисс Марпл.

— А что заставило вас выделить именно эту девочку? — поинтересовался Харпер. — Все они были насмерть перепуганы, и разницы между ними не было никакой.

— Вам не приходилось выслушивать столько вранья от девиц, сколько довелось выслушать мне, — мягким тоном произнесла мисс Марпл. — Флоренс, если вы помните, смотрела вам прямо в глаза, держалась прямо и, как все прочие, переступала на месте. Но вы не следили за тем, как она пошла к двери. Я сразу поняла: ей есть что скрывать. Они почти всегда расслабляются слишком рано. Как моя служаночка Джанет. Она вполне убедительно, глядя тебе в глаза, расскажет, что это именно мыши объели край пирога, и выдаст себя, расплывшись в улыбке возле двери.

— Весьма благодарен вам, — проговорил Харпер и задумчивым тоном добавил: — Стало быть, студия «Лемвилл», так?

Ничего не ответив, мисс Марпл поднялась на ноги.

— Боюсь, что мне надо спешить, — заявила она. — Рада, что сумела помочь вам.

— Вы возвращаетесь в отель?

— Да, чтобы собраться. Я должна вернуться в Сент-Мэри-Мид настолько возможно быстрее. Там у меня будет много дел.

Глава 15

I

Мисс Марпл вышла через французское окно¹ своей гостиной, прошла по опрятной тропке сквозь сад, миновала калитку, затем вошла в калитку сада викария, проследовала через сад к окну гостиной и осторожно постучала в стекло. Викарий трудился в своем кабинете над воскресной проповедью, однако его жена, молодая и хорошенькая, наслаждалась продвижением своего чада по коврику у камина.

— Можно войти, Гризельда?

— Ах, ну конечно, мисс Марпл. Только *посмотрите* на Дэвида! Он умеет ползти только в обратную сторону и от этого сердится. Хочет до чего-нибудь добраться, но чем больше старается, тем дальше отползает к угольному ящику.

— Очень милый малыш, Гризельда.

— Во всяком случае, не так уж и плох, правда? — проговорила юная мать, стараясь придерживаться безразличного тона. — Но я не стараюсь много *возиться* с ним. Во всех книгах написано, что ребенка нужно по возможности предоставлять самому себе.

---

¹ Фактически дверь, выходящая, например, на веранду.

— Это очень разумно, моя дорогая, — согласилась пожилая дама. — Но я пришла для того, чтобы узнать, есть ли сейчас что-нибудь новое в области сбора пожертвований.

Жена викария посмотрела на нее с некоторым удивлением.

— О, куча всего, — проговорила она бодрым тоном. — Как всегда, — и принялась загибать пальцы. — Итак, реставрация церкви и миссии Сент-Джайлса, а в следующую среду продажа работ, затем помощь одиноким матерям, выезд на природу бойскаутов, поддержка Гильдии швей и по просьбе епископа сбор средств для рыбаков, трудящихся в далеком море.

— Подойдет любой сбор, — проговорила мисс Марпл. — Я решила сделать небольшой кружок с книжкой для пожертвований, если вы позволите мне.

— У вас есть какая-то цель?.. Полагаю, что да. Конечно же, я не возражаю. Пусть будет продажа работ; будет здорово получить реальные деньги взамен жутких мешочков, смешных перочисток, унылых детских костюмчиков и метелок для пыли, изображающих кукол... Интересно было бы услышать, — продолжила Гризельда, провожая свою гостью к окну, — зачем вам это понадобилось?

— Потом, моя дорогая, — ответила мисс Марпл и поспешила прочь.

Молодая мать со вздохом вернулась на каминный коврик и, следуя принципам строгого воспитания, три раза боднула своего сына в живот, в ответ на что тот вцепился в ее волосы и блаженно заверещал. Вместе они принялись возиться на ковре, но тут отворилась дверь, и служанка викария известила ее о прибытии самой влиятельной из прихожанок, которая детей не любила, словами:

— *Миссус* в гостиной.

После чего Гризельда села и постаралась приобрести вид достойный и более подобающий жене викария.

II

Мисс Марпл, сжимая в руке небольшую черную книжицу с карандашными пометками, торопливо шагала по деревенской улице к перекрестку. Там она повернула налево и, миновав «Синего вепря», направилась к Четсуорту, он же «новый дом мистера Букера». Свернув в ворота, она подошла к входной двери и отрывисто постучала. Дверь открыла молодая блондинка по имени Дина Ли. В этот раз она была не столь аккуратно накрашена и даже казалась слегка неопрятной. На ней были серые широкие брюки и изумрудного цвета джемпер.

— Доброе утро, — бодрым и приветливым тоном промолвила мисс Марпл. — Можно я зайду на минутку?

С этими словами она шагнула вперед, так что Дина Ли, несколько озадаченная посещением, не получила даже мгновения на обдумывание ответа.

— Очень вам благодарна, — просияла мисс Марпл, дружелюбно улыбаясь и осторожно присаживаясь на антикварный бамбуковый стул. — Согласитесь, для этого времени года довольно жарко? — продолжила она, сочась дружелюбием.

— Ну да. Довольно жарко, — согласилась мисс Ли. В полной растерянности она открыла шкатулку и предложила гостье сигарету: — Не хотите ли?

— Весьма благодарна, но я не курю. Я зашла к вам, знаете ли, чтобы узнать, не поможете ли вы нашей распродаже работ, которая должна состояться на следующей неделе.

— Распродаже работ? — проговорила Дина Ли так, как произносят фразу на иностранном языке.

— В викариате, — продолжила мисс Марпл. — В следующую среду.

— Ох! — Челюсть мисс Ли отвисла. — Боюсь, что не смогу вам помочь...

— Хотя бы немного... не подпишетесь ли хотя бы на полкроны? — Мисс Марпл показала свою маленькую книжицу.

— О... э... ну да. Это мне по силам. — Девушка посмотрела на нее с облегчением и полезла в сумочку за деньгами.

Острый взгляд мисс Марпл обежал комнату.

— Смотрю, у вас нет коврика перед камином, — сказала она.

Дина Ли повернулась к гостье. Она не могла не ощутить того, что старая леди внимательно исследует ее, однако ощущение это не могло вызвать в ней ничего, кроме легкой досады. Заметив это, мисс Марпл сказала:

— Но это опасно, знаете ли. Вылетающие искры могут прожечь большой ковер.

«Забавная старая кошка», — подумала Дина; вслух же произнесла вполне дружелюбным тоном, хотя и несколько неопределенно:

— Раньше здесь был коврик. Не знаю, куда он девался.

— Надо думать, — продолжила мисс Марпл, — он был такой шерстяной и пушистый?

— Овечий, — сказала Дина. — Был похож на овчину.

Теперь ей стало весело. Забавная старушонка. Она протянула мисс Марпл полукрону:

— Вот возьмите.

— О, благодарю вас, моя дорогая. — Пожилая дама приняла монету и открыла свою записную книжицу. — Э... какое имя запишем?

Взгляд Дины вдруг сделался жестким и през-

рительным. Пронырливая старая кошка, решила она. Затем только и явилась сюда, чтобы затеять скандал. И она четко и ясно проговорила — даже со злобным удовлетворением:

— Мисс Дина Ли.

Мисс Марпл оделила ее спокойным взглядом и произнесла:

— Это дом мистер Бэзила Блейка, не так ли?

— Да, а я — мисс Дина Ли! — Голос женщины был полон вызова, голова откинута назад, синие глаза сверкали.

Пожилая дама посмотрела на нее еще более спокойно и сказала:

— Позвольте ли вы мне дать вам совет, пусть даже он может показаться вам неуместным?

— Я сочту его неуместным. Так что лучше ничего не говорите.

— Тем не менее я скажу, — ответила мисс Марпл. — Я советую вам — очень советую — не пользоваться в деревне вашим девичьим именем.

Дина уставилась на нее.

— Что... что вы хотите этим сказать?

Тон голоса мисс Марпл был полон искренности.

— В самое ближайшее время вам потребуется вся симпатия и доброе отношение, которое вы сумеете найти в людях. Это будет важно и для вашего мужа, хотя о нем-то будут думать хорошо. Согласно общему предрассудку, в старо-

модных сельских краях испытывают неприязнь к живущим вместе, но не женатым парам. Вам было забавно, смею сказать, изображать себя подобным образом. Это отталкивало от вас людей, так что вас не беспокоили всякие старые перенестицы, как вы, думаю, их называли. Тем не менее и в старых перенестицах есть свой смысл.

— Но откуда вы *узнали*, что мы женаты? — возмутилась Дина.

Мисс Марпл покровительственно улыбнулась.

— Ах, моя дорогая...

— Как вы узнали? — настаивала на своем Дина. — Вы ведь не ходили... не ходили же в Сомерсет-хауз¹?

В глазах мисс Марпл на миг зажегся огонек.

— Сомерсет-хауз? Ну нет. Впрочем, несложно было и *догадаться*. В деревне, как вам известно, все происходит на виду. И... э... ваши ссоры типичны для начала совместной жизни. И достаточно... *достаточно* нехарактерны для незаконных связей. Говорят, знаете ли, — и, думаю, вполне справедливо, — что подлинно узнать человека можно, только соединившись с ним браком. Когда *законная* связь отсутствует, люди держатся более осторожно; им приходит-

---

¹ Здание в Лондоне, в котором располагалось бюро регистрации актов гражданского состояния.

ся убеждать себя самих в том, как они счастливы и какой покой их окружает. Понимаете ли, им приходится оправдывать себя. Они не смеют ссориться! Женатые люди, как я заметила, обожают свои баталии и... э... последующее примирение.

И она смолкла, мирно моргая.

— Ну, я... — Дина умолкла и расхохоталась, затем села и раскурила сигарету. — Нет, вы — полная прелесть! — проговорила она. — Но зачем вам понадобилось, чтобы мы следовали правилам респектабельности?

С серьезным выражением на лице мисс Марпл произнесла:

— Потому что ваш муж в любое мгновение может быть арестован по обвинению в убийстве.

III

Какое-то мгновение Дина, не веря своим ушам, просто смотрела на мисс Марпл. А потом недоверчивым тоном спросила:

— Бэзил? В убийстве? Вы шутите?

— Нет,нисколько. Вы не читали газеты?

Дина затаила дыхание.

— Вы про эту девушку из отеля «Маджестик»? И хотите сказать, что Бэзила подозревают в ее убийстве?

— Да.

— Но это же какая-то ерунда!

Около дома затормозила машина, хлопнула калитка. Бэзил Блейк настезь распахнул дверь и вошел в дом с бутылками в руках.

— Вот принес джин и вермут. А ты...

Он умолк, глядя неверящими глазами на чопорную и прямую гостью.

Дина выдохнула.

— Скажи — она сумасшедшая? Она говорит, что тебя собираются арестовать за убийство этой Руби Кин.

— О боже! — воскликнул Бэзил Блейк. Бутылки посыпались из его рук на диван, Попятившись, он рухнул в кресло и прикрыл лицо руками, повторяя: «О боже мой! О боже мой!»

Дина метнулась к нему и потрянула за плечи.

— Бэзил, посмотри на меня! Это неправда! Я знаю, это не может быть правдой! Я и на мгновение не верю ее словам!

Он взял ее руки в свои.

— Спасибо тебе, дорогая.

— Но почему они так решили... ты ведь даже не был знаком с ней, так?

— О нет, они были знакомы, — возразила мисс Марпл.

— Тихо, старая ведьма! — свирепым тоном отозвался Бэзил. — Слушай, Дина, слушай, моя дорогая. Я почти не был знаком с ней. Просто

раз или два встречались в «Маджестике». И всё, клянусь тебе, всё!

— Ничего не понимаю, — произнесла взволнованная Дина. — Как тогда они могут подозревать тебя?

Бэзил застонал и, прикрыв руками глаза, принялся раскачиваться из стороны в сторону.

— А что вы сделали с каминным ковриком? — спросила мисс Марпл.

— Отправил в мусорный ящик, — механическим тоном ответил он.

Пожилая дама недовольно прищелкнула языком.

— Глупо, очень глупо. Люди не выбрасывают хорошие каминные коврики. Значит, в нем остались волокна из ее одежды, так?

— Да, я не сумел вытащить все эти нитки.

— О чем ты говоришь? — закричала Дина.

— Спрашивай у нее, — угрюмо ответил Бэзил. — Похоже, она все знает.

— Ну, если хотите, могу рассказать, что здесь случилось, по моему мнению, — сказала мисс Марпл. — Если я ошибусь, можете поправить меня, мистер Блейк. Насколько я понимаю, после бурной ссоры с женой и основательно... э... перебрав, вы приехали сюда. Не знаю, в каком это было часу...

— Около двух утра, — так же угрюмо отозвался Бэзил Блейк. — Я намеревался сперва заехать

в город, а потом, добравшись до пригорода, передумал, решив, что Дина может приехать сюда за мной. Ну, и вернулся сюда. Во всем доме было темно. Я открыл дверь, включил свет и увидел... увидел... — Он судорожно вздохнул и умолк.

— Вы увидели девушку, лежавшую на каминном коврике, — продолжила мисс Марпл. — Задушенную девушку в белом вечернем платье. Не ведаю, узнали ли вы тогда ее или нет...

Бэзил лихорадочно тряхнул головой.

— Мне хватило первого взгляда. Лицо ее почернело и распухло; она была мертва давно... но лежала *в моей комнате!* — Он поежился.

Мисс Марпл мягким тоном проговорила:

— Вы, конечно, были не совсем в себе. Вы находились в состоянии опьянения, и нервы ваши перенапряглись. На мой взгляд, вами просто овладела паника. Вы не знали, что делать.

— Я подумал, что в любую минуту может возвратиться Дина. Обнаружив меня перед мертвым телом, телом девушки, она решила бы, что это я убил ее. И тут меня осенила идея. Не знаю, почему она показалась мне в тот момент очень хорошей. Я подумал: а не отнести ли мне ее в библиотеку старого Бантри? Чертов надменный старый пень всегда смотрит на меня свысока и осмеивает, называя женственным и артистичным. «Пусть теперь старый дурак попляшет, — подумал я. — Хорош видок у него будет, когда мер-

твая милашка окажется на его каминном коврикe»... Я был пьян все это время, понимаете ли, — добавил он с патетическим желанием все объяснить. — И сценка «Старина Бантри и мертвая блондинка» показалась мне действительно забавной.

— Да-да, — закивала головой мисс Марпл. — Похожая идея пришла в голову маленькому Томми Бонду. Очень чувствительный мальчик, к тому же наделенный комплексом неполноценности, он считал, что учительница нарочно досаждаеt ему. Поэтому и запустил лягушку в ее ходики, и та выпрыгнула на несчастную даму. Вы сделали почти то же самое, — продолжила мисс Марпл, — только мертвое тело, конечно, будет посерьезнее, чем лягушка.

Снова простонав, Бэзил продолжил:

— К утру я протрезвел и понял, что натворил. Я был в панике. А потом сюда явился полисмен... еще один помпезный осел в облике главного констебля. Я так боялся его, что сумел отделаться только посредством самой отвратительной грубости. И посреди всей этой катавасии появляется Дина...

Последняя выглянула в окно:

— К дому подъехала машина. В ней находятся несколько мужчин.

— Надо думать, полиция, — решила мисс Марпл.

Бэзил Блейк поднялся. К нему внезапно вернулись спокойствие и решительность. Даже чуть улыбнувшись, он сказал:

— Значит, за мной, так? Дина, дорогая, не теряй головы. Ступай к старому Симсу, нашему семейному адвокату, а потом к моей матери и сообщи ей о нашем браке. Она тебя не покусает. И не беспокойся, *я никого не убивал*. Поэтому все будет в порядке, так, моя милая?

Во входную дверь дома постучали.

— Входите, — ответил Бэзил.

Вошел инспектор Слэк в обществе еще одного полисмена.

— Мистер Бэзил Блейк?

— Да.

— У меня есть ордер на ваш арест по обвинению в убийстве Руби Кин в ночь на двадцатое сентября сего года. Предупреждаю, что любые произнесенные вами слова могут быть использованы на суде. А теперь прошу последовать со мной. Вам будут представлены все возможности общения с вашим адвокатом.

Бэзил кивнул, посмотрел на жену, не прикасаясь к ней, и сказал:

— Ну, пока, Дина.

Железные нервы, отметил про себя инспектор Слэк. Удостоверив присутствие мисс Марпл легким кивком и пожеланием доброго утра, он невольно подумал: «Итак, *она* здесь, эта старая

умная кошка; значит, занимается нашим делом. Хорошо, что мы обнаружили каминный коврик. К тому же сторож при студийной парковке сообщил, что Блейк оставил вечеринку не в полночь, а в одиннадцать часов. Не будем думать, что все его дружки осознанно дали ложные показания. Они были в подпитии, а раз сам Блейк на следующее утро твердо сказал им, что уехал в двенадцать часов, они поверили ему. Итак, *этот* гусь спекся надежно и бесповоротно. Надо думать, у него что-то не так с головой. Так что скорее в Бродмур¹, чем на виселицу. Сперва разделался с этой несчастной девочкой Ривз... скорее всего, задушил ее, довез до каменоломни, пешком вернулся в Дэнмут, сел в собственную машину, оставленную где-нибудь с краю, съездил на свою вечеринку, потом вернулся в Дэнмут, привез сюда Руби Кин, задушил ее и отволок в библиотеку старого Бантри; там сообразил, что не стоит вот так оставлять машину в каменоломне, поджег ее и вернулся сюда. Обезумел от похоти и кровожадности... Повезло же *этой* девице — жива осталась. Надо думать, какая-нибудь рекуррентная мания».

Оставшись вдвоем с мисс Марпл, Дина Блейк повернулась к ней и сказала:

---

¹ Один из трех известных в Англии психиатрических госпиталей.

— Я не знаю, кто вы, однако прошу понять следующее: *Бэзил этого не делал*.

— Я знаю это, — ответила пожилая дама. — И знаю, кто убил эту девушку *на самом деле*. Однако доказать это будет нелегко. Мне кажется, что кое-какие сказанные вами слова могут помочь мне; они намекнули на связь, которую я пытаюсь обнаружить. Итак, попробуем повторить?..

Глава 16

I

— Я вернулась, Артур! — возвестила миссис Бантри, с истинно королевским апломбом распахивая дверь в кабинет мужа.

Полковник немедленно вскочил на ноги, чтобы поцеловать жену, и вполне искренне объявил:

— Хорошо, хорошо, даже великолепно!

Свое приветствие он произнес безупречно, в превосходной манере, однако любящая и обладающая внушительным семейным стажем жена не могла обмануться и немедленно спросила:

— Что-нибудь случилось?

— Нет, конечно же, нет, Долли. А что вообще может случиться?

— Ох, ну не знаю, — не вдаваясь в подробности, ответила миссис Бантри. — Все складывается так странно, не правда ли?

С этими словами она сбросила с плеч пальто, полковник Бантри аккуратно подхватил его и повесил на спинку дивана. Все в точности как обычно, да не совсем. Ее собственный муж, подумала миссис Бантри, как бы усох... истощал, согнулся, под его глазами появились мешки, да и глаза эти не стремились соприкоснуться взглядом с ее глазами. И с той же деланой бодростью он спросил:

— Ну как, хорошо ли ты провела время в Дэнмуте?

— О, было так весело... Жаль, что ты не поехал со мной, Артур.

— Не мог отлучиться из дома, моя дорогая. Слишком за многим надо здесь приглядывать.

— Тем не менее мне кажется, что перемена места пошла бы тебе на пользу. Потом, тебе нравятся Джефферсоны...

— Да-да, бедолага... А какой хороший человек! Как все это печально...

— А что ты делал здесь, пока меня не было дома?

— О, ничего особенного; ездил, сама знаешь, по фермам. Согласился поставить Андерсону новую крышу. Там больше нечего латать.

— А как прошло заседание Редфордширского совета?

— Ну... на самом деле я не ездил туда.

— *Не ездил?* Но ты же должен был председательствовать?!

— Дело в том, Долли, что произошла какая-то ошибка. Меня спросили, не буду ли я возражать против Томпсона.

— *Понятно*, — проговорила миссис Бантри и, стащив с руки перчатку, преднамеренно швырнула ее в корзину для бумаг. Когда муж склонился над корзинкой, чтобы достать перчатку, она остановила его, резким тоном бросив: — Оставь, терпеть не могу перчатки.

Полковник Бантри с сомнением посмотрел на жену.

— А в четверг ты обедал у Даффов? — спросила та суровым тоном.

— Ах, это?.. Обед отложили, у них заболела кухарка.

— Глупые люди, — проговорила миссис Бантри. — А вчера ты ездил к Нейлорам?

— Я позвонил сам и сказал, что плохо себя чувствую и надеюсь, что они простят меня. Они простили.

— Значит, простили, говоришь? — ледяным тоном проговорила миссис Бантри.

Сев возле стола, она рассеянным движением подобрала пару садовых ножниц и по одному отрезала ими пальцы своей второй перчатки.

— *Что* ты делаешь, Долли?

— Пребываю в разрушительном настроении, — ответила миссис Бантри и встала. — Где мы будем отдыхать после обеда, Артур? В библиотеке?

— Ну, э... не знаю... в гостиной тоже неплохо.

— А мне кажется, — проговорила миссис Бантри, — что мы будем отдыхать в библиотеке.

Она посмотрела мужу в лицо. Полковник Бантри распрямился в полный рост. В глазах его промелькнула искра.

— Ты права, моя дорогая. Мы проведем послеобеденный досуг в библиотеке!

II

Миссис Бантри с полным досады вздохом опустила телефонную трубку. Она уже дважды звонила мисс Марпл, однако той все не было и не было дома. От природы нетерпеливая, Долли была не из тех, кто легко смиряется с поражением. И потому она, одному за другим, позвонила викарию, миссис Прайс Ридли, мисс Хартнелл, мисс Уэзерби и в качестве последней меры торговцу рыбой, который благодаря преимуществам, дарованным географическим положением собственной лавки, знал все, что происходило в деревне. Рыботорговец с сожалением признал, что с самого утра не видел мисс Марпл в деревне. Она не совершала свой обыкновенный обход.

— И где может быть эта женщина? — вслух возмутилась миссис Бантри.

За спиной ее почтительно кашлянули. Корректный Лорример негромко произнес:

— Вы спрашивали о мисс Марпл, мадам? Я только что заметил, что она приближается к нашему дому.

Долли бросилась к входной двери, настезь распахнула ее и, задыхаясь, приветствовала мисс Марпл.

— Я ищу вас *повсюду*. Где вы были?

Она оглянулась: Лорриммер уже тактично исчез.

— Все совершенно ужасно! Люди начинают отворачиваться от Артура. Он *стареет* на глазах. Мы *должны* что-нибудь сделать, Джейн. *Вы* должны нам помочь!

— Можете ни о чем не беспокоиться, Долли, — ответила мисс Марпл с весьма непривычной в ее устах интонацией.

В дверях кабинета показался полковник Бантри.

— А, мисс Марпл... Доброе утро. Рад, что вы пришли. Моя жена непрерывно звонит вам.

— Я подумала, что надо принести вам новости, — проговорила пожилая дама, входя в кабинет следом за миссис Бантри.

— Какие новости?

— Бэзил Блейк только что был арестован за убийство Руби Кин.

— Бэзил Блейк? — воскликнул полковник.

— Однако он не совершал убийства, — заметила мисс Марпл.

Мистер Бантри не обратил внимания на по-

следнюю фразу. Можно было даже усомниться в том, что он услышал ее.

— Вы хотите сказать, что он удавил эту девушку, а затем подкинул ее в мою библиотеку?

— Он подбросил ее в вашу библиотеку, — согласилась мисс Марпл, — но при этом не убивал ее.

— Ерунда. Если он подбросил ее в мою библиотеку, то, конечно же, и убил! Одно следует из другого!

— Необязательно. Он нашел ее мертвой в собственном доме.

— Ничего себе история, — возмущенным тоном произнес полковник. — Если ты находишь труп, естественным будет позвонить в полицию — если ты честный человек.

— Так, — согласилась мисс Марпл, — однако не у всех такие железные нервы, как у вас, полковник Бантри. Вы человек старой школы. Молодое поколение уже не такое.

— В них нет нашей выдержки, — подтвердил полковник, повторяя свое привычное мнение.

— Некоторым из них, — заметила мисс Марпл, — пришлось пережить нелегкие времена. Я слышала о Бэзиле много хорошего. Еще восемнадцатилетним он принимал участие в воздушной обороне. Он вошел в горящий дом и одного за другим вывел четверых детей. Потом вернулся за собакой, хотя ему говорили, что это

небезопасно. Дом обрушился прямо на него. Его вытащили, но он получил сильный удар по груди, и после этого ему пришлось долго лежать в гипсе. Именно тогда он и заинтересовался дизайном.

— Даже так! — Полковник кашлянул и прочистил нос. — Я... э... не знал этого.

— Он об этом не рассказывает, — проговорила мисс Марпл.

— Э... вполне справедливо и правильно. Значит, в этом молодом человеке кроется много больше, чем я предполагал. Похоже, что мне следует быть осторожнее в переходе к выводам. — Полковник Бантри был явно пристыжен. — И все же, — негодование вернулось к нему, — что он думал, пытаясь повесить убийство *на меня*?

— Едва ли Бэзил воспринимал собственный поступок подобным образом, — проговорила мисс Марпл. — Он видел в нем некую шутку. Видите ли, в этот момент молодой человек находился в состоянии алкогольного опьянения.

— Значит, набрался, так? — переспросил полковник Бантри с присущей англичанину симпатией к алкогольным эксцессам. — Ну что ж, не стоит судить человека по тому, что он делает пьяным. Помню, в Кембридже я выставил известный сосуд... ладно, не будем об этом. Но шум вышел изрядный... — Усмехнувшись, он взял себя в руки

и посмотрел на мисс Марпл проницательным взором. — Так *вы* считаете, что он не имел никакого отношения к убийству, а?

— Я уверена в том, что он не убивал.

— И вы считаете, что знаете убийцу?

Мисс Марпл кивнула.

Миссис Бантри, подобно экстатическому греческому хору, обратилась к глухому миру со словами:

— Разве это не удивительно? Ну, и кто это сделал?

— Я намеревалась просить вас помочь мне, — произнесла мисс Марпл. — На мой взгляд, неплохо было бы прокатиться в Сомерсет-хауз.

Глава 17

I

На лице сэра Генри застыло весьма серьезное выражение.

— Мне это не нравится, — проговорил он.

— Я понимаю, — сказала мисс Марпл, — этот метод нельзя назвать ортодоксальным. Но дело настолько важно, не правда ли, что необходимо *увериться* в том, что «себя вдвойне я обеспечу», как написал Шекспир¹. Мне кажется, что мистер Джефферсон не будет возражать...

---

¹ Шекспир, «Макбет», пер. С.М. Соловьева.

— А как насчет Харпера? Будет ли он участвовать?

— Знать слишком много ему не нужно. Но должен быть намек с вашей стороны, чтобы он проследил за некоторыми людьми, приставил к ним агента... ну, сами знаете.

— Да, это будет уместно, — неторопливо проговорил Клитеринг.

II

Харпер внимательно посмотрел на сэра Генри.

— Давайте проясним отношения, сэр. Вы дадите мне намек?

— Я передаю вам то, — ответил Клитеринг, — о чем меня только что информировал мой друг, отнюдь не конфиденциально. Завтра он намеревается посетить в Дэнмуте солиситора, чтобы составить новое завещание.

Кустистые брови суперинтенданта опустились едва ли не на глаза.

— Намеревается ли мистер Конвей Джефферсон известить о своем намерении своих зятя и невестку? — спросил он.

— Он намеревается проинформировать их сегодня вечером.

— Понятно. — Харпер постучал перьевой ручкой по столу. — Понимаю. — Его пронзительные глаза впились в глаза собеседника. — Итак,

вы не удовлетворены обвинением в отношении Бэзила Блейка?

— А вы?

Усы суперинтенданта шевельнулись.

— А мисс Марпл?

Мужчины переглянулись, и Харпер сказал:

— Вы можете предоставить это дело мне. Я проинструктирую своих людей. Никакого легкомыслия не будет, это я могу вам обещать.

— Есть еще одна вещь, посмотрите-ка, — произнес Клитеринг.

Расправив сложенный лист бумаги, он пододвинул его по столу к собеседнику.

На сей раз спокойствие оставило суперинтенданта: он присвистнул.

— Вот это да, ничего не скажешь... Этот факт полностью меняет положение дел. Как вам удалось раскопать это?

— Женщины, — сказал сэр Генри, — особенно интересуются браками.

— В особенности пожилые старые девы, — добавил суперинтендант.

III

Конвей Джефферсон посмотрел на вошедшего друга. На его мрачном лице появилась улыбка.

— Ну, я все сказал им. Они все прекрасно поняли, — заявил он.

— И что ты им сказал?

— Я сказал им, что, поскольку Руби умерла, я решил, что предназначавшиеся ей первоначально пятьдесят тысяч фунтов должны пойти на нечто связанное с ее памятью. Например, на общежитие для молодых танцовщиц, работающих в Лондоне. Чертовски глупый способ помещения денег. Я удивился тому, как они это слопали, хотя и не собирался этого делать. — Затем он задумчиво добавил: — Знаешь, я действительно сваял дурака с этой девушкой. Должно быть, старею и глупею... Теперь я это понимаю. Она была милой девочкой, однако бóльшую часть того, что я видел в ней, я вложил в нее сам. Решил, что она заменит мне Розамунду... А почему? Потому что волосы того же цвета. Однако ни того же сердца, ни того же ума... Передай-ка мне эту газету; там интересная задача по бриджу.

IV

Спустившись вниз, сэр Генри задал швейцару вопрос.

— Мистер Гаскелл, сэр? Недавно отъехал в своем автомобиле. У него дела в Лондоне.

— А, понимаю... Миссис Джефферсон у себя?

— Миссис Джефферсон отошла ко сну, сэр.

Сэр Генри оглядел фойе и бальный зал. В холле Хьюго Маклин хмурился над кроссвордом.

В танцевальном зале Джози мужественно улыбалась в лицо взмокшего массивного кавалера, стараясь сохранить свои изящные ноги от его медвежьей поступи. Танец явно приносил толстяку удовольствие. Изящный и усталый Раймонд танцевал с анемичной и аденоидной девушкой с тусклыми каштановыми волосами, одетой в дорогое и чрезвычайно не шедшее ей платье.

— *А теперь пора спать,* — промурлыкал Клитеринг себе под нос и направился вверх по лестнице.

V

Пробило три часа ночи. Ветер улегся, над тихим морем светила луна. В спальне Конвея Джефферсона, распростершегося на подушках, не было слышно ни звука, кроме его собственного дыхания. Легкий ветерок с моря не мог шевельнуть занавески — и тем не менее они шевельнулись, разошлись на мгновение, и лунный свет обрисовал темный силуэт. Занавески сомкнулись. Все снова притихло, однако теперь, кроме Конвея, в комнате находился кто-то еще. Незванный гость украдкой подбирался все ближе и ближе к постели. Глубокое дыхание старика не изменилось. Не было слышно ни звука, ни единого звука. Указательный и большой пальцы одной руки были готовы ухватить складку кожи, другая держала наготове шприц.

И вдруг появившаяся из теней рука сомкнулась на руке с иглой, другая железным обручем обхватила фигуру. Бесстрастный голос, голос закона произнес:

— Нет, не надо! Этот шприц мне нужен!

Зажегся свет, и Конвей Джефферсон бросил с подушек мрачный взгляд на убийцу Руби Кин.

Глава 18

I

— Как новый Ватсон, я хочу познакомиться с вашей методикой, мисс Марпл, — заявил сэр Генри Клитеринг.

— А мне хотелось бы узнать, что именно навело вас на след, — продолжил суперинтендант Харпер.

— Боже, вы опять сделали это, мисс Марпл, — восхитился полковник Мелчетт. — Я хочу услышать все с самого начала.

Пожилая дама разгладила чистый шелк своего лучшего вечернего платья. Она сияла, улыбалась и казалась очень застенчивой.

— Боюсь, что вы сочтете мою «методику», как только что выразился сэр Генри, ужасно любительской. Видите ли, правда заключается в том, что большинство людей, из числа которых нель-

зя исключить полисменов, слишком доверчивы к этому падшему миру. Они верят тому, что им говорят. Я же никогда не верю. И мне всегда нравится доказывать себе собственную правоту.

— Прямо-таки научный подход, — прокомментировал сэр Генри.

— В нынешнем деле, — продолжила мисс Марпл, — некие выводы были приняты за данность с самого начала; надо же было просто следовать фактам. А факты, какими я видела их, гласили, что жертва была совсем молода, что она грызла ногти и что зубы ее чуть выступали, как часто бывает у молодых девиц, если только их вовремя не поправили специальной пластинкой; а дети очень не любят свои пластинки и часто снимают их, когда на них не смотрят старшие...

Но я отвлеклась от темы. На чем я остановилась?.. О да, я смотрела на мертвую девушку, ощущая жалость, как бывает всегда, когда пресекается столь юная жизнь, и думая о том, насколько же мерзок тот, кто сделал это. Конечно, ситуация была очень неловкой — убитая находилась в библиотеке полковника Бантри, — хотя и слишком книжной, чтобы оказаться *правдой*. На деле это было отклонением от плана. Ситуация *не должна была* развиваться подобным образом, что запутало нас поначалу. Идея заключалась в том, чтобы подбросить тело несчастному Бэзилу Блейку, куда бо-

лее подходящей кандидатуре в убийцы, и то, что он перенес бедную девушку в библиотеку полковника, замедлило расследование и должно было стать источником неудовольствия для *подлинного* убийцы. Видите ли, согласно плану, первым объектом подозрений должен был стать мистер Блейк. Они навели справки в Дэнмуте, нашли, что он знал убитую девушку, а потом обнаружили, что он связался с другой особой. Согласно их замыслу, Руби должна была явиться к нему с целью шантажа или чего-нибудь в этом роде, и он якобы должен был задушить ее в припадке ярости. Вполне ординарное в своем убожестве преступление, достойное *ночного клуба!* Но теперь план *полетел в тартарары* и внимание следствия слишком рано переключилось на семейство Джефферсон, к великой досаде *известной вам личности.*

Как я уже говорила, у меня ужасно подозрительная натура. Мой племянник Раймонд — в шутку, конечно, — говорит, что мой ум напоминает ему *выгребную яму*, и утверждает, что все викторианцы такие. Я могу сказать ему в ответ только то, что викторианцы кое-что понимали в человеческой природе. Соответственно, располагая столь антисанитарным — или же наоборот? — *санитарным* умом, я попыталась посмотреть на дело с точки зрения *денег.* Смерть девушки становилась благодеянием для двоих человек, и от этого

никак нельзя было отвертеться. Пятьдесят тысяч фунтов стерлингов представляют собой уйму денег, особенно тогда, когда ты пребываешь в затрудненном финансовом положении, в каком находились оба этих человека. Ну, конечно, они производили впечатление хороших и приличных людей и не казались *подходящими* кандидатурами в преступники, хотя как знать, не так ли?

Возьмем, например, миссис Джефферсон. Очень симпатичная дама. Однако вполне очевидно, что этим летом ею овладело беспокойство, что она устала от своего образа жизни, от полной зависимости от своего свекра. Она знала со слов доктора, что он *долго не протянет*, и это было отлично, если говорить откровенно, или *было бы* отлично, если б на сцене не появилась Руби Кин. Миссис Джефферсон всю душу отдала своему сыну, а некоторые женщины отчего-то полагают, что преступления, совершенные ради своих отпрысков, считаются едва ли не морально оправданными. В нашей деревне раз или два мне приходилось сталкиваться с подобными случаями. «Ну, как же, — говорят они, — я сделала все это ради Дейзи», — как будто подобными словами можно оправдать любое сомнительное поведение. Полная духовная *распущенность*.

Мистер Марк Гаскелл, конечно, являл собой куда более удобную отправную точку, если мож-

но так выразиться. Он — игрок и в таком качестве, по моему мнению, не обладал высоким нравственным кодексом. Однако по некоторым причинам я придерживалась того мнения, что преступление совершила *женщина*.

Таким образом, с точки зрения мотива вопрос денег предоставлял мне удобный угол зрения. И потому я без особой радости обнаружила, что у обоих имелось алиби на то время, когда Руби Кин, согласно медицинским свидетельствам, встретила свою смерть. Однако вскоре обнаружилась сожженная машина с телом Памелы Ривз, и передо мной открылась вся картина. Алиби, конечно, ничего не стоили.

Теперь в моих руках оказались две *половинки* дела, обе весьма убедительные, однако никак не согласующиеся между собой. Соединяющая их связь *должна была* существовать, однако я не могла нащупать ее. Единственная личность, которая, по моему мнению, была замешана в преступлении, не имела мотива. Это было глупо с моей стороны, — задумчиво проговорила мисс Марпл. — Если б не Дина Ли, мне даже в голову не пришла бы самая очевидная на свете мысль. Сомерсет-хауз! Брак! Речь шла не просто о мистере Гаскелле или миссис Джефферсон, но о возможности их дальнейших *браков*. Если один из этих двоих оказывался в браке или даже про-

сто намеревался вступить в него, тогда в преступлении могли оказаться замешанными их супруги. Раймонд, например, вполне искренне считает, что у него есть шанс жениться на богатой наследнице. Он неумоимо старался обаять миссис Джефферсон, и, как мне кажется, именно его чары пробудили ее от долгого вдовства. Она была вполне удовлетворена положением дочери при мистере Джефферсоне. Как Руфь и Ноеминь из библейской Книги Руфи, только Ноеминь, если помните, помогла Руфи устроить достойный брак.

Помимо Раймонда, существовал еще и мистер Маклин. Миссис Джефферсон весьма симпатизировала ему, и мне казалось вполне вероятным, что она в итоге и выйдет за него замуж. Он не слишком обеспечен, но в интересующую нас ночь находился не слишком далеко от Дэнмута. Посему можно было подумать, — продолжила мисс Марпл, — что преступление мог совершить кто угодно из этих двоих. Но я, конечно, уже знала отгадку, поскольку не могла оставить без внимания эти обгрызенные ногти.

— Ногти? — переспросил сэр Генри. — Но она ведь обломала один из них и обрезала остальные...

— Ерунда, — возразила мисс Марпл. — Ногти обгрызенные и ногти коротко остриженные не имеют между собою ничего общего! Это вам под-

твердит всякий, кто когда-нибудь видел обкусанные ногти... уродливые, отвратительные, как я всегда говорю девочкам в своем классе. Эти ногти стали решающим *фактом*. И это могло означать только одно. *Труп в библиотеке полковника Бантри не имел никакого отношения к Руби Кин.*

И этот факт привлекает наше внимание еще к одной заинтересованной персоне: к *Джози!* Она опознавала тело. Она знала... не могла не знать, что это была не Руби Кин. Она сказала другое. Она была озадачена, полностью озадачена тем, *где* обнаружился труп. И практически проговорилась. Почему? Да потому, что ей было прекрасно известно, *где* ему полагалось обнаружиться! В доме Бэзила Блейка. Кто перевел наше внимание на Бэзила? Джози, сказавшая Раймонду, что Руби могла быть с этим киношником. И перед тем подбросившая его карточку в сумочку Руби. Джози! Джози... *проницательная, расчетливая, жестокая, готовая на все ради денег.*

Поскольку труп не имел отношения к Руби Кин, он должен был оказаться телом другого человека. Кого же? Второй пропавшей девушки. Памелы Ривз! Руби было восемнадцать, Памеле — шестнадцать. Обе вполне здоровые, не совсем созревшие, но крепкие и мускулистые. Однако зачем потребовалась вся эта суета, спросила я у себя самой? Причина могла быть только

одна: чтобы предоставить кое-кому алиби. Кто располагал алиби на время смерти Руби Кин? Марк Гаскелл, миссис Джефферсон и Джози.

Мне было на самом деле интересно проследить ход событий, в точности выяснять подробности плана. Одновременно сложного и простого. Во-первых, выбор этой бедной девочки, Памелы; подход к ней под углом кино. Проба на роль — несчастный ребенок просто не мог не поддаться подобному искушению, поданному ей в столь ненавязчивой манере, как это сделал Марк Гаскелл. Она приходит в отель, он уже ждет ее, вводит через боковую дверь и представляет Джози, эксперта в области косметики! Бедная девочка... мне становится дурно, когда я думаю о том, как она сидела в ванной Джози, пока та красила ее волосы, наводила грим на лицо, красила ногти на руках и ногах. Потом ей дали наркотик... с мороженым и содовой, должно быть. Девочка впала в забытье. Должно быть, ее положили в одной из свободных комнат напротив. Помните, в них убирают всего раз в неделю?

После обеда Марк Гаскелл отправился на автомобиле вдоль берега, как *он* сказал. В эту поездку он взял с собой Памелу, отвез ее в дом и оставил, одетой в одно из старых платьев Руби, на коврике перед камином. Она была *еще жива*, но находилась в забытье, когда он задушил ее по-

ясом платья. В этом нет ничего хорошего, однако я от всей души надеюсь, что она даже не заметила этого. И мне даже приятно представлять петлю на его шее. Это произошло примерно сразу после десяти вечера. После этого Гаскелл на всей скорости помчался назад, в фойе, в котором еще живая Руби Кин танцевала показательный танец с Раймондом. Думаю, что Джози заранее дала Руби все необходимые инструкции. Та привыкла исполнять все, что ей рекомендовала Джози. Ей следовало переодеться, перейти в комнату Джози и ждать. Ее также одурманили — по всей видимости послеобеденным кофе. Помните, она зевала, разговаривая с молодым Бартлеттом?

Потом Джози вместе с Раймондом поднимается наверх, чтобы найти ее, однако *только сама Джози входила в собственную комнату*. Она, наверное, и прикончила девушку инъекцией или ударом по затылку. Потом сошла вниз — и танцевала с Раймондом, гадала вместе с Джефферсонами о том, где может находиться Руби, и наконец отправилась спать. Рано утром она передела убитую в одежду Памелы, спустила тело вниз по боковой лестнице... она женщина молодая и крепкая; взяла машину Джорджа Бартлетта, проехала две мили до каменоломни, облила машину бензином и подожгла ее. А затем вернулась пешком в отель, возможно под-

гадав так, чтобы оказаться там к восьми часам. Дескать, рано встала, беспокоясь о Руби!

— Сложный замысел, — прокомментировал полковник Мелчетт.

— Не более сложный, чем па какого-нибудь танца, — возразила мисс Марпл.

— Не думаю.

— Она действовала очень тщательно, — сказала пожилая дама. — Даже обратила внимание на разницу в состоянии ногтей Руби и Памелы. Вот почему она постаралась обломать один из них о свою шаль. Это позволило ей утверждать, что Руби коротко остригла ногти.

— Да, она продумала все, — проговорил Харпер. — И вы располагали единственным доказательством в виде остриженных ногтей девочки...

— Более того, — продолжила мисс Марпл. — Люди часто *бывают* излишне разговорчивыми. Вот и Марк Гаскелл говорил слишком много. Говоря о Руби, он сказал, что зубы ее были едва заметны, однако у мертвой девушки, обнаруженной в доме полковника Бантри, они выступали наружу.

— А драматический *финал* также был вашей идеей, мисс Марпл? — сурово спросил Конвей Джефферсон.

— Ну, по сути дела, да. Как прекрасно *увериться* в том, что ошибки нет, так ведь?

— Ошибки нет, — мрачным голосом подтвердил старик.

— Видите ли, — проговорила мисс Марпл, — как только эти двое узнали о том, что вы собираетесь составлять новое завещание, им *пришлось* перейти к действиям. Они уже совершили *два* убийства из-за денег и вполне могли пойти на третье. Марк, конечно, должен был находиться вне всяких подозрений, поэтому он отправился в Лондон и устроил себе алиби, отобедав в ресторане с друзьями и отправившись после того в ночной клуб. Они хотели, чтобы смерть Руби оставалась на счету Бэзила, вот почему мистер Джефферсон должен был отправиться к праотцам из-за сердечного приступа. Как сообщил мне суперинтендант, в шприце была наперстянка. Любой врач счел бы естественной смерть от сердечного приступа в таких обстоятельствах. Джози высвободила один из каменных шаров на балконе и намеревалась потом сбросить его вниз, чтобы приписать смерть внезапному испугу, вызванному падением.

— Какая изобретательная чертовка, — проговорил Мелчетт.

— Итак, упомянув третью смерть, вы имели в виду Конвея Джефферсона? — спросил сэр Генри.

Мисс Марпл покачала головой:

— О нет, я думала про Бэзила Блейка. Они повесили бы его, если б смогли это сделать.

— Или отправили бы в Бродмур, — добавил сэр Генри.

В дверь вплыла Аделаида Джефферсон, за которой следовал Хьюго Маклин. Последний произнес:

— Кажется, я почти все пропустил! И пока ничего не понял. Так что связывало Джози с Марком Гаскеллом?

— Брак, — ответила мисс Марпл. — Они поженились год назад. Но держали свой союз в тайне до смерти мистера Джефферсона.

— Никогда не сомневался в том, что Розамунда вышла замуж за подонка, — буркнул старик. — Но старался убедить себя в противоположном. Она любила его. Любила убийцу!.. Что ж, он отправится на виселицу со своей женщиной. Рад, что он раскололся.

— Она всегда была сильной стороной в этом союзе, — заметила мисс Марпл. — План принадлежал ей. Ирония судьбы заключается в том, что она сама пригласила сюда эту девушку, никак не подозревая, что мистер Джефферсон увлечется ею, лишив таким образом их обоих всякой перспективы.

— Бедная девочка, — проговорил Джефферсон. — Бедная маленькая Руби...

Аделаида опустила руку на его плечо и мягко сжала. Этим вечером она казалась едва ли не прекрасной.

— Я хочу кое-что сказать вам, Джефф, — чуть-чуть задержав дыхание, произнесла она. — Немедленно. Я намереваюсь выйти за Хьюго.

Конвей Джефферсон посмотрел на нее.

— Ну, что же, пора снова замуж... Поздравляю вас обоих. Кстати, Адди, завтра я составляю новое завещание.

Она кивнула:

— Ну да, я знаю это.

— Ничего ты не знаешь, — возразил Джефферсон. — Я выделяю тебе десять тысяч фунтов. Остальное отойдет к Питеру после моей смерти. Устраивает ли тебя такой вариант, моя девочка?

— О, *Джефф!* — Голос ее дрогнул. — Вы удивительный человек!

— Питер — хороший парень. И мне хотелось бы почаще видеть его в оставшиеся дни моей жизни.

— О да, конечно!

— У него настоящее чутье на преступления... у Питера, — задумчиво проговорил Конвей Джефферсон. — Он раздобыл не только обрезок ногтя убитой... одной из двух убитых девушек, но также и кусочек шали Джози, за которую зацепился ноготь. Стало быть, и убийца надела его своим сувениром! И он счастлив!

II

Хьюго и Аделаида прошли мимо танцевального зала. Раймонд направился к ним навстречу. Миссис Джефферсон не без излишней поспешности произнесла:

— Должна сообщить тебе новость: мы собираемся пожениться.

Идеальная, отважная и задумчивая улыбка на лице Раймонда не изменилась.

— Надеюсь, — проговорил он, глядя ей прямо в глаза и не обращая никакого внимания на Хьюго, — что вы будете очень и очень счастливы.

Пара проследовала дальше, Раймонд проводил их взглядом.

— Какая чудесная женщина, — сказал он себе. — Просто удивительная. И у нее будут деньги! Ох, это время, которое я потратил на выдумку о девонширских Старрах... Итак, удача оставила меня. Танцуем дальше, дружок...

И с этими словами Раймонд возвратился в танцевальный зал.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава 1</i>	7
<i>Глава 2</i>	29
<i>Глава 3</i>	40
<i>Глава 4</i>	58
<i>Глава 5</i>	73
<i>Глава 6</i>	91
<i>Глава 7</i>	108
<i>Глава 8</i>	129
<i>Глава 9</i>	146
<i>Глава 10</i>	165
<i>Глава 11</i>	175
<i>Глава 12</i>	189
<i>Глава 13</i>	203
<i>Глава 14</i>	229
<i>Глава 15</i>	246
<i>Глава 16</i>	260
<i>Глава 17</i>	267
<i>Глава 18</i>	272

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

АГАТА КРИСТИ. СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата Кристи

ТРУП В БИБЛИОТЕКЕ

Ответственный редактор *В. Хорос*

Редактор *В. Лебедев*

Художественный редактор *Р. Фахрутдинов*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *С. Пяташ*

Корректор *М. Ионова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 04.04.2016. Формат 70x100¹/₃₂.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,67.
Тираж 4000 экз. Заказ № 603.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».

300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.